

Александр Зорич

Сомнамбула

Книга первая

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ СОЛНЦЕ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

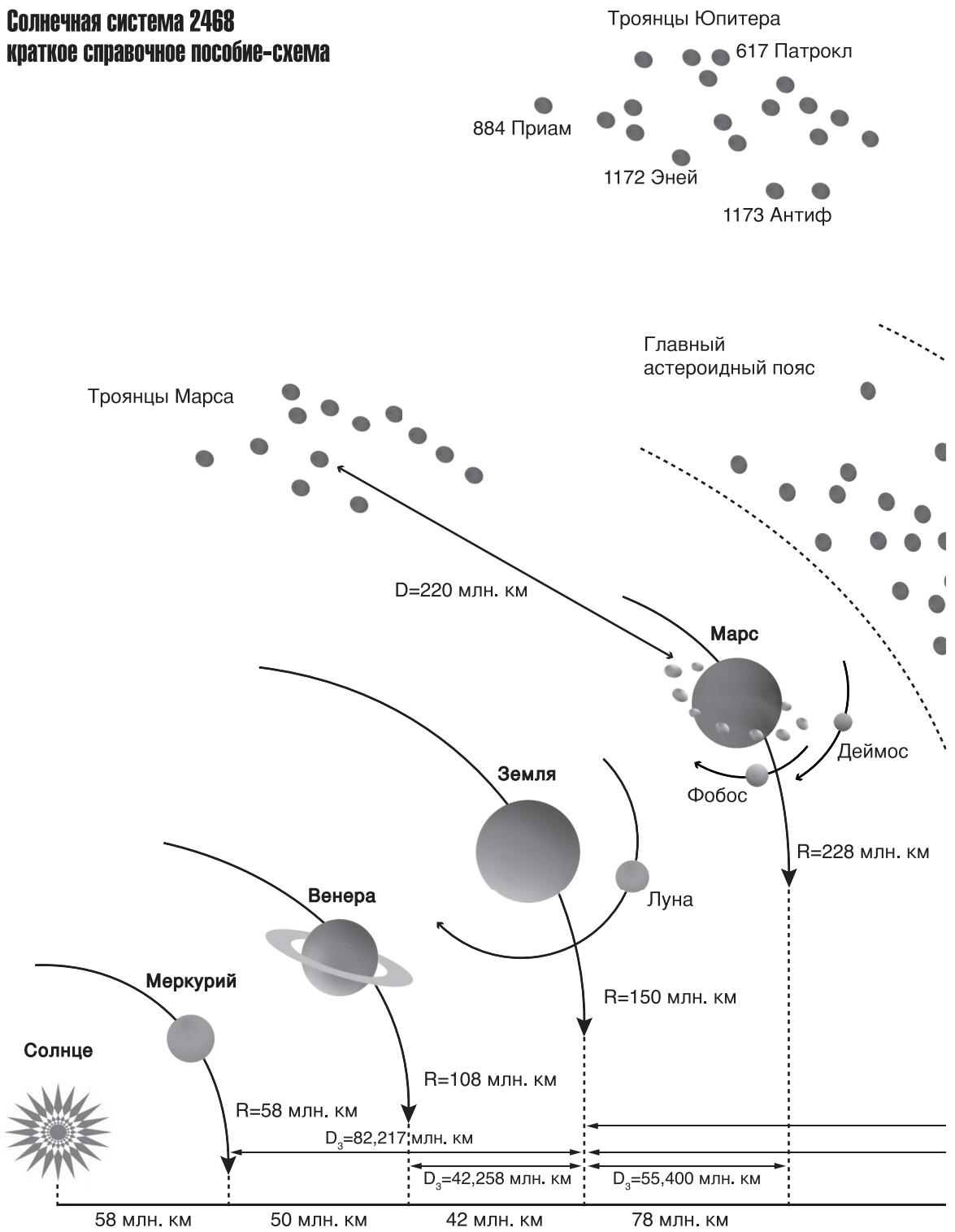

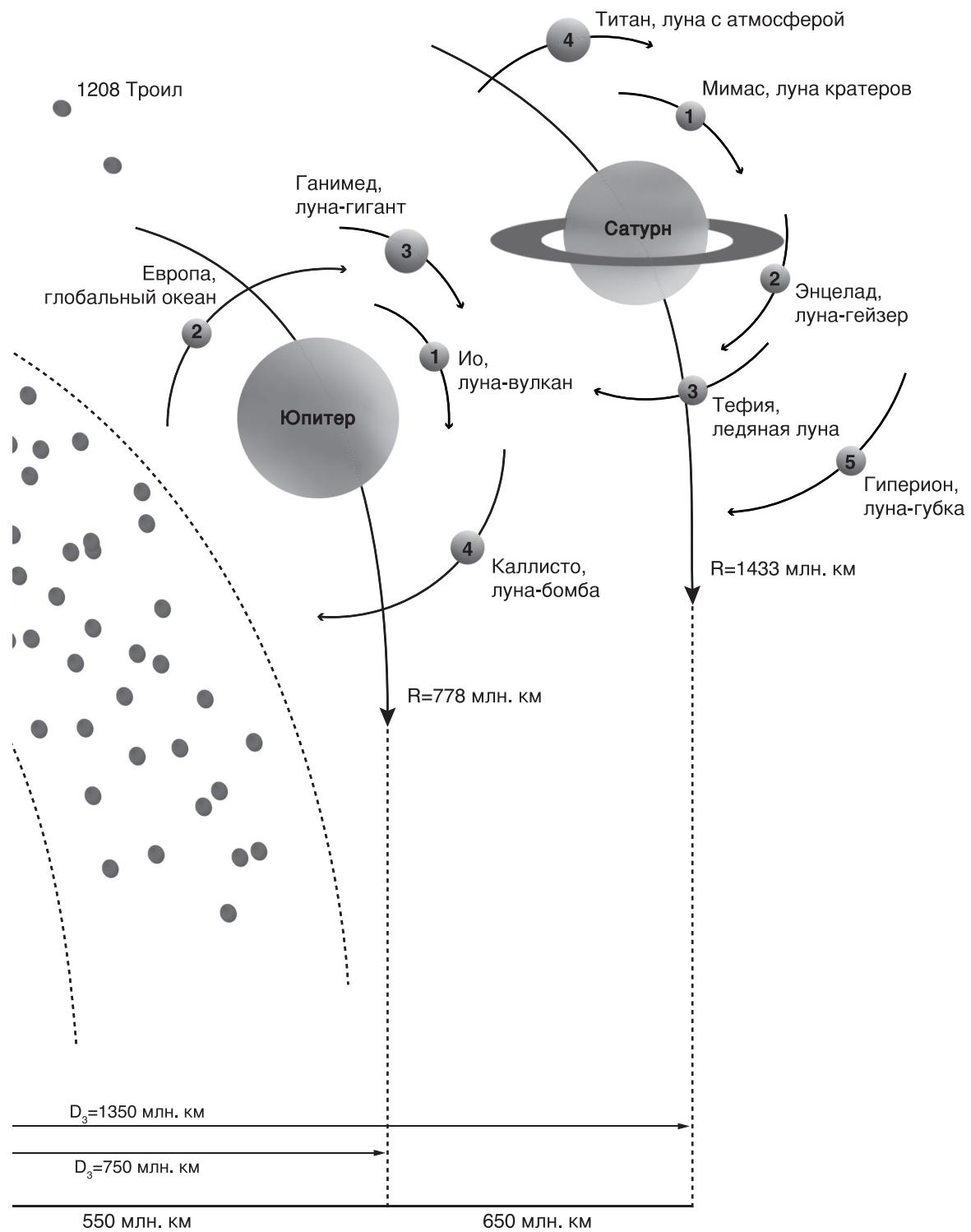
ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

Солнечная система 2468

краткое справочное пособие-схема

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
386

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Зорич, А.

386 Сомнамбула. Книга первая. Звезда по имени Солнце. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 272 с.

Объединенное Человечество 2468 года... Прекрасный новый мир, созданный стараниями тысяч пассионариев, среди которых – потомки Маруси Гумилевой. Лейтенант Матвей Гумилев только что закончил престижную лунную академию Космофлота. Перед ним открыты все дороги, но он выбирает самую трудную: службу в особой бригаде «Беллона», которая каждый день и каждый час противостоит межпланетной преступности. На космических трассах будущего неспокойно. Пираты, угнездившиеся в глухих уголках Солнечной системы, грабят караваны и похищают людей. Их агенты внедряются в крупнейшие корпорации с целью выведать современные технологии терраформирования. Поляхая огнем плазменных пушек, сражаются космические корабли на орbitах Юпитера и Сатурна... Редко доводится лейтенанту Гумилеву покидать кабину своего корвета. Но однажды он все-таки встречает девушку мечты: Анну Петровскую. Матвей и Анна, кажется, созданы друг для друга... Но они не знают, что судьба готовит им неожиданные испытания.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
386

ISBN 978-5-904454-17-3

© Рыков К., 2010
© Зорич А., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ЭПИЗОД 1

Последний звонок

Февраль 2468 г.

Город Королев, Академия Космического Флота имени В. Чкалова
Планета Луна

– Итак, господа кадеты... – доцент кафедры теории и практики противодействия глобальному экстремизму Мицар Егорович Жуматов провел ладонью по своей обширной лысине и окинул аудиторию усталым отеческим взглядом. Семинарское занятие подходило к концу. Вместе с ним подходил к концу семестр, а заодно и полный цикл обучения сидящих перед ним воспитанников Академии Космического Флота. – Вот вам последняя задачка.

По аудитории пробежала волна смутного оживления: прилагательное «последний» бодрило и звало, как выражались будущие пилоты, «на волю, в пampасы».

– Дано, – начал Жуматов с расстановкой. – На борт вашего корабля доставлены трое раненых в гражданских скафандрах без знаков различия. Каждый имеет проникающее ранение средней тяжести, сопровождающееся обильным кровотечением. Известно, что один из троих – штабной офицер пиратской группировки «Танцоры вечности». Кто – неясно. Вопрос: как с наименьшими затратами времени определить, кто именно пиратский офицер?

Ожидая ответа, Жуматов скользнул взглядом над стрижеными головами сидящих за одиночными партами кадетов.

Пауза длилась неожиданно долго, хотя задачка, по мнению Жуматова, вовсе не была трудной.

Впрочем, Мицар Егорович понимал: не о пойманной сволочи из шайки «Танцоры вечности» думают сейчас молодые орлы выпускники. А о близких госэкзаменах, о соревнованиях по боевому троеборью, о распределении, о женитьбе, в конце-то концов...

Наконец полностью синхронно поднялись две руки. Глаза Жуматова азартно засияли.

– Отвечайте вы, Марципанов.

Марципанов – низенький, широкоплечий и курносый – обстоятельно начал:

– Ну, значит так, господин майор. Я бы попытался оказать на фигурантов психологическое давление... Но поскольку это почти наверняка ничего не даст, – Марципанов виновато развел руками, – то я бы ввел всем троим психоактивное вещество. «Рутения-Б» или даже «Галапагос», чтобы наверняка.

Глаза Жуматова погасли. Он не перебивал Марципанова, который, как всегда, не блистал, но ему с первого же междометия было ясно: ответ неправильный.

– «Сыворотка правды» подействует, воля отключится, мы опросим каждого, и вот тогда-то узнаем, кто там пиратский офицер! – торжествующе закончил Марципанов.

– Садитесь, спасибо. Есть другие версии? Можно вслуш, без руки.

– Есть, Мицар Егорович! – бодро отрапортовал с задней парты лучший студент группы Гумилев.

– Опять вы, Матвей, – обреченно вздохнул Жуматов. – Впрочем, раз других желающих нет...

Гумилев встал во весь свой немалый рост, покосился на Марципанова и заговорил – быстро, дельно, словно бы куда-то опаздывая:

– У штабного офицера группировки «Танцоры вечности» кровь должна быть голубого цвета.

– А как ты узнаешь, голубого она цвета или какого? Резать

каждого будешь, что ли? – возмущенно пробасил с места Марципанов.

– Внимательно слушать надо было условия задачи, – прими-рительно улыбнулся Гумилев. – Сказано же: у всех фигурантов – ранения и кровотечения.

– А-а, действительно, было такое! – Марципанов хлопнул себя по лбу. Мол, «балда я, балда».

Жуматов посмотрел на часы. До звонка оставалось три ми-нуты.

– Садитесь, Гумилев. Все правильно. А теперь пусть кто-нибудь – только не Гумилев! – скажет мне, отчего у офицеров группировки «Танцоры вечности» голубая кровь.

Руку сразу поднял Прусаков – невысокий, с мелкими черта-ми на узком крысином лице молодой человек. Он был родом с Земли, из неудобопроизносимого захолустья.

Жуматов припоминал, что у этого Прусакова какие-то давние трения с Гумилевым. Доходило даже до дуэли, из-за которой обоих едва не выгнали. И выгнали бы, кабы не вмешательство влиятельных персон.

За Прусакова хлопотал его отец-бизнесмен. А за Гумилева – один весьма уважаемый генерал, без комментариев которого не обходится ни одна аналитическая программа на военно-космические темы.

Все это по секрету рассказала Жуматову офицер-секретарь деканата Нелли, на которую майор давно имел матримониаль-ные виды.

– Говорите, Прусаков, – поощрил кадета майор.

– В крови «Танцоров вечности» повышенное содержание меди, связанное с намеренным и многолетним приемом ряда стимулирующих агрессивность препаратов!

– Точно так! – обрадованно сказал Жуматов. – Что ж, кое-чему я вас научил... И, если верить часам, пришло время прощать-ся, – голос майора дрогнул. – Господа кадеты! Через две мину-

ты заканчивается последнее занятие девятого семестра. Мне нравилось работать с вами. Я, представьте себе, многому у вас научился! Ведь известно, что старый лис научится большему у юного простака, чем юный простак у старого лиса...

В аудитории заулыбались. Мицар Егорович, с его глазками-бусинами, редкими усиками над верхней губой и длинным острым носом, и впрямь чем-то напоминал видевшего сотни хитроумных капканов и пережившего добрую дюжину хвастливых охотников старого лиса.

– В общем, господа кадеты, я желаю вам успешной сдачи экзаменов, лихого боевого троеборья, удачного распределения и... до встречи на выпускном банкете! – как ни старался майор выглядеть каменным, в глазах у него все равно блестели слезы.

Дождавшись, когда майор закончит, сидевший за крайней правой партой первого ряда старшина группы Кондаков вскочил и, четко, по-строевому развернувшись к аудитории, скомандовал:

– Группа, встать! Смирно! К прощанию с господином майором приготовиться!

Кадеты четко, как на параде, повиновались.

– Большое! Спасибо! Дорогой! Мицар! Егорович! – единой громкой волной пророкотали тридцать глоток.

И в этот миг тишину за дверью аудитории вспорол оглушительный звонок, звуки которого, впрочем, мигом утонули в неровном «Славься, славься!», грянувшем с улицы через распахнутое окно. Там, готовясь к церемонии вручения офицерских патентов, репетировал самодеятельный духовой оркестр.

Согласно давней академической традиции на каждом учебно-боевом корвете был крупно написан не только тактический номер, но и фамилия кадета.

Никто уже не помнил, зачем это сделано.

Но версий гуляло много. Что, мол, такая мера помогает привыкать к ответственности. Стимулирует хозяйственную заботу о ма-

шине. Помогает ориентироваться посредникам-наблюдателям боевого троеборья (будто бы уникальной радиосигнатуры каждого кадета недостаточно!).

На начальном этапе боевого троеборья выпускники Академии Космического Флота имени Валерия Чкалова должны были участвовать в гонке по маршруту Луна – Земля. Условия этого этапа были предельно простыми: чем быстрее ты долетишь до полигона «Гольфстрим», расположенного на геостационарной орбите Земли, тем лучше.

Причем траекторию движения и режимы полета ты выбирайшь для себя сам.

Желаешь мучиться поначалу десятикратными перегрузками, но зато потом меньше возиться с коррекциями орбиты – пожалуйста.

Хочешь использовать Луну в качестве гравитационной пращи – твое дело.

Хочешь – о безумец! – экстренно тормозиться на конечном участке траектории при помощи верхних слоев атмосферы Земли – флаг тебе в руки!

Матвей не был бы Гумилевым, если бы не выбрал последний вариант. В случае успеха он позволял с гарантией опередить осторожничающих одногруппников на девятнадцать с половиной минут.

В случае же неудачи Матвей рисковал сгореть в атмосфере Земли вместе с разваливающимся на куски корветом где-то над южной частью Тихого океана. Но интуиция подсказывала: бояться незачем!

Главное, что привлекало Матвея в этом маршруте, – уверенность, что никому из его однокашников не хватит куражу последовать за ним. Не хватит характера рискнуть.

Поэтому, когда мимо него болидом пронесся корвет, на котором было написано «05 Прусаков» – аппарат его заклятого врага – возмущение Матвея не знало пределов!

Вражда Гумилева и Прусакова длилась не первый год.

Началась она, как водится, из-за женщины. Ее звали Евгения. Она преподавала пение в местной средней школе. Евгения была старше обоих соперников-кадетов на двенадцать лет и растила двоих детей, то разъезжаясь, то съезжаясь с полууральным мужем-экспедитором... Увы, ни Прусакова, ни Гумилева ни одно из этих обстоятельств не остановило.

Должен был пройти год, наполненный вязкими и липкими, как конфета-тянучка, отношениями, чтобы Гумилев честно признался себе: его интересует не сама Евгения и даже не ее несомненные достоинства, а возможность утереть Прусакову, до безумия влюбленному в Евгению, его кривой, жирно лоснящийся нос. Однако, когда он осознал этот факт (не без помощи штатного психоаналитика Академии доктора Угрюмова), ситуацию было уже не поправить.

Так и повелось: Евгения любит его, Матвея Гумилева, Прусаков любит Евгению и ненавидит своего соперника Гумилева, и лишь один бесчувственный Матвей никого не любит, устал от всей этой нездоровой кутерьмы и не знает, на какую кнопку нужно нажать, чтобы все это поскорее прекратилось, возвратилось к точке «ноль», да и существует ли вообще такая кнопка...

Однако вражда враждой, но зачем же вести себя как самоубийца?!

Матвей схватил тангенту УКВ-связи и, едва не откусив от нее кусок, прорычал:

– Геннадий, не дури! Сейчас же начинай тормозной маневр!

Ему не ответили. Но Матвей не сдавался.

– Геннадий, до мезосферы – семнадцать секунд лету. При твоей скорости – термозащита прогорит к чертям собачьим! Прогорит насквозь, понимаешь?

Наконец в эфире зашелестел вкрадчивый голос Прусакова. В нем слышались презрительные нотки:

– Ты всегда был слабаком, Матвей... Тебе меня не понять!

Хотя Матвей был до крайности сердит, его благоговение перед

порядком и дисциплиной удержало его от того, чтобы прибавить тяги. Он даже смог воздержаться от хлесткого ответа грубияну Прусакову. Хотя, казалось бы, сама ситуация требовала этого ответа. Матвей мысленно досчитал до десяти – как учила его рассудительная мама – и сказал в микрофон ледяным голосом:

– Как вам будет угодно, кадет Прусаков.

Вслед за чём отключился.

«Сгорит? Значит туда ему и дорога. Обеспечит минуты чистой радости для пытливых школьников из астрономического кружка...»

В следующий миг корвет Прусакова, опередивший аппарат Матвея на двадцать километров, уже врубился в верхние слои атмосферы Земли. Ярчайший плазмоид, распустившийся по кромке его термощита, стал видим невооруженным глазом. Этакий иссиня-красный георгин.

Еще через три секунды то же случилось и с корветом «03 Гумилев».

Тут же заверещала истеричная система термоконтроля. Ка-раул! Сейчас обуглимся!

Более флегматичный борткомпьютер повел отсчет убывания толщины «бутерброда» спасительного термощита.

«Сорок один... сорок и пять десятых...»

«Тридцать девять... тридцать шесть...»

Чем тоньше щит – тем выше температура на обшивке.

«Двести шестьдесят градусов... Двести восемьдесят... Триста пятьдесят...»

«Если у меня такой перегрев, то что же там у идиота Прусакова? Вообще духовка?! Будет у нас Прусаков табака... Или, точнее, запеченный в фольге».

Подтверждая его наихудшие опасения, в лобовое стекло корвета Матвея полетели малиновые от перегрева ломти прусаковского термощита.

«О, Господи!» – сердце Матвея сжалось.

Конечно, он терпеть не мог Гену Прусакова.

Даже когда-то – накануне дуэли – желал ему смерти.

Потом его чувства притупились. Фальшиво-развязный и мстительный Прусаков стал ему просто неприятен. Пожалуй, злил, вызывал презрение, а иногда, чего там, и отвращение. Но не до такой же степени, чтобы...

В тот день, однако, Бог хранил безумца.

Более того, на огневой рубеж полигона «Гольфстрим» Прусаков пришел быстрее Гумилева и всех прочих соревнующихся, выиграв тем самым первый этап боевого троеборья.

Поглядывая направо, на расположенные гарью бока корвета Прусакова, Гумилев после недолгого облегчения («Все-таки жив!») испытал укол зависти. Те секунды, которые не решился отыграть он, отыграл своей безумной отвагой его враг!

«Что ж, еще не вечер!» – Матвей решил полностью сосредоточиться на втором этапе троеборья.

На полигоне учебно-боевые задачи были достаточно сложными.

Для начала нужно было отыскать на фоне помех и среди различных списанных кораблей пять крохотных неподвижных целей, изображающих космические мины, и расстрелять их из скорострельных плазменных пушек «Алтай», установленных на носовой турели.

Что будет дальше, никто из кадетов точно не знал. Вводная должна была поступить от посредников-наблюдателей после выполнения первого этапа стрельбы.

Матвей включил на полную мощность поисковый радар переднего обзора и громко выругался – благо его никто не слышал. Весь тактический экран был загажен пометками – ложных целей отцы-экзаменаторы не пожалели!

Он стал еще злее, когда взглянул на корвет Прусакова и увидел, что тот уже вовсю пуляет из своих «Алтаев». Стало быть, соперник уже успел определиться и отсеял ложные цели!

«С другой стороны, он мог попросту ошибиться. А теперь впустую тратит ресурс стволов и время», – саркастично заметил вечный оппонент Матвея-торопыги – Матвей-рационалист.

В общем, Матвей решил действовать наверняка. И запустил для начала с левого внутреннего пилона ракету-разведчик.

Та уверенно двинулась вперед, раскрыв на шести выносных штангах дюжину скоррелированных телескопических сенсоров.

Тем временем Матвей сверился с показаниями тепловизора и радиометра. Это позволило ему сузить круг поиска до пятнадцати объектов, на которых и сконцентрировалась ракета-разведчик по его приказанию.

Совсем скоро он уверенно опознал все пять мин. А уж уничтожить их было делом минутным!

Суетливый Прусаков еще возился, а Матвей уже выслушивал долгожданную вводную от посредника-наблюдателя.

По правилам троеборья посреднику следовало быть персональной анонимной. Но чуткий Матвей сразу же узнал в бархатном баритоне, льющемся из динамика, голос преподавателя летной подготовки по фамилии Фаронов. Гумилев едва сдерживался, чтобы привычно не назвать собеседника по имени-отчеству – Павлом Петровичем.

– Значит, так, кадет Гумилев. Вторая группа целей – авиетки, условно пилотируемые условным противником на пеленге двести семьдесят от китайской орбитальной станции проекта «Шаньтоу». Эту станцию вы должны отчетливо видеть на своем радаре со склонением минус шестьдесят! Как поняли задачу?

Матвей сверился с тактическим экраном и уточнил:

– Намерен ли условный противник атаковать станцию? Или целью будет являться мой корвет?

– А вот это, голубчик, вы в реальном бою наперед никогда знать не сможете! Поэтому думайте что хотите. А самое правильное – думайте худшее!

– Так точно, Павел Пе... э-э... господин посредник!

ЭПИЗОД 2

Позор «Триумфа»

Февраль 2468 г.

Ротонда, полигон Космического флота
Первая точка Лагранжа системы «Земля – Луна»

Авиетки были благополучно расстреляны. Покончив с ними, Матвей также разобрал на запчасти две сверхскоростных цели. И теперь, уже порядком измотанный, подходил к так называемой Ротонде.

Эту космическую станцию, подвешенную в первой точке Лагранжа системы «Земля – Луна», знал каждый кадет Академии. Это сюда, к Ротонде, летали первокурсники в свой первый заорбитальный полет. Символично, что и траектория последнего кадетского полета тоже вела сюда, к Ротонде...

Гигантская космическая станция состояла из двух круглых блоков-«шайб», соединенных восемью колоннами.

Вся конструкция действительно походила на исполинскую беседку-ротонду, унесенную в космос могучим антигравитационным смерчом – похожим на тот, что умыкнул в волшебные края домик девочки Элли вместе с самой девочкой и ее песиком Тотошкой.

Каждый из блоков имел три километра в поперечнике и толщину пятьсот метров.

Верхний блок был выкрашен в серебристый цвет, нижний – в золотой.

Маршрут Матвея вел к серебристой части Ротонды.

Эта циклопическая станция была своего рода историческим памятником. Ее построили без малого триста лет назад – во времена, когда терраформирование Луны еще шло полным ходом.

Тогда назначение Ротонды было сугубо утилитарным. В каждую из ее восьми колонн был смонтирован могучий генератор атмосферы. И именно благодаря этим устройствам на Луне стало возможно жить так же привольно, как на Земле, без скафандров и без куполов над городами.

Затем Ротонду превратили в общественно-политический, можно даже сказать культовый, объект. Там проводились последние сессии Организации Объединенных Наций. Затем, когда шикарный зал чуток обветшал – концерты суперзвезд. Позднее в объемах, освобожденных от демонтированных атмосферных и гидросферных заводов, соорудили три спортивных арены. Там гремели финальные битвы футбольных и хоккейных чемпионатов, рекой лились пиво и обсценная лексика.

В прошлом веке спортивное меню было решено расширить. На объединенных аренах Ротонды устроили поля для автобола – стремительно обретающего популярность спорта для самых невзыскательных. Многоосные тягачи, карьерные грузовики, бульдозеры-терраформаторы с Марса сшибались в лязгающем угаре за право завладеть мячом размером со средний дом и гнать его к воротам шириной в проспект.

В конце концов на смену Ротонде, уставшей от оголтелых автоболельщиков, пришли станции новых поколений, чьи нарядные ожерелья сейчас украшали орбиты Луны, изученные Матвеем от и до.

А Ротонду убрали подальше, в точку Лагранжа, законсервировали и, считай, забыли.

И если бы ректору Академии Космического Флота не пришла в голову замечательная идея использовать Ротонду как полигон, имела бы она сейчас вид до крайности печальный и жалкий. А так Ротонда по-прежнему глядела бодрячком – этакая старушка-физкультурница на занятиях по аквафитнесу.

– Здесь кадет Гумилев. Прошу разрешения на посадку! – сказал Матвей, подлетая к створу стыковочного коридора.

– Посадку разрешаю, кадет Гумилев, – бесстрастным голосом отвечал незнакомый диспетчер. – Ваш шлюз – номер четыре.

Диспетчер отключился. Заговорил посредник:

– Кадет Гумилев! Согласно правилам боевого троеборья вы, как кадет, занимающий второе место в зачетной таблице по итогам двух первых туров, можете выбрать себе один маршрут из двух. Вы готовы это сделать?

«Второй! Я второй! – радостно застучало сердце Матвея. – Но кто же, черт возьми, первый? Неужели Прусаков? Только бы не он!»

Впрочем, не о Прусакове надо было думать Матвею в ту минуту.

– Я готов совершить выбор, – заверил он посредника.

– Маршруты девять и одиннадцать. Который из них?

«Мне везет! Мне сегодня действительно везет!» – ликовал Матвей.

– Девятый. Я беру девятый!

Для ликованья у Гумилева были причины!

Суть третьего этапа троеборья заключалась в преодолении полосы препятствий по заданному маршруту.

Кто быстрее прошел – тот и победил.

Полоса проходила через старый стадион для автобола, где кадета ожидали вначале узкие коридоры и крутые лестницы под трибунами для болельщиков, изобилующие различными ловушками, а затем – ямы, рвы, засасывающие воронки, огненные стены, заполненные технической водой бассейны, техногенные лабиринты и прочие радости начинаящего спецназовца.

Разумеется, проходилось и проползлось все это в экзоброне – герметичном, армированном экзоскелете. Без этого боевого защитного устройства попытка пройти полосу препятствий была чревата гибелью.

Кроме безликих механических врагов и врагов-стихий, у кадета были и живые противники – условные террористы. Этих

условных подонков требовалось безжалостно отстреливать – не из боевого оружия, конечно, но вполне всерьез. Потому как датчики попаданий, размещенные на экзоброне, вели учет полученных условных повреждений. За это снимались очки. И со временем компьютер мог счесть твою экзоброну фатально поврежденной, а тебя самого – убитым. Что, конечно же, сбрасывало тебя на самое дно зачетной таблицы.

Террористов обычно изображали кадеты третьих курсов той же Академии. На эту роль традиционно отбирали самых агрессивных и изворотливых. Покрасовался некогда в «террористах» и отличник Гумилев... Так вот тогда, два года назад, террорист Матвей успел во всех тонкостях изучить маршрут номер девять. Тот самый, который он только что выбрал! Кажется, это и называется прухой?

Когда он наконец вырвался на простор из бесконечного, темного, заваленного покрышками от грузовиков коридора под трибуналами сектора А, арена показалась ему бескрайней.

Где-то впереди, над ядовитым туманом дымзавесы, зловеще краснели ряды VIP-ложи.

Справа и слева громоздились специально обрушенные металлические фермы с осветительными батареями.

Вверху седело рустованное звукопоглотительными сотами стальное небо.

Искусственные водоемы в серых морщинах ряби были похожи на акварели будущих самоубийц...

Эстетика зрелого постметамодерна, как сказала бы мама-художник!

Увы, на дальнейшее любование стадионом у Матвея совсем не было времени. Как только он засек ближайшую вешку, обозначающую девятый маршрут, он бегом бросился к ней, предусмотрительно держа наготове автомат. Он не верил, что где-то в окрестностях первой вешки склонился некий, с позволения

сказать, террорист. Уж больно много их встретилось в коридорах. Но осторожность никогда не мешала...

Террорист так и не появился.

Зато – совершенно неожиданно – раздался взрыв. Матвей готов был поклясться: два года назад в этой части маршрута никаких взрывов не было!

Если бы мина была настоящей, боевой, то Матвея уже разорвало бы на куски, невзирая ни на какой экзоскелет. А так его просто бросило вперед и – как одеялом – накрыло кубометром грязного песка. Разумеется, экзоброня «Триумф» смягчила падение как раз в той степени, чтобы было чувствительно, но не травматично.

Матвей быстро поднялся на ноги и понесся к полосе огневого заграждения.

Пламя вспыхнуло, стоило Матвею миновать кочку с жестянной табличкой «Маршрут №9». Огонь оказался не по-учебному жарким.

Термодатчик «Триумфа» принялся страстно убеждать Матвея в необходимости очень-очень быстро и очень-очень срочно убраться за пределы очага возгорания.

Конечно же, Матвей знал, что для боевого троеборья компьютеры «Триумфов» специально настраивают на повышенный алармизм. С одной стороны, это позволяет подгонять кадетов, чтобы они не засыпали на маршруте. С другой стороны, заемное электронное паникерство учит кадетов воспринимать опасности всерьез. Ведь в реальном бою все будет жарче, неотвратимее, стремительнее...

В огне не было видно ни зги. Да и тепловизор, легко догадаться, не показывал ничего, кроме сплошной засветки.

Полагаться можно было только на магнитометр и микроволновый радар. Требовалось ненаигранное хладнокровие, чтобы под непрерывный трезвон зуммера перегрева сосредоточиться на поиске прорех в железных решетках, хаотично

расставленных по всей огневой полосе. Среди этого безобразия опасными, непреодолимыми рифами то тут, то там возвышались обглоданные пламенем остовы автобольных монстров.

К счастью, еще два года назад Матвей имел возможность наблюдать, как именно проходят полосу кадеты-выпускники. Он помнил, что два насмерть сцепившихся крупнотоннажных автопогрузчика торчат ровно по центру огневого заграждения. Правее валяется на боку механический паук-экскаватор с униформитовых копей двойного астероида Антиопы. А у противоположного края огневого поля, выбросив на пятьдесят метров грузовую стрелу, лежит подъемный кран. И, если не испугаться, перепрыгнуть через его стрелу при помощи пропульсоров, можно прилично сэкономить.

Этот бесценный опыт помог Матвею. Он выскочил из огня на две секунды раньше нормативного времени, тем самым установив рекорд курса...

Однако радость по поводу быстрого успеха сыграла с Матвеем злую шутку. Он совершенно позабыл о рядах волчьих ям, поджидавших счастливчиков за стеной огня.

Никакой осторожности не проявил Матвей, ступая широко и беззаботно. Поэтому, когда грунт под его ступнями просел и ухнул вниз, он был так изумлен, что даже закричал!

– Святые угодники! – Матвей рухнул в огромный клубок ржавой проволоки, заполнивший собою все дно семиметровой волчьей ямы.

На этот раз мало помог даже «Триумф». Падение с высоты третьего этажа обернулось нездоровым звоном в ушах, прокущенной губой и ненавистью ко всему живому!

– Предупреждать же надо! – орал Матвей непонятно кому. – Что за дебилизм? Кто их придумал вообще – эти ямы?

«Триумф» вколол ему небольшую дозу успокоительного.

Вещество подействовало быстро. Первый шок отступил. Матвей, кляня себя за то, что не сделал этого сразу же, включил пропульсивные двигатели экзоскелета.

Его тело грузно взмыло над ржавым хаосом волчьей ямы и вскоре приземлилось на твердом грунте.

Но не успел Матвей встать на ноги, как земля вокруг него вскипела ярко-желтыми фонтанчиками маркерной краски. Его определенно обстреливал из учебного автомата бойкий условный террорист.

Еще несколько маркерных пуль достигли цели, обляпав краской правое бедро Матвея.

– Четыре прямых попадания, – ледяным тоном отметил борткомпьютер экзоскелета.

Матвей быстро засек стреляющего. И сразу же наказал его гранатой из метательной мортирки, встроенной в левый рукав «Триумфа».

– Ваш противник убит, – сухо констатировал борткомпьютер.

Время поджимало. Матвей побежал вперед к очередной вешке, однако не успел преодолеть и половину пути, как интуиция швырнула его на землю.

И правильно! Сразу несколько очередей пронеслись слева и справа от него.

Он снова выстрелил гранатой. Но на этот раз гранатой-обозревателем, которая по инфракрасному излучению засекла обоих стрелявших и передала данные борткомпьютеру «Триумфа».

Мгновенно оценив обстановку, Матвей стремительно откапился за глиняный бугор, испещренный следами былых боевых стрельб из лазерных пушек.

Итак, согласно полученной от гранаты-разведчика информации первый стрелок находился в замаскированном окопе, метрах в сорока от Матвея.

Второй засел в специальном гнезде, устроенном за щитом на лежащей посреди трибуны металлической ферме. К этому щиту крепились прожектора – теперь, конечно, обесточенные.

«Хитро... Хитро! Два года назад такого не было!» – впечатлился Матвей.

Конечно, больше всего Гумилеву сейчас хотелось плонуть на обоих автоматчиков и, настроив экзоскелет на максимальную мощность, без оглядки рвануть к финишу, который был близок, ослепляюще близок!

Увы, еще несколько прямых попаданий и, в полном соответствии с правилами боевого троеборья, борткомпьютер «Триумфа», посчитав Матвея «условно убитым», заблокирует все двигательные функции скафандра. Тогда он, Матвей, попросту окаменеет, не в силах шевельнуть ни ногой, ни рукой, как какой-нибудь сказочный персонаж, сраженный силой магического заклятия.

Поэтому, теряя драгоценные секунды, Матвей был вынужден вступить в перестрелку.

К счастью, третий курс – не пятый. Стреляли господа террористы посредственно. Матвей, ежедневно упражнявшийся в тире, легко справился и с обитателем гнезда, и с его товарищем из окопа.

Теперь оптимальным было бы долететь до финиша на пропульсорах. Но они, как назло, считались условно уничтоженными.

Поэтому последнее препятствие – бассейн пятиметровой глубины, заполненный непроглядно-бурой грязной водой – Матвей был вынужден преодолевать по дну, пешком.

Матвей брел по дну бассейна.

– Температура воды – четыре градуса... Интегральная степень загрязнения – восемнадцать... Наличие токсичных веществ устанавливается... Высокое содержание теллура... Обнаружены изотопы технеция... – занудствовал борткомпьютер.

Теллур – ядовитая штука. Технезий – радиоактивная. Но, покуда он защищен герметичной экзоброней, оба редких пришельца из таблицы Менделеева ему не страшны.

Страшнее всего в таких бассейнах – потеря ориентации.

Впереди не было видно ровным счетом ничего. Телловизор, как и положено в воде, не работал. Сонаром экзоскелеты «Триумф» оснащены не были («Серьезный, кстати, просчет!» – подумал Матвей). Ориентироваться приходилось исключительно по показаниям гирокомпаса.

Он знал, что ему нужно выдерживать азимут восемьдесят. Его и выдерживал. После недавних подвигов – со стрельбой, полетами и огненными стенами – происходящее казалось скучоворотно скучным и невыразимо медленным...

Чтобы как-то взбодриться, Матвей принял напевать вертящийся на языке у каждого кадета гимн Академии имени Чкалова:

*Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Взлетные огни аэродрома...*

В аккурат на «огнях аэродрома» Матвей первый раз обратил внимание на то, что как-то подозрительно сильно вспотели ступни. А на «надо только выучиться ждать» он с ужасом осознал: это не пот!

Ноги его хлюпают в ледяной воде! И она, судя по всему, пребывает!

Водичка явно поступала внутрь экзоскелета через течь в армированной обшивке...

«Чертов борткомпьютер! – Матвей негодовал. – Загружал тут всякую ерунду про степень загрязнения, которая мне, прямо скажем, до заднего места! А самого важного, про разгерметиза-

цию скафандра, не сказал! Скафандр «Триумф» – триумф дурости и кривого программирования борткомпьютера!»

Однако даже несмотря на форс-мажор, Матвей до последней секунды не оставлял надежды добежать в экзоскелете до края водного препятствия!

Лишил вода дошла ему до груди, он сдался. Уж как ему не хотелось выныривать на поверхность и, глотая ледяную радиоактивную воду, плыть к краю бассейна этаким инженером с космомлайнера «Титаник», тонущего в океане Энцелада... А пришлось!

Сцепив зубы, Матвей потребовал экстренного раскрытия скафандра и, не слушая предостережений по-идиотски заботливого борткомпьютера, выскользнул, как цыпленок из скорлупы, в объятия враждебной стихии.

Он вынырнул. Жадно схватил губами стылый, едко пахнущий гарью воздух.

– Надежда – мой компас земной... Ага-ага, – Матвей улыбнулся.

Прямо перед ним краснели VIP-трибуны. Где-то там, знал он, склонились посредники-наблюдатели, медики, операторы техсредств полигона, там гоняют чаи отстоявшие смену «террористы» и ерничают журналисты из академической малотиражки «Полет»...

«Интересно, как будет называться заметка о моем конфузе? «Случай в теллурово-технециевом бассейне»? «Три гадких «Т» убивают кадета Гумилева»? Или все же просто «Позор «Триумфа»?»

Увы, вода имела температуру, начисто исключающую возможность длительных раздумий. Энергичным кролем Матвей рванул к берегу.

На воздухе было даже холоднее, чем в воде.

Бессильное термобелье облепило тело Матвея, и он стал похож на человека-амфибию из старинных фильмов. С его густых

волос жизнеутверждающе текло за шиворот. Очень хотелось горячего шоколада в маxровых объятиях банных халатов. До этих радостей – рукой подать! Однако...

– Мать моя черная дыра! – выругался Матвей, когда до него дошло, что бассейн – отнюдь не последний аттракцион на маршруте номер девять. – Вот тебе и пруга...

То, что он поначалу принял за ограждение арены, оказалось стеной пластикового лабиринта. Его, в соответствии с принятой в троеборье тактикой, было проще всего пройти, проламывая стены экзоскелетом как тараном.

Выглядело это довольно зрелищно – во все стороны брызжут обломки, крошатся переборки... Матвею некстати вспомнилось, как он, будучи террористом, снимал такие прохождения на портативную камеру своих мультичасов, чтобы показать потом родителям, мол, вот она какая – жизнь кадетская...

Увы, экзоскелет покоился на дне бассейна. А это означало, что Матвею придется пробежать лабиринт по-честному, руководствуясь правилом правой руки. Пробежать со всеми его тупиками, развилками и обманами...

...Когда в аккурат под надписью «Финиш» Матвей обмяк на руках ринувшихся к нему дюжих медиков, в волосах у него звенели сосульки.

– Кадет Гумилев! Вы с ума сошли?! Это возмутительно! Где ваш экзоскелет?! – напустился на него посредник майор Андрейченко.

Превозмогая головокружение и тошноту – уже проявлялись симптомы отравления теллуром, – Матвей кое-как вытянулся по стойке «смирно» и, еле дыша, доложил:

– Господин!.. Майор!.. Кадет Гумилев!.. Прохождение... Боеvого троеборья!.. Завершил! Экзоскелет... утрачен вследствие... его... разгерметизации!

– Разгерметизации? – брови майора удивленно взлетели на лоб. – Как такое может быть?! Да я двадцать лет в армии! Такой

случай был только один раз! Чтобы разгерметизация «Триумфа»! В таких-то тепличных условиях! Ты мне что, лапшу на уши вешаешь?

– Никак нет!.. Господин майор!.. Не вешаю!.. Экзоскелет доступен... для обследования... Лежит на дне бассейна...

– Ладно... Обследуем, конечно, – скрывая свое замешательство, майор покачал головой, с жалостью глядя на озябшего, ободранного кадета, которого медики, как следует обмыв антирадом, пеленали в спасительное термоодеяло и обкалывали антидотами. – А пока отправляйся-ка в медпункт. Там медсестры сегодня о-очень миловидные.

ЭПИЗОД 3

Космическая крепость «Слава»

Март 2468 г.

Город Королев, Академия Космического Флота имени В. Чкалова
Планета Луна

Банquet по случаю вручения офицерских патентов был в самом разгаре.

Успели отзвучать торжественные речи генералов и пылкие речи кураторов.

Коллектив самодеятельной военной песни, укомплектованный кадетами первого и второго курсов, дважды исполнил «Долгие лета» (второй раз, конечно, на бис). А оркестр сыграл гимн Космофлота, к великой радости дирижера ни разу не разъехавшись.

Ну а выпускники исхитрились принять кто по сто, а кто и по двести. Улыбчивые, счастливые, они сияли парадными мундирями и жадно озирались.

Матвей, трепещущий от восторга и оттого немного напряженный (в атмосфере всякого праздника он, в душе скорее нелюдим, чем общественник, чувствовал себя малость не в своей тарелке), расхаживал между группками новоиспеченных офицеров и поздравлял всех, до кого мог дотянуться бокалом.

Мысли его радостно блуждали. Он думал о сотне приятных вещей одновременно. Например, о поездке к родителям, где его отец, специально прилетевший с Венеры, в торжественной атмосфере передаст ему давно обещанную Исинку – фамильный искусственный интеллект семейства Гумилевых. Оркестра, конечно, не будет, но без знаменитой маминой хреновухи не обойдется...

Матвей сам не заметил, как оказался возле стола с холодными закусками. Там его сокурсники – веснушчатый и лопоухий дылда Иван Заяц и деловитый коротышка Артем Вороных – судачили о распределениях, то и дело закусывая коньяк моченой репой. Это понравилось Матвею (две предыдущих компании закусывали огурцом, а говорили о девушках, причем такие глупости, что Гумилеву быстро становилось неловко), и он решил присоединиться.

– ...А меня, друзья хорошие, направили на крепость «Альбатрос», – лучась самодовольством, рассказывал в прошлом кадет, а ныне лейтенант Иван Заяц. Его глаза полнились приятным предвкушением.

– Подожди, а где это «Альбатрос»? – наморщил лоб Вороных. Матвей никогда не был с ним особенно дружен. Но светлая печаль прощального банкета сообщила их отношениям неожиданную теплоту.

– Ну как же! Новостей не смотришь?

– По правде сказать, не смотрю. Некогда мне!

– Новейшая крепость Погранслужбы Метрополии! – пояснил Заяц.

– Погранслужба Метрополии – это значит крепость, соорбитальная с Землей? – уточнил Матвей.

– Ну да! В противофазе с Землей ходит, защищает, так сказать, тыл от метеоров-оверсанов!

– А ты там что делать будешь? Должность какая? – не отставал прагматик Вороных.

– Шикарная! Шикарная должность! Второй пилот приданной ракетной платформы!

– Здорово! – как-то немного траурно произнес Матвей. А сам подумал: «Ну и скучища!»

Тем временем хвастаться принял Вороных.

– А меня, вы не поверите, мужики, на Сатурн зафутболили! – Вороных, судя по блестящим глазам, тоже был горд.

– А что хорошего-то, объясни? Туда корабли по три месяца летят! – недоуменно поинтересовался Заяц.

– Как это «что»? – вытаращился Вороных. – Одних надбавок три зарплаты. И выслуга год за два! Смекаешь? В тридцать пять – уже на пенсии. И деньжищ горы, и вся жизнь впереди!

– Это еще дотянуть надо... – вполголоса заметил Заяц. – Ну а ты, Гумилев, чем нас впечатлишь? Тебя куда?

– А я сам себя. На Марс. В «Беллону», – Матвей пригладил волосы и блеснул своей жемчужной улыбкой.

– В «Беллону»? – хором переспросили Заяц и Вороных. Лица обоих, круглые и белые, вытянулись от удивления.

– Именно так. В сводную аэрокосмическую бригаду по противодействию глобальному терроризму и экстремизму «Беллона», – с удовольствием выговаривая каждое слово, подтвердил Матвей.

– Ты это, наверное, заранее решил? – предположил Заяц.

– Ну да, с детства мечтал. С отцом поссорился, да так, что мы месяц не разговаривали! И все из-за этой «Беллоны»!

– Подожди... Но как тебе удалось? – Заяц никак не мог прийти в себя. – Я же своими глазами таблицу результатов видел после боевого троеборья. Твоя фамилия там на седьмом месте была... Или даже на восьмом!

– Хуже того. На девятом, – Матвей махнул рукой.

– Но как же тогда?.. Ведь только первые пять мест... Могут сами выбирать распределение, – неприемистые мозги Зайца просто-таки закипали от натуги.

– Там такая история приключилась с экзоскелетом... Просто детектив!

– Что еще за история?

– Да, похоже, какой-то гад мне его, так сказать, заминировал, – решил все-таки рассказать Матвей. – В двух точках скафандра были заложены астатовые зерна в тонкостенных свинцовых капсулах.

– Капсулы? С астатом? Ого! – Вороных жадно отхлебнул из своего спиралью закрученного коктейльного бокала. – Это что же получается, свинец экранировал радиоактивное излучение астата, и поэтому датчики скафандра на него не реагировали, верно?

– Верно. Но астат потихоньку выделял, как это за ним водится, тепло! – Матвей все больше распалялся. – Грелся-грелся!.. А потом проплавил свинец! И вслед за ним прожег ткань экзоскелета! Образовалась дыра!

– А вторая капсула с астатом зачем? – поинтересовался внимательный Вороных.

– А вторая незадолго до того сожгла датчик внутреннего давления! И когда экзоброня разгерметизировалась, борткомпьютер об этом не узнал и меня не предупредил!

– Коварно...

– Вот именно!

– И кто же этот чудак на букву «эм», который тебе астатом экзоброню нафаршировал? – тоном злого следователя осведомился Вороных.

– Ха! Если бы я только знал! Уж я бы ему табло наполировал, не посмотрел бы ни на чин, ни на выслугу!

– А что же камеры наблюдения? Ведь экзоскелеты – они не под кустом лежат! А на охраняемом складе маринуются!

– Выключили камеры. Так вот получилось. Кто выключил – непонятно. Да не особо-то за ними и наблюдали, за нашими старенькими «Триумфами»... У них на соседних стеллажах вообще мячи волейбольные... И ракетки теннисные... Оборудование государственной важности, в общем.

– И что, выходит, не поймают гада?

– Надежда умирает последней, Ваня...

– И у тебя даже нет подозрений, кто эту подлость провернул?

– Да откуда? – Матвей опустил глаза.

У него, конечно, были подозрения. Но не было убойных аргументов. Доказательств не было. А это означало, что все «подозрения» можно порвать на мелкие клочки, бросить в унитаз и нажать на кнопку «смыть».

– Получается, тебе из-за порчи экзоскелета ненайденным злоумышленником результаты пересмотрели, так? – проявил сообразительность Заяц. – И ты из девятого оказался пятым?

– Да, пересмотрели. Целая комиссия собралась из преподавателей... Два дня ругались! Говорят, Голиков даже грозился рапорт об увольнении подать... Страшное дело! В общем, все-таки пересчитали... Я же, до того как мой экзоскелет утонул, вообще вторым был...

– Вторым? Супер, итить его налево... – в голосе Зайца, который пришел шестнадцатым, звучали одновременно и восхищение, и печаль.

Ну почему некоторым счастья дается так много, а некоторым – так мало? Судя по кислой роже новоиспеченного лейтенанта Вороных, который пришел тринадцатым, он тоже не знал ответа на этот вопрос.

Однако Матвей, несмотря на свой цветущий жизнерадостный вид, почему-то не чувствовал себя счастливым.

Вроде бы у него было все. Отличные понимающие родители, верные друзья, великолепно складывающаяся карьера и крепкое здоровье (после купания в зараженном бассейне медики даже не сочли необходимым помещать окоченевшего Матвея в стационар, настолько обнадеживающими были его анализы!...).

А вот счастья у него все равно не было.

Почему?

В глубине души Матвей знал, каков ответ на этот вопрос.

Он, Матвей Степанович Гумилев, был одинок. У него не было ни девушки, ни подруги, ни желания заводить подруг, знакомиться, что-то такое устраивать. Точнее, он все время с кем-

то знакомился и что-то пытался устраивать. Но это было так необязательно, так несерьезно, настолько не трогало его душу, что...

В общем, он предпочитал не думать о том, чего недостает ему для счастья – не думать о любви.

Сводная аэрокосмическая бригада по противодействию глобальному терроризму и экстремизму «Беллона» была знаменита далеко за пределами Космофлота.

Штаб-квартира «Беллоны» располагалась в крепости «Слава», парящей на орбите Марса. Но ее влияние простипалось на всю обжитую Солнечную систему – от раскаленного Меркурия до сумрачного Сатурна.

«Беллону» боялись все: контрабандисты, находящиеся в бегах преступники, нарушители режима межпланетных перемещений и, конечно же, космические пираты, официально именовавшиеся «членами организованных экстремистских группировок».

Собственно, для борьбы с этими группировками «Беллону» и создали в 2446 году, за три дня до появления на свет Матвея Гумилева.

Бессменным руководителем этой исключительно результативной бригады был генерал Белов.

Да-да, Белов! Тот самый легендарный офицер, который в 2445 предупредил чудовищный двойной теракт: подрыв центрального зала ожидания космопорта «Офир» на Марсе и обрушение туда же, в район «Офира», орбитального завода акционерного общества «Русская сталь».

Мужественное лицо Белова с грубо очерченными скулами, тонкими ниточками губ и сросшимися над переносицей бровями знал каждый школьник Солнечной. Поговаривали, что само название «Беллона» было подобрано по звучанию с фамилией Белова. Однако те, кто всерьез интересовался вопросом, конеч-

но же, знали, что Беллона – римская богиня войны. И недаром герб бригады украшал ее главный атрибут – двуостряя секира.

Существовала и еще одна легенда о генерале. Какой-то до-тошный журналист раскопал в архивах Земли информацию, согласно которой командующий «Беллоны» являлся прямым потомком знаменитой Марии фон Белов, жившей в XX веке и сыгравшей роковую роль в истории Третьего Рейха. Эта сенсация обсуждалась различными медиа Солнечной системы не меньше полугода, но, поскольку сам генерал ни разу не выступил ни с опровержением, ни с подтверждением своего родства с Марией фон Белов, шумиха постепенно сошла на нет.

По счастливому стечению обстоятельств, генерала Белова Матвей знал с раннего детства, поскольку тот был одноклассником и близким другом его отца, знаменитого «создателя планет» Степана Николаевича Гумилева. Не раз и не два маленький Матюша играл с дяденькой генералом (тогда еще, впрочем, подполковником) в лапту на дачной лужайке под стражей тополей! А сколько военных баек, где страшных, а где и соленых, переслушал он подростком в тиши упоительных июльских вечеров при свете полной Земли?!

С первых дней существования «Беллоны» генерал Белов смог поставить дело так, что бригада всегда получала новейшие, самые лучшие образцы техники и вооружений.

Не составляла исключения и «Слава» – главная крепость «Беллоны».

Военная цензура крайне неохотно пропускала изображения крепости в открытое вещание. Поэтому даже Матвей Гумилев, хотя и был кадетом престижной Академии, имел достаточно смутное представление о том, как она выглядит. И теперь, глядя на «Славу» из иллюминатора курьерского планетолета «Ус-сурыйск», Матвей дивился масштабам и величию открывавшейся его глазам картины.

Крепость была собрана из шести подковообразных блоков. «Подковы» соединялись попарно, основаниями парабол друг к другу. Эти пары были нанизаны одна над другой на башню семикилометровой длины. Даже артиллерийские установки главного калибра терялись на фоне циклопических масштабов сооружения. Крейсер первого ранга проекта «Китай-город» казался проворным лилипутом рядом с этой застывшей в броне симфонией космической мощи Объединенного Человечества.

– Господа пассажиры! – раздалось в наушниках у Матвея. – Настоятельная просьба воздержаться от фотографирования и видеосъемки и занять свои места в креслах-капсулах. Начинаем стыковочный маневр!

«Ну, с Богом!» – подумал Матвей и закрыл глаза. Выражение лица у него было по-детски доверчивым, какое бывает у людей, чьи мечты неумолимо сбываются.

Два месяца Матвей проходил в стажерах. Это означало, что почти каждый день начинался для него с изнурительной боевой учебы. Его инструкторами попеременно выступали то старший лейтенант Хорунжий, слывший галантным распутником, то капитан Мохаммедов, имевший славу грубияна.

«Забудь все, чему тебя учили в Академии!» – требовал угрюмый с похмелья капитан Мохаммедов.

«И чему тебя только учили в твоей Академии?» – спрашивал саркастический лейтенант Хорунжий.

И Хорунжий, и Мохаммедов имели не только разнообразные нарядные значки за выслугу лет, головокружительное количества вылетов и первоклассное пилотирование, но и редкие боевые награды, так что их авторитет в глазах Матвея был, как назло, весьма высок. По этой причине ему не оставалось другого выхода, кроме как научиться помалкивать, кивать и виртуозно вворачивать фразу «Вам виднее, господин инструктор!»

Окончание его стажировки совпало с массовым перевооружением «Беллоны». Пять флотилий разом сдавали старые корветы «Шершень» учебным подразделениям и пересаживались на новейшие «Скорпионы».

Строевые пилоты «Беллоны» видели эти машины впервые в жизни. Многим они казались неудачными, перетяжеленными, слишком сложными в управлении и просто-напросто «неродными». А вот Матвею «Скорпион» полюбился сразу. За мощное вооружение, продвинутую – сравнительно с «Тарантулом» и «Шершнем» – систему живучести, оригинальное и удобное размещение лазерной пушки главного калибра.

«Скорпион» платил Матвею взаимностью. Через несколько дней даже ворчливый Мохаммедов признал, что результаты у Матвея лишь чуть-чуть отстают от результатов лучших пилотов флотилий, базирующихся на «Славе»!

– У, шайтан! – в шутку негодовал Мохаммедов. – Не иначе как к колдуну ходил, мастерство за деньги покупал!

– Все-таки научил тебя кое-чему, несмысленыша, – исподлобья цедил Хорунжий, который смело ставил великолепные результаты Матвея на «Скорпионе» себе в заслугу.

К удивлению Матвея, на следующий день после этой сцены его вызвали в штаб Второй Марсианской флотилии, находившейся в прежде закрытом для него крыле «Славы». Но оказалось, что этот вызов был лишь прикрытием более важного – прямиком к генералу Белову.

Надо сказать, за все это время Матвей ни разу не отважился злоупотребить вниманием генерала и, конечно, не посмел загружать закадычного друга отца своими ничтожными стажерскими проблемами. Он даже не был уверен, что Белов знает о его присутствии на «Славе». Однако же он ошибался.

Стоило сомкнуться за спиной Матвея замысловатой четырехлепестковой бронедвери-диафрагме, как Белов выступил

ему навстречу и они тепло обнялись – будто находились не на орбите Марса, а на даче родителей Матвея или же в охотничьем домике Белова на берегу моря Бурь.

– Вот уж не думал не гадал я, когда у родителей твоих на свадьбе свидетелем был, что Степин сынок еще под моим началом послужит...

Щеки Матвея зарделись.

Он вспомнил, как страстно и громогласно отговаривал его отец от военной карьеры.

Как они спорили, как таили обиды. И как плакала мама, когда он, выпускник элитной школы, объявил родителям о своем решении пойти в Академию Космофлота вместо астроинженерного факультета Новомосковского университета. Но он отогнал эти воспоминания как дурной сон.

– Я тебя не просто так вызвал, – к счастью для застенчивого Матвея, генерал Белов быстро настроился на деловую волну. – А потому что вакансия одна махонькая нарисовалась.

– Дератизатором? Или на кухню, оператором картофелечистки? – попробовал пошутить Матвей.

– Не думал я, что ты такой скромник, – усмехнулся Белов.

– Но вы же сказали, что вакансия «махонькая»!

Белов расхохотался, как-то очень по-кадетски запрокидывая голову назад. Но тут же продолжил:

– Из второго дивизиона корветов, базирующихся на крейсере «Римский-Корсаков», по семейным обстоятельствам уволился пилот Лопаткин. На его место надо срочно кого-то поставить. Там люди действительно служат, а не просто зарплату получают... Вот я и спрашиваю у тебя: справишься?

Матвею было нелегко ответить однозначно.

Сказать генералу запальчивое «да» – будешь выглядеть легко-мысленным долдоном. Опасливое «нет» – скажешься трусом.

– А каков, хотелось бы знать, круг задач? – осторожно спросил Гумилев.

– Я сейчас ставлю «Римский-Корсаков» в юпитерианскую ротацию. Это значит, что крейсер с приданной ему Второй Марсианской флотилией будет водить конвой Марс-Юпитер. Далее, дожидаясь формирования очередного возвратного конвоя Юпитер-Марс, крейсер будет обеспечивать борьбу с космическим экстремизмом на орбите Юпитера. Это значит, что ты, лично ты, будешь проводить в боевых дежурствах на борту корвета «Скорпион» восемь-девять часов ежедневно...

– По-моему, это именно то, за чем я шел в военные пилоты, господин генерал! – просиял Матвей.

Минуту назад он боялся, что сейчас прозвучит что-то такое непосильное, на грани человеческих сил и его профессиональных умений. Например, генерал пообещает гонки за пиратскими челноками в щелях Кассини и Энке колец Сатурна (ведь, говорили, есть дивизион, специализирующийся и на этом!).

А тут – просто боевые дежурства. Как на практике в Академии! При такой службе он вряд ли подведет кого-нибудь – свою альма-матер, родителей или того же Белова.

– Уверен? – переспросил Белов.

– Да, – Матвей твердо кивнул. – Записывайте меня на «Римский-Корсаков»!

– Вот и здорово, – генерал Белов удовлетворенно кивнул. – Представь себе, спросит меня твоя мама, Варварушка: «А хорошо ли кушает мой Матюша?» А я ей тогда и скажу: «Отменно кушает! Я за этим делом лично проследил! Ведь на «Римском-Корсакове» трудится Виссарион Анатольевич Лемех – много-кратный обладатель звания «Лучший кок Космофлота»!

Матвей улыбнулся. При упоминании его мамы повеяло коричным, дымным, зверобоевым теплом родного дома, отделенного от «Славы» миллионами километров звенящей космической черноты.

ЭПИЗОД 4

Тяжелый день конвоя МЮ-17

*Май 2468 г.
Крейсер «Римский-Корсаков»
Район Юпитера, спутник Каллисто*

Конвой МЮ-17 состоял из пяти транспортов и двух кораблей охранения.

Среди транспортников особой статью выделялся новехонький паром дальнобойного класса «Долинск» и щеголяющий полувоенной выпривкой курьерский планетолет «Золотая хризантема».

Остальные три судна – два контейнеровоза и рефрижератор – были неказисты и вдобавок безымянны. Не считать же полноценными именами индексы КМ-105, КМ-112 и СР-4?

Однако содержимое у безымянных судов было очень даже важным. Рефрижератор вез одной только свинины две тысячи тонн. Не говоря уже о специально отобранных молочных порослятах, которых было пять тысяч голов. Поросенок на вертеле считался фирменным блюдом доброй дюжины ресторанов Хэйхэ – знаменитого летающего города в атмосфере Юпитера. А основная часть грузов конвоя была предназначена именно для Хэйхэ.

Содержимое же контейнеровозов было пестрым: от плюшевых игрушек до труб гигантского органа. Величественный инструмент предполагалось смонтировать в пафосном Доме Собраний, который на деньги Объединенного Человечества строили в новой, добавочной гондоле летающего города Хэйхэ. Настройщик органа, господин Пифке, летел на борту курьерского планетолета вместе с тремя десятками других важных и исключительно важных шишек.

Если бы не «красный уровень» экстремистско-террористической опасности, объявленный по системе Юпитера в прошлом месяце, курьерский планетолет, конечно же, прилетел бы в Хэйхэ как минимум на неделю быстрее прочих судов конвоя, в гордом одиночестве. На то он и курьерский. Но сейчас отрываться от коллектива было чревато. И командир планетолета, молодой гордец Юрий Пизанский, вынужденно смирился с этим фактом.

В охранении конвоя шли канонерская лодка «Брусилов» и крейсер первого ранга «Римский-Корсаков».

Все крейсеры, построенные лунными верфями после 2440 года, были не просто мощными боевыми кораблями с первоклассной лазерно-плазменной артиллерией и многочисленными ракетными комплексами, но и своего рода космическими авианосцами. На любом крейсере базировалось от двенадцати до шестидесяти корветов и боевых авиеток разных типов.

Крейсерам первого ранга проекта «Русь», к которому принадлежал «Римский-Корсаков», по штату полагалось сорок восемь корветов, размещенных тремя группами, т. е. подивизионно на внешних стыковочных узлах. Это была огромная силища, которая позволяла дать отпор любым налетчикам, буде таковые дерзнут себя обнаружить. Так что не удивительно, что караван МЮ-17 весь впечатляющий путь от Марса до орбит внешних спутников Юпитера проделал без всяких приключений, если за приключения не считать всекараванный чемпионат по преферансу и внезапную вспышку эпидемии полузабытого марсианского гриппа «желтая маска» среди пассажиров парома «Долинск».

По обычным человеческим меркам лететь было очень скучно. Шутка ли сказать! Каждый пилот «Скорпиона» выполнил не меньше двадцати рутинных вылетов на непосредственное прикрытие судов каравана и за сотни часов полета не увидел на своих радарах ни одной даже самой никудышней неопознанной цели!

Поэтому, когда на брифинге объявили о массовом вылете в район Каллисто, радость офицеров Второй Марсианской не знала пределов.

Матвей летел не один. С ним был штурман – простой русский парень Валерка Цзы из города-шахтера Спокойный-6, что на берегу лунного моря Спокойствия. Валерий был всем хорош – дисциплинированный и даже местами остроумный. Крупный недостаток у него был ровно один: контрактная служба на Титане, спутнике Сатурна, с которой он начинал свою ладную военную карьеру, слишком глубоко впечаталась в его нежную память...

«Когда я на Титане служил...» – этими словами Валерий Цзы начинал каждую вторую фразу.

– Здесь «Саламандра-100»! Повторяю: здесь «Саламандра-100»!

Это был, конечно же, командир его родного второго дивизиона майор Ласков, идущий сейчас на правом фланге их строя из четырнадцати машин на своем «Скорпионе» с неуставным, счастливым бортномером 555.

– Всем пилотам: приготовиться повторять маневр правого соседа с семисекундным интервалом! Всем штурманам: применение пенетраторов согласно плану!

В сказанном Ласковым Матвей понимал только то, что касалось пилотов. Что именно будут делать штурманы и даже что такое пенетраторы он, к стыду своему, не знал. Он уже собрался было спросить у Валеры, что да как, когда тот, не дожидаясь вопроса, сам принялся выкладывать суперсекретные сведения. Конечно, в свойственной себе манере, то есть «с запевом».

– Когда я на Титане служил, мы тоже сейсмолокацией занимались... Только там это по-простому было... Безо всяких пенетраторов... Бурили шурфы, взрывали заряды... Но здоровые попадались, конечно. Там с моим побратимом Арсением смешной

случай случился – однажды утром сейсмический толчок был такой силы, что он с унитаза упал! Прикидываешь? – Валерий залился здоровым детским смехом.

Матвей не стал делать вид, что улыбается. Зачем? Ведь лица его Валерка все равно не видел.

«А для чего вообще эти пенетраторы?» – собрался спросить он.

Но тут подошел его черед выполнять маневр. Следуя за своим правым соседом в строю – к слову, это был лейтенант Мокакин, – он выдал длинный тормозной импульс и, заставив корвет клюнуть носом, пошел вниз, к ржаво-коричневой поверхности Каллисто, хрестоматийно известной своими светлыми пятнами метеорных кратеров.

Ориентируясь по штурманскому плану, лейтенант Валерий Цзы, в свою очередь, выполнил боевую задачу. Матвей видел, как к Каллисто один за другим полетели диковинные снаряды. Это были окрашенные в оранжевый цвет семиметровые акулы со шпилеобразно вытянутыми мордками.

– Вон, видал? Пенетраторы! – гордость распирала Валерку. Словно он сам, своими руками собрал, да что там собрал, спроектировал эти ракеты. – Сейчас они нам всех пиратов из Каллисто выкурят... Если они там, конечно, есть.

– Думаю, нет, – сонно проворчал Матвей. Он уже привык к ровному течению будней и не верил ни в какие события. – Хотя проверить никогда не вредно.

– Ну, если не выкурят, так мы хотя бы узнаем, где пираты сидят.

– Это как? – спросил Матвей больше для порядку, потому что ни в каких пиратов на Каллисто он не верил.

– Так я же говорю: сей-смо-ло-ка-ци-я! Сейчас корветы третьего дивизиона рассредоточились над всем противоположным полушарием Каллисто и снизились до предельно малых. Они опустили на поверхность специальные зонды. От нашей

бомбеки через Каллисто пойдут сейсмические волны. Компьютеры обработают данные, полученные зондами, и получится красивая картинка. Пиратские туннели и схроны в глубинах Каллисто будут как на ладони!

– Любопытно...

Матвей был уверен, что пенетраторы уйдут в рыхлую ледяную поверхность спутника метров на восемьсот и взорвутся камуфлетами. То есть они со своей двадцатикилометровой высоты не увидят вообще никаких особых эффектов.

Пенетраторы достигли Каллисто.

Насчет отсутствия зримых эффектов Матвей жестоко ошибся.

Почти каждый взрыв – ярко-красный с неистово ярящимися витыми жгутами фиолетового и сиреневого пламени – был виден невооруженным глазом. Если бы Матвей не знал, что пенетраторы снаряжены обычной взрывчаткой, он бы счел, что они применили ядерные боеголовки.

Вступил неумолчный Валерка Цзы.

– Когда я на Титане служил, такого я, конечно же, не видел...
А тут гляди ж ты... электролиз!.. Смотрится – мое почтение!

– Какой электролиз, Валера? О чем ты? – не понял Матвей.

– Ну как! Там же километры водяного льда. «Аш два о», самый обычный. Но лед грязный, куча включений всяких... И вот из-за движения Каллисто в магнитном поле Юпитера через этот лед идут электрические токи. От них «аш два о» распадается на «аш два» и «о».

– Гремучий газ! – ахнул Матвей. – Вот оно что!

– Ну да! – подхватил Валерка. – Килотонны гремучего газа!
Мегатонны! Только спичку подноси!

– Вот и поднесли, – мрачно процедил Матвей, искоса глядя на диск Каллисто, который был теперь весь, из конца в конец, расположован черными кляксами выброшенного на десятки километров коктейля из дробленых каменных пород и разно-

сортных льдов. – Могу себе представить, как оно ахнет, если туда натуральным термоядерным зарядом засадить!

– А термоядерным нельзя! Никак нельзя! – с неожиданной для него строгостью взвился Валерка.

Он уже второй раз бомбил Каллисто, был в курсе всех подробностей, и ему было приятно покрасоваться перед новичком-напарником своей оглушительной компетентностью.

– Почему нельзя?

– Астроинженерная Комиссия запретила! Говорят, расколется наша Каллисточка на сто тысяч комет и дырку от бублика!

– Плохо...

– А по мне, так хоть бы и раскололась. По крайней мере пиратам негде было бы прятаться... Сколько спутников эта самая Комиссия уже в расход пустила? Нет, для них главное, чтобы все было с их соизволения! Любое самодурство – пожалуйста. Но только чтобы с лицензией на самодурство, а не просто так, по пьянке.

Разговор двух экспертов с мировыми именами был прерван новым вызовом майора Ласкова.

– Здесь «Саламандра-100»! Внимание всем! Третий дивизион завершил сейсмолокацию Каллисто. Примите трехмерную карту объекта. Красные маркеры обозначают наиболее подозрительные на выходы подземных туннелей зоны, в которых можно ожидать вылет на поверхность боевых единиц противника!

Почти сразу вслед за тем по правую руку от Матвея над проектором тактического планшета сформировалась синтезированная картинка Каллисто. Спутник был облеплен роями разноцветных маркеров.

– Ого! – вопреки обыкновению, Валерка был лаконичен.

Уже сорок две минуты они методично отрабатывали маркеры на трехмерной схеме Каллисто.

Выглядело это так: пара корветов заходила на очередную группу подозрительных кратеров и на выбор обстреливала их либо главным калибром, либо одной-двумя ракетами.

Матвею казалось, что они совершенно понапрасну выбивают из Каллисто очередные тонны ледяной пыли, как вдруг все закипело.

Из змеистого каньона по правому борту от их «Скорпиона» вдруг свечой вышли штук двадцать летательных аппаратов, рассыпающих в стороны фейерверки ложных целей и ловушек-обманок.

Все аппараты шли на предельной тяге.

Не успел Матвей и глазом моргнуть, как датчики ракетного нападения забили тревогу.

– Мы атакованы! – заверещал Валерка.

– Вижу! – крикнул Матвей.

Его руки, опережая сознание, порхали над пультом управления.

«Скорпион» резво рванул вперед, едва не столкнувшись с корветом лейтенанта Мокакина. В то же время мощнейшие помехи встали стеной между ними и приближающимися пиратскими ракетами.

Кроя по матери нападающих, Валера Цзы бросился к кормовой турели...

Матвей краем глаза заметил, как одновременно взорвались три корвета – два, вероятно, были пиратскими, а третий, увы, принадлежал их второму дивизиону. Он впервые был в настоящем космическом бою. И не очень хорошо соображал, что именно ему следует делать.

– Здесь лейтенант Гумилев, – начал он. – Прошу указаний!

К его удивлению, ему ответили очень быстро. И как-то даже буднично.

– Сбивай все, что движется, покуда есть чем! – это был Ласков.

– Так точно! – сказал Матвей и сам себя устыдился. «Прошу указаний»... Как ребенок!

Стыд придал ему остервенения.

Он резко поставил корвет на дыбы.

В поле зрения радара теперь отлично помещались все пиратские корветы, уверенно прущие вверх.

Матвей выбрал ближайшую цель и обстрелял ее из главного калибра.

Не дожидаясь анализа результатов, перешел к следующей цели и, пока перезаряжалась лазерная пушка, швырнул вдогонку три ракеты.

– Так их! Мочи! – задорно вопил Валерка, поливая из хвостовой турели одному ему ведомые космические дали.

– Приготовься, сейчас будет «семерка», – с этими словами Матвей заставил всю связку маршевых дюз «Скорпиона» заполыхать миллионами кельвинов горячей плазмы.

Гумилев был не одинок. Вместе с ним в погоню за пиратами сорвался и весь его дивизион, и другие корветы Второй Марсианской флотилии. А на подходе к конвою пиратов встретил плотный огонь «Римского-Корсакова» и канонерки.

К сожалению, на проклятом эффекте внезапности пиратам удалось отыграть несколько роковых секунд. Поэтому для всех без исключения корветов второго дивизиона эта гонка прошла в соответствии с сомнительным олимпийским принципом «главное не победа, а участие». Результативно сработать по пиратам сумели только дежурившие на стационарной орбите Каллисто корветы первого дивизиона.

Но самое страшное: два пиратских корабля смогли прорваться непосредственно к судам конвоя!

Никто не ожидал от вероломных мерзавцев такого эпического безрассудства! Но оба корвета, атаковав паром «Долинск», уже не сошли с боевого курса.

Один корвет врезался в паром на уровне главной пассажирской палубы и взорвался, вырвав из обшивки кус площадью с два футбольных поля.

Второй корвет уже в последний миг получил попадание из единственной кормовой турели парома. Случайно сработавшие маневровые движки немного искривили траекторию корвета и, вместо того чтобы взорваться в реакторном отсеке «Долинска», он принял левее, вырвал с мясом одну из громадных маршевых дюз и уже в разобранном на иголки виде унесся прочь, в направлении Ганимеда.

— Я и не знал, что среди пиратов есть камикадзе, — с задумчивостью произнес Валерка Цзы.

— Теперь будешь знать, — буркнул Матвей.

На самом деле он был потрясен. Только что на его глазах погибли сотни невинных людей — пассажиры парома «Долинск». А он не чувствовал ничего. Только голод и усталость.

— Когда я на Титане служил, видел крушение круизного корабля с Земли... Пил потом три дня. В себя прийти не мог, — тихо сказал Валерка.

— Ну а потом? Когда три дня прошли?

— Пил еще три дня.

ЭПИЗОД 5

Летающий город Хэйхэ

*Май, 2468 г.
Летающий город Хэйхэ
Тропосфера Юпитера*

Та скоротечная стычка стала для Матвея боевым крещением. А для всех командиров дивизионов – поводом для мощной выволочки со стороны командира флотилии.

Мыслимое ли дело?! Превосходящие силы правопорядка прохлопали пиратскую атаку и допустили многочисленные человеческие жертвы на борту охраняемых кораблей!

Полетели головы. В высоких кабинетах стало тихо и тревожно.

Правда, Матвею все эти перестановки наверху были глубоко безразличны, ведь младшего офицерского состава они не коснулись. Настроение у Гумилева было даже приподнятым. Еще бы! Ведь в самом ближайшем будущем розовой громадиной маячил прекрасный воздушный город Хэйхэ, жемчужина современного внеземного градостроительства!

Создание этого чудо-города начали, когда Матвей не весил и десяти килограммов.

Когда Матвей пошел в школу, базовые работы в летающем городе были завершены. И на его космодроме высадился жеманский, обильно надушенный десант декораторов и ландшафтных дизайнеров. Согласно своему контракту они должны были «внести человеческое измерение» в алюминиевые пустоши, парящие в толще облаков над водородными безднами газового гиганта. И они внесли. Местами даже перестарались: одних фонтанов с обнаженными наядами в городе было шесть штук.

Когда ученик выпускного класса Гумилев стал вратарем школьной команды по хоккею, Хэйхэ принял первых колонистов: рабочих и инженеров заводов топливно-энергетического комплекса, ученых, чьи исследования были нацелены не только вниз, в пылающие жаром недра Юпитера, но и вовне – к галилеевым и негалилеевым спутникам, на Сатурн, Уран и Нептун, за пределы становящейся все более тесной Солнечной системы, да и просто состоятельных любителей экзотических местожительств в конце концов.

Матвей был кадетом второго курса Академии, когда в Хэйхэ с большой помпой открылся Большой Лотосовый Пруд.

Это был самый обширный крытый водоем в истории колонизации внешних планет. И выглядел он как кадр из смелого научно-фантастического фильма про излишества далекого, сверхизобильного будущего.

Дело в том, что на борту города-дирижабля, дрейфующего в тропосфере Юпитера, по неизвестной науке ботанике причине лотосы, обычные земные лотосы, выманивали огромными, вдесятеро большими своей обычной природной величины. В цветке распустившегося лотоса мог спокойно сидеть взрослый мужчина, не говоря уже о ребенке. (При этом, что странно, другие растения в Хэйхэ оставались при своих традиционных размерах и вегетировали даже несколько хуже, чем на Земле.)

Вот эти-то цветы-гиганты и росли в Большом Лотосовом Пруду. Толпы неугомонных туристов тащились на другой конец Солнечной системы, чтобы снять домашнее видео на фоне позлащенной беседки с изречением Конфуция на китайском и русском: «Небо и земля разделены, но делают одно дело». И там же, не отходя от беседки, затариться сувенирами: симпатичной моделью Юпитера на мраморной подставке, букетом бумажных лотосов, туалетной водой «Благодать», футболькой с башней-пагодой местного горсовета и фонтаном «Влюбленные»...

В общем, когда крейсер «Римский-Корсаков» состыковался с Дэнте – орбитальным терминалом Хэйхэ, расположенным в восьми тысячах километров над городом, – сердце Матвея учащенно билось.

Скоро он увидит город-легенду! Город с открытки! Город из визора!

А когда членок, ввинчиваясь по спирали в неплотные слои атмосферы, повез его и товарищей к самому городу, он не мог отлипнуть от иллюминатора.

– Да расслабься ты, Гумилев! – иронизировал над боевым товарищем лейтенант Ушанский, душка и отменный пилот. – Будто провинциал какой с Земли... Разве что не ойкаешь и не айкаешь на каждом выражении...

– Когда я на Титане служил, у нас один парень был, из огнепоклонников. Так он на этот Хэйхэ раз в год летал, на последние деньги. Какие-то обряды тут совершил... Или что-то вроде того, – глубокомысленно делился воспоминаниями Валерка Цзы.

– А где он тут священный огонь нашел? Что вообще священного здесь может быть? На Юпитере люди отродясь не жили! – удивился Ушанский.

– В чем проблема-то?

– В том, что «священный» в моем понимании означает ну для начала «древний», – пояснил образованный Ушанский.

– Помню, тот парень говорил, что тут, на Хэйхэ, полно храмов огнепоклонников. А почему? Да кто их разберет! Они же все со сдвигом, вот и фантазируют себе всякое...

– Чтобы за сотни миллионов километров мотаться, одних фантазий мало будет, – недоверчиво заметил Ушанский. – В общем, налицо загадка!

Потребовалось всего несколько часов, чтобы загадка эта была разгадана самой жизнью.

Гостиница, где их поселили, специализировалась на доставке туристов на обзорные галереи и потому кишмя кишила этими самыми огнепоклонниками. Опрятные, ухоженные и физически развитые, наряженные в белые одеяния, забранные на талии красивыми поясами, огнепоклонники были очень мало похожи на «больных», как их определял атеист Валерка.

В общем, любопытство пересилило страх потерять деньги и время. Матвей с Ушанским, а с ними и компанейский Валерка Цзы сели в один из экскурсионных автобусов, заполненный вежливыми смуглолицыми бородачами в белых одеждах.

Если автобус ехал до места назначения минут пятнадцать, то вместительный пятидесятиместный лифт с сидячими местами тащился никак не меньше получаса.

И не удивительно! Ему требовалось преодолеть пятнадцать жилых и пять технических ярусов гигантской гондолы, в которой-то и помещался город Хэйхэ. Далее лифт неспешно скользил по многокилометровой расширяющейся к верху трубе, с помощью которой гондола крепилась к аэростатическому баллону.

Баллон делился на множество независимых секций и, занимая площадь двадцать пять квадратных километров, имел толщину километра два с половиной.

Все это лифт старательно прополз и, только достигнув верхней поверхности аэростатического баллона, чинно остановился.

Восхождение можно было считать оконченным.

– Я уже думал, никогда не доедем, – пожаловался Валера Цзы.
– Ползет и ползет... Проще уже было на авиетке махнуть!

– Дорогие друзья! – объявил лифтер-сопровождающий в красивой, с золотом, униформе. – Мы прибыли на обзорную галерею. Температура за бортом – двадцать четыре градуса Цельсия. Давление – девять с половиной атмосфер. Скорость ветра – тридцать восемь метров в секунду. По здешним меркам – штиль, – лифтер

в полрта улыбнулся. – Разумеется, обзорная галерея полностью герметична. Но благодаря отличной погоде все желающие могут за дополнительную плату арендовать скафандр и совершить выход на балкон, непосредственно в атмосферу Юпитера.

Матвей и Валера переглянулись.

– Скафандры почем? – прищениваясь, спросил Ушанский.

– Тебе-то зачем? Ты что, на службе в скафандре не набегался? – удивился Валера.

– Для коллекции! Я побывал на пятнадцати телах Солнечной системы. По Энцеладу гулял, по Тефии на снегоцикле рассекал, на Меркурии даже был, оцените! А в атмосфере Юпитера – не был никогда!

– Ну тогда как хочешь. Мне лично пятидесяти рублей жалко! – признался прижимистый Валера.

– А мне не жалко. Мне лень. Переодеваться, – пояснил Матвей.

Ушанский за скафандром все-таки не пошел. Видимо, за компанию.

Между тем смуглолицые огнепоклонники дружно похватали скафандры, разошлись по кабинкам для переодевания, а потом с живой неистовостью неофитов повалили на балкон под отеческим взглядом лифтера.

– А вы что же, господа офицеры? – спросил лифтер у Матвея и его товарищей, оглаживая бакенбарды. – Отсюда смотреть будете?

– На что смотреть-то? – Матвей обвел сонным взглядом нежажды бронестекла галереи, за которыми переливалась глухая муть, лишь в нескольких местах растушеванная разноцветными габаритными огнями аэростатического баллона.

– Как на что? На Солнце, конечно!

– На Солнце? Эка невидалъ!

– Ну как знаете, – уклончиво сказал лифтер. – Если что, вон там, за поворотом коридора, бар имеется. Там пиво, соки, кофе...

– А что? Я бы сейчас по пивку ударил! По темненькому! – Валерка жадно потер ладони.

– Да подожди ты со своим литроболом! – зашипел Ушанский.
– Надо же наконец узнать, ради чего они все тут собрались!

Прошло несколько минут, и они узнали.

Перемены во внешнем мире были столь стремительны, что напоминали взрыв.

Где-то высоко-высоко над ними, на высоте километров в тридцать, стремительно восходящее над Юпитером Солнце гнало перед терминатором ураганы со скоростью четыреста метров в секунду – быстрее звука в земной атмосфере!

«Крышка» из непрозрачных аммиачных облаков, которая во время рассветных сумерек висела точно над Хэйхэ, была взломана и отброшена прочь за считанные секунды.

Вниз обрушились потоки солнечного света.

И, хотя светило здесь было совсем небольшим, таким небольшим, что его уже хотелось называть «звездой», солнечные лучи были почти такими же яркими, как и на родной Матвею Луне.

Теперь стало видно, что Хэйхэ висит на дне грандиозного колодца, чьи стенки сложены из многоярусных разноцветных облаков, поднимающихся ввысь на десятки километров. Даже знаменитые каньоны марсианской Долины Маринеров, сложенные из разноцветных песчаников, казались жалким подражанием тому буйству красок, что увидели они – багряно-красные, медно-оранжевые, охряные, зеленые, канареечно-желтые пластины облаков, меняющих цвет в зависимости от концентрации и формулы входящих в них сульфидов. Облака переливались и, неистощимые в своем разнообразии, складывались в многочисленные аморфные фигуры – здесь слон, там остров, а вон там, похоже, крем-брюле с тропическими фруктами...

Но главное же то, что Солнце во всей этой мистерии, иначе и не назовешь, выглядело не бездушным источником света, а подвижным, деятельным Властелином, неустанно разгоняющим чары зла, разрывающим оковы мрака, создающим миры из текущей бесформенной многоцветности. Солнце было Господином.

Солнце было Всемогущим. Собственно, оно было таким, каким рисовали его мифы и молитвы мудрых огнепоклонников.

Матвей посмотрел в сторону балкона, где серебристой отарой сгрудились экскурсанты в скафандрах.

Лиц их было, конечно, не видно, поскольку они были обращены к происходящему чуду. Но Матвей был уверен: на этих лицах застыло благоговение.

– Мать моя женщина! – воскликнул впечатленный зрелищем лейтенант Ушанский. Его лицо сияло восторгом.

– Вот видишь! А ты ехать не хотел! – хлопнул Ушанского по плечу Матвей.

После смотровой галереи Матвей со товарищи посетили и знаменитый Большой Лотосовый Пруд.

Может быть, всему виной было перенапряжение сил души при незапланированном свидании с Солнцем Всемогущим, а может быть, с точки зрения искусства фэн-шуй день выдался неудачным для экскурсий на водоемы, но пруд с лотосами не-привередливого в общем-то Матвея совсем не впечатлил.

На изрядно заплеванных за день берегах пруда восторженно визжали многочисленные дети, резко пахло бегемотником и средствами дезинфекции, а лотосы, по которым, как обещал путеводитель, «можно ходить», оказались сплошь закрученными в тугие матовые бутоны (дело шло к вечеру).

Товарищи без энтузиазма обошли пруд, следуя прихотливым изгибам дорожки из красного кирпича. Даже разговор – и тот не клеился.

– Ну, болото, считай, посмотрели. Куда теперь пойдем? – сквозь долгий зевок поинтересовался Ушанский. – Может, в кино?

– Еще не хватало! Ты в своем кубрике кино не насмотрелся? – глаза Валерки Цзы искрились раздражением, как видно, он тоже ожидал от пруда большего. – Может, на футбол?

– Можно подумать, тут кто-то играть умеет. Ты хоть пред-

ставляешь себе уровень местных клубов? Уверен, у нас на «Римском-Корсакове» он как минимум не ниже! – запальчиво воскликнул Ушанский. – А ты что скажешь, Матвей? Готов поспорить, ты нас сейчас на концерт органной музыки поташишь! Окормляться духовно!

– Орган еще не собрали. Поэтому сегодня обойдется без окормления, – словно бы не замечая подколки, отвечал Матвей.

– Вообще же я предлагаю пойти вон в ту пельменную, – он указал в сторону заведения, притаившегося в тени раскидистой шелковицы. – Потому что, как сказал неизвестный классик, голодное брюхо к гласу культуры слепо и глухо!

– В пельменную? А что, идея! Мне лично пельмени с олениной по-ханты-мансийски. Говорят, они для потенции полезны!

– Ушанский приосанился.

– Да куда ее девать, эту потенцию, – снисходительно улыбнулся Матвей.

К превеликому удивлению Матвея (а также и Ушанского с Валеркой Цзы), с потенцией и точками ее приложения кое-что прояснилось. Причем прямо в пельменной.

Официантка, которой выпало обслуживать их «пилотский» столик, оказалась веселой и любознательной девчонкой с выразительным декольте.

– А вы откуда вообще? – спросила девушка, когда они надиктовали ей свой немаленький заказ.

– Мы специальные агенты разведки. Прибыли прямиком с Тифии расследовать случаи хищения пыльцы гигантских лотосов инопланетными засланцами, выдающими себя за мирных пчел.

– Что, серьезно? – официантка захлопала густыми ресницами. Она, несомненно, принадлежала к породе «прелест какая дурочка», столь мало любимой Матвеем, но, по-видимому, высоко ценимой его падкими до дармовщины друзьями.

– Еще бы несерьезно, – лукаво сказал Валерка. – Вот сейчас отобедаем – и отправимся валить чужаков спецсредствами!

Некоторых, конечно, живыми захватим. Для проведения оперативного допроса.

Пока официантка – согласно фирменной нагрудной пластинке с гравировкой ее звали Людмилой – подносила блюда, Валера Цзы тренировал свою харизму и развивал наметившийся успех. А когда официантка увидела сумму чаевых, оставленных симпатичными пилотами, в глазах ее плескались белые флаги, поднятые над крепостью благопристойности.

– Спасибо большое! Вот уж спасибо так спасибо! Заходите еще! Тем более ночью с четверга на пятницу, то есть сегодня, на Большом Лотосовом Пруду аттракцион «Ночная рыбалка». Каждый из вас сможет выловить одну рыбку, покататься на лодке и съесть свою рыбку, поджаренную на древесных углях! Начало в девять вечера!

– Мы приедем, – заверил Люду Валерка. – Но только... Только если ты, моя красавица, сможешь организовать нам в компанию еще двух симпатичных подружек.

– Подружек? – задумалась девушка.

– Да. И обязательно чтобы симпатичных. У тебя ведь есть подружки, так?

– Есть! – просяила официантка. – Кристина и Алика!

– Тогда... – Валерку распирала гордость, но он из последних сил сдерживался. – Тогда... До встречи в двадцать один ноль-ноль!

– Возле касс! – крикнула им вслед Люда, не то мечтательно, не то молитвенно сомкнув ладони на своей плотной груди, глямурно обтянутой желтой фирменной кофточкой.

Матвей допускал, что в своем воображении Люда уже видела себя по меньшей мере генеральшей, а своих подруг Кристину и Алику – верными женами двух других смазливых пилотов, которые все время так остроумно шутят и у которых денег куры не клюют.

ЭПИЗОД 6

Мальчик с пьяными голубями

*Май, 2468 г.
Летающий город Хэйхэ
Тропосфера Юпитера*

– Ты так интересно крошишь хлеб, – ласково пропела официантка Люда на ухо лейтенанту Ушанскому.

Тот, свесившись к воде с дощатого помоста (место рыбака № 116), с дурацким усердием ломал уже четвертый подряд сухой хлебец.

Быстро раскисающие, ноздреватые ломтики предназначались для рыбы, которая, если верить входным билетам, покорно таилась где-то на глубине, в ожидании, когда же ее выловят.

– Ну... Мнэ... Я, честное слово, стараюсь! – в ответ на идиотский комплимент лейтенант едва не свалился в воду сам, вслед за оброненной пачкой хлебцов.

Это только в своих рассказах за пивом в баре «Римского-Корсакова» Ушанский был записным бабником, у которого в каждом космопорту по подружке, а число внебрачных детей давно перевалило за два десятка. На деле же даже простоватой Люды Ушанский дичился, словно была она не малообразованной девушкой из бедной семьи, а дьяволицей, посланной за его бессмертной лейтенантской душой.

Большой Лотосовый Пруд конвенциональной ночью выглядел совсем не так, как конвенциональным днем. И, надо сказать, темнота ему не шла.

Если днем многочисленные источники «как бы дневного» света создавали достаточно качественную иллюзию того, что этот дивный водоем располагается на уютной, давно терра-

формированной и дружественной старушке Луне, то ночью эта иллюзия становилась какой-то кривой, вызывающе недобросовестной.

Было видно, что диск яркой Земли – он вообще-то поддельный. И что вон там, на противоположном берегу пруда, вовсе никакой не горизонт, а тривиальная голографическая картиночка весьма среднего разрешения, которая маскирует загибающуюся дугой крышу. И что самые верхние облака – они грубо намалеваны на натяжном потолке, а звезды – никакие не звезды, а лампочки с хрустальными рассеивателями. Вдобавок ночью лотосы, чьи цветки сомкнулись в плотные бутоны, не источали ни капли своего сладостного райского аромата. А запах бегемотника, напротив, лишь усилился. Хотя никаких бегемотов и не было...

Обо всем этом думал Матвей на рыбацкой сиже со спиннингом в руках.

Рядом с ним ерзала попой на той же скамеечке девушка по имени Алика – курносая брюнетка, заплетшая волосы в две трогательные школьные косички.

Справа от него, на соседней сиже, вызывающе выставив удочку, обосновался Валера Цзы со своей спутницей Кристиной.

Похоже, в отличие от Ушанского, у него все шло на лад с вдохновляющей быстротой – по крайней мере судя по тому, с какой нежностью обнимала его за талию кудрявая разбитная блондиночка Кристина (свою удочку она, в отличие от Алики и Люды, отложила в сторону с самого начала, мол, ни к чему этот идиотский маскарад). При желании можно было услышать даже, о чем они говорят. Но такого желания у Матвея не было.

А вот у Алики – было.

– Ты слышал, как твой друг жаловался, что билеты дорогие? – прыснув в кулачок, спросила она, придвинувшись к самому уху Гумилева. (Алика сразу предложила перейти на ты, а Мат-

вей зачем-то согласился, хотя не слишком хотел какого-либо сближения, пусть и в одних только местоимениях.)

– Нет.

– Он что, мало зарабатывает?

– Да вроде нет.

– Почему тогда жалуется?

– Откуда мне знать, – пожал плечами Матвей. – И потом, билеты ведь действительно дорогие. Сто рублей за час на берегу квадратной лужи. И сто рублей за одну рыбу неведомой породы! Да за двести рублей у нас на «Римском-Корсакове» можно дюжину человек самым лучшим пивом весь вечер угощать! И, между прочим, закуской тоже!

Матвей заметил, что по довольно милому (хотя и нестандартному с точки зрения канонических воззрений на женский пол) лицу его новой знакомой пробежала рябь брезгливости. Гумилев не удивился, поскольку знал: среди простых, вынужденных все время экономить людей понятия «рачительность» и «экономность» (куда автоматически попадает тривиальная способность замечать цену тех или иных товаров и услуг) очень часто тождественны порицаемым «жлобству» и «мелочности».

– Ну... Хэйхэ – вообще город дорогой, – заметила Алика не без высокомерия.

Матвей посмотрел на свой мертвый поплавок. Затем на поплавок своей спутницы, такой же бездвижный. Перевел взгляд на пухленькое плечо Алики, обтянутое рукавом кружевного платья. А с него – на электронное табло.

«Осталось: 44 минуты», – сообщал бездушный экран.

Матвей едва сдержал разочарованный вздох. Он-то надеялся, что они успели убить полчаса... До чего же медленно ползут минуты!

«Наверное, нужно предложить какую-то тему?»

– Как ты думаешь, – спросил он Алику, – рыба какой породы здесь водится? Карп, пескарь... Или, может, окунь?

Матвей был уверен, что девушка знает ответ на этот вопрос. В конце концов, она, как и Люда, работала официанткой в той же самой пельменной, которую, будь в Хэйхэ конвенциональный день, можно было бы видеть на противоположном берегу Большого Лотосового Пруда!

– Какая рыба? – Алика посмотрела на Гумилева удивленно. – Я только одну породу знаю: камбала. Я ее обычно в гастрономе покупаю. В виде звездочек таких, знаешь, уже панированных... А какие еще рыбы бывают... ну я даже и не знаю! Я больше морепродукты люблю – креветок, там, осьминогов всяких... Еще в птицах разбираюсь, – добавила Алика не без самодовольства и кокетливо откинула со лба локон.

– В птицах?

– Да. У меня в dormитории живут два волнистых попугайчика.

– Мальчик и девочка?

– А кто их знает... Я как-то не интересовалась, – лицо Алики стало вдруг усталым. – Ну а ты как, любишь птиц?

– Средне. Вот у нашего соседа по даче, Зигфрида Генриховича, голубятня была. А двух голубей он всегда с собой носил. Ну то есть как носил... Один у него на левом плече сидел. А другой – на правом. Того, который на левом – это я на всю жизнь запомнил, – звали Паштетик. А тот, который на правом, отзывался на имя Спиритус Санкти. Что в переводе с латыни означает Дух Святый...

– И что? – судя по взгляду Алики, история ее не взволновала, но все же, из уважения к своему потенциальному мужчине, она из последних сил удерживала на ней свое внимание.

– А я тогда еще школьник был, ученик третьего класса. И почему-то очень хотел, чтобы у меня тоже голуби были. И голубятня. Но родители противились. Кажется, из-за маминой аллергии... Однажды краем уха я услышал, что голуби – они как люди, от водки пьянеют. И мне стало вдруг страшно инте-

ресно, как это будет выглядеть, если любимцев Зигфрида Генриховича этой водкой напоить... Стashть из отцовского бара бутылку водки большого труда, как ты понимаешь, не составило. В общем, дождался я, когда Зигфрид Генрихович на работу в университет уедет, смочил водкой хлеб и раскидал раскисший мякиш на полянке возле голубятни. Я, конечно, с нетерпением ожидал какого-то особо уморительного циркового представления с пестрой неразберихой и бурными аплодисментами... Думал, сейчас птицы начнут крутить фигуры высшего пилотажа – все эти «бочки», «горки», «иммельманы», понимаешь?.. На худой конец – подерутся. Однако голуби профессора математики Зигфрида Генриховича вели себя удручающе интеллигентно. Поех хлеба с водкой, они тихо укладывались на спины и... засыпали наяву, тараща на вертолетно кружящийся мир свои бессмысленные глаза. Поначалу я, конечно, радовался. Дескать, удалось! Сработало! Рецепт оказался действенным! Но потом до меня начало доходить, что половина обитателей дивной голубятни уже лежит на газоне перед соседским домом, задрав лапки кверху и не издает ни звука! Я, конечно, испугался и удрал. Тем более что за кустами сирени как раз промелькнул силуэт вишнево-красного автомобиля Зигфрида Генриховича. Профессор едва чувств не лишился, когда увидел своих милых птичек. А уж каким было голубиное похмелье!

– И? – бесцветным голосом спросила Алика, поправляя сизый кисейный шарфик на своей тоненькой, давно никем не целованной шейке.

– И... Скандал был... Всыпали мне по первое число... А потом еще один наш сосед, художник-каннабист, написал маслом довольно обширное полотно в лучших традициях отечественного авангарда. Оно называлось «Мальчик с пьяными голубями». Блондинистый сорванец на этой картине был нисколько не похож на меня. Начать с того, что лицо у него было сизо-голубое, как у Кришны. А ног у него было зачем-то три. А вот голуби – те

вышли более узнаваемыми. Я с легкостью отыскал серую тушку Паштетика и жертвенно раскинувшего белые крылья дутыша Спиритуса Санкти...

Матвей посмотрел на Алику. Лицо ее выражало безмолвную муку. Может быть, она не любила слушать истории. А может, ненавидела голубей.

Но скорее всего – завидовала подругам. Кристина и Валера Цзы уже целовались. Да и Люда с Ушанским двигались в верном направлении.

Матвей уже потянулся к сумке, чтобы извлечь припасенный именно для такого событийного тупика тягучий, цвета карамели ликер «Тет-а-тет», когда на его поплавке вдруг дважды мигнула крохотная оранжевая лампочка.

– Клюет! – Алика вскочила и азартно захлопала в ладоши.

Алика еще аплодировала, а Матвей уже снимал с крючка добычу – ею оказался подозрительно вялый, хотя и достаточно упитанный зеркальный карп. Он поместил пленника в ведерко с водой и накрыл сверху крышкой, на которой чванилась золоченая эмблема Большого Лотосового Пруда и набившее оско-мину изречение Конфуция.

Через несколько минут начало клевать у Алики.

– Подсекай! – потребовал Матвей.

– Я не умею!

Пока они возились с Аликиным карпом, рыбацкое счастье явилось и Кристине, и Валере, и их соседям справа – упитанной чете чернокожих землян с двумя бесформенными детьми, и даже Ушанскому с Людой.

Синхронность появления рыбы на крючках клиентов аттракциона сразу насторожила Матвея.

«То ли рыбку на крючки цепляет специальный подводный бот – каждому клиенту по одной... То ли карпов выпускают в резервуар единомоментно, сообразуясь с таймером, а до сигнала таймера их там просто нет... Впрочем, последнее вряд ли.

В этом случае есть риск, что умелый рыбак поймает три рыбы вместо одной. А новичок не поймает даже старый ботинок. А ведь за рыбу деньги заплачены! И клиент очень даже может подать в суд за предоставление недоброкачественных услуг, если останется без улова!»

А потом они ели своих карпов в ресторанчике неподалеку. К счастью, сидели они все вместе за одним общим столом. И Матвей уже не был обязан развлекать Алику разговорами. Тем более что Валерка Цзы жег без умолку.

А потом они пили шампанское и ели десерты. А потом снова пили – уже коньяк – и ничего не ели. Потому что есть уже было некуда.

Все три девушки пребывали в крайнем оживлении. В перерывах между мнимоумными и напыщенными замечаниями, каждая из молодых плебеек одаривала «своего» кавалера роковым чувственным взглядом.

Одаривала лейтенанта Гумилева и Алика. Да только...

Матвей вдруг с мучительной ясностью осознал, что если только он не поленится проводить Алику до дормитория, то дальнейшие события будут развиваться по древнему, как городская цивилизация, сценарию: сначала она пригласит его на чашечку кофе и посмотреть попугайчиков, затем она включит слашавую музыку и предложит «потанцевать», сразу вслед за этим они клюкнут еще какого-нибудь ликера, и после второй рюмки он, Матвей, должен будет впиться в этот бледный ротик с подернутой бесцветным пушком верхней губой страстным поцелуем...

А утром он встанет рано-рано, с добродушным удивлением взглянет на часы и, сообразив-таки, куда же его занесло, кое-как оденется. Потом он, содрогаясь от отвращения к себе, растворит в стакане воды детоксикант, который залпом выпьет, перед тем как навсегда закрыть за собой дверь. А Алика, натя-

нув на уши стеганое одеяло, будет делать вид, что крепко спит и не слышит, как шипит растворимая медицинская смесь, как клацает защелка туалета и как сквозняк хлопает форточкой на кухне...

– Ну... мне, пожалуй, пора, – сказал Матвей у опрятного крыльца дормитория.

Алика не смогла сдержать гримаски удивления, которая на несколько мгновений исказила ее сложно вылепленное лицо. Но все же овладела собой.

– Тогда встретимся завтра, так? – спросила она неуверенно.

Матвей хотел из вежливости сказать «наверное». Чтобы не расстраивать хорошую девушку. Но его губы вместо этого сами произнесли:

– Нет, не встретимся.

– Но почему? – еще больше удивилась Алика.

Матвей хотел из вежливости соврать, что занят. Что его срочно вызвали на «Римский-Корсаков» для выполнения спецзадания, и когда он выполнит его, то обязательно позвонит, настучит азбукой Морзе по трубе центрального кондиционера. Но вместо этого его губы сами произнесли:

– Потому что я тебя не люблю и никогда не полюблю. Но ты симпатичная, добрая девчонка. И я желаю тебе счастья.

Шагая по обметенным искусственным ветром тротуарам через залитый светом фонарей Хэйхэ, Матвей думал о Валерке Цзы и Ушанском.

«Интересно, они счастливы? Или, в отличие от меня, просто считают необходимым делать вид, что да?»

ЭПИЗОД 7

Два корвета, лазерный бур и «Серны»

*Июль 2468 г.
Крейсер «Римский-Корсаков»
Район Юпитера*

Сигнал SOS поступил, когда его меньше всего ждали. А впрочем, бывает ли иначе?

На крейсере «Римский-Корсаков» как раз пробили корабельную полночь.

Офицеры первой вахты принимали боевые посты.

Вестовые разносили традиционный грог, к которому полагалось печенье, посыпанное пыльцой блуждающих марсианских колокольчиков.

Ну а Матвей как раз досматривал по визору шестидесятый эпизод исторического сериала «Бросок на Плутон».

Серия закончилась интригующе: командир космической экспедиции, застрявший на Хароне, варил на спиртовке суп из кожаного ремня и ожидал прибытия спасательного бота. Матвей неумолимо клонило в сон. Он клевал носом, вытянувшись на своей койке.

Образы сериала плавно перетекали в грезы о таком нескором отпуске на родной Луне, на каком-нибудь уютном море... Да хоть и на том же море Бурь... Правда, вместо супа из ремня Матвей рассчитывал на нечто более съедобное, хотя, пожалуй, и не менее экзотическое: ну хотя бы на печеных лунных черепах или на похлебку из щупальцев еврокракена (весьма эффектного моллюска, живущего в окрестностях вулканов на дне океана, покрывающего Европу, спутник Юпитера).

Внезапно динамик корабельной трансляции взорвался криком вахтенного офицера:

– Внимание, боевая тревога! Личному составу второго дивизиона собраться на ангарной палубе!

В первую секунду затуманенный дремой мозг Матвея принял слова вахтенного за реплику из фильма. Однако требовательное мяуканье тревожной сирены окончательно вернуло его к реальности.

Лейтенант Гумилев вскочил, натянул на себя летный комбинезон и бросился к зеркалу. Чтобы причесать его непокорную шевелюру требовалось время куда большее, чем на выполнение собственно уставных манипуляций с одеждой и спецснаряжением.

Зажужжали сервоприводы раздвижной гермодвери, и вот уже Матвей влился в тревожно галдящий поток боевых товарищей. Все они спешили к месту сбора.

– Что стряслось-то? Ты не в курсе? – спросил Матвей у бывалого старлея Овчарова.

– Судя по тому, что «борьбу за живучесть» не сыграли, ровным счетом ничего интересного, – отвечал старлей с самодовольной улыбкой.

За пять месяцев в «Беллоне» Матвей научился понимать непрятязательный юмор «стариков». Любая, даже самая жестокая схватка была для них событием желанным, а вовсе не устраивающим. Поэтому по-настоящему серьезным происшествием все они соглашались считать только прямую угрозу существованию их родного крейсера. Что, скажем прямо, было практически невероятно.

На ангарной палубе их встретил старпом Сазонов. На нем был парадный мундир – необъяснимый (ведь полночный час), но весьма эффектный.

«Что он, сфотографироваться решил для элитной службы знакомств? Среди ночи?»

– Господа офицеры! Нами только что получен сигнал SOS. Сигнал пришел из района Ио, – сказал Сазонов своим раскастистым басом. – Повторяю: из района Ио, спутника Юпитера. Из-за значительного расстояния и сегодняшних сильнейших всплесков радиационной активности Юпитера сигнал слаб и очень сильно искажен помехами. Поэтому мы не смогли определить тип и название судна, терпящего бедствие.

– Нет ли здесь провокации? – спросил как всегда бдительный капитан Свирин.

– В том-то все и дело, господин капитан! Мы с командиром действительно подозреваем провокацию со стороны так называемых пиратов. Вполне вероятно, они надеются, что «Римский-Корсаков» вышлет в район Ио большую часть своих боеспособных корветов. Тогда экстремисты получат возможность атаковать временно оставшиеся без опеки транспорты нашего конвоя. Именно поэтому мы приняли решение поднять на охрану транспортов весь второй дивизион. Заблаговременно. Во избежание, так сказать, случайностей.

Матвей нахмурился. «Что за фокусы? Транспорты охранять, конечно, надо... Но должен кто-то и на сигнал бедствия вылететь! Проверить! А вдруг это все-таки не провокация? Вдруг какое-то туристическое или исследовательское суденышко действительно попало в переплет на орбите Ио? Луна это известная, исключительно живописная... Одних художников там как собак нерезаных... Хотя, конечно, не в эту пору юпитерианского года...»

Но Матвей не успел озвучить свои ценные мысли. Его опередил убеленный сединами майор Ласков, командир второго дивизиона.

«Майор Ласков не очень-то ласков», – приговаривали в дивизионе. И не без причины: Ласков действительно никогда не улыбался. Даже во время просмотра убойных выпусков шоу лунных комиков он неизменно являл собою истукана с острога Пасхи.

– Господин полковник! Разрешите внести в ваш план творческую изюминку, – с каменным лицом сказал Ласков.

– Попробуйте, – благосклонно кивнул Сазонов, с трудом пряча улыбку. Уж больно плохо дружило прилагательное «творческий» с фамилией Ласков.

– Разрешите выслать пару корветов по пеленгу сигнала SOS на орбиту Ио. На случай, если это не провокация.

Вдруг Матвей, повинуясь внезапному и совершенно необъяснимому импульсу, сделал шаг вперед и, дерзко нарушая субординацию, воскликнул:

– Разрешите мне, господин полковник! Я бывал на Ио четыре раза. Я хорошо знаю эту луну! Если дело дойдет до малых высот, я смогу приладиться к тамошней лоции. А она на Ио непростая!

– Это, конечно, ценно, – раздумчиво произнес Сазонов. – Но меня беспокоит, лейтенант, что у вас совсем мало боевого опыта...

– Именно поэтому мне следует его приобретать всеми доступными способами! – не сдавался Матвей. – Господин полковник!

Как видно, его настырность понравилась Сазонову.

– Что ж, пусть... Пусть. Вы полетите ведомым капитана Чубова. Только ради Бога, сразу отбросьте всякие романтические чаяния!

– Прошу прощения? – не понял Матвей.

– Относительно того, что над Ио терпит бедствие красавица-принцесса в белом платье, расшитом жемчугами... Или еще что-нибудь в таком духе.

– Ах, это... Я не романтик. Я реалист, господин полковник! – соврал Матвей с самым мужественным выражением лица.

Полмиллиона километров до Ио они покрыли в рекордные сроки: один час сорок семь минут.

Такой скорости позавидовал бы и великий космический гонщик Павел Ураганов, кумир всех новомосковских блондинок!

Для начала Матвей и капитан Чубов использовали одноразовые термоядерные прямоточники «Нерпа-5», а затем на всю катушку врубили модернизированные маршевые движки своих новехоньких «Скорпионов» серии РД-65.

Непрерывные перегрузки взбодрили Матвея – сна не осталось ни в одном глазу.

Да что там сна! Ни одна мысль не взвихрялась теперь в голове Гумилева – мозг как будто выжгли проклятые разгонные и тормозные шесть «же». Пожалуй, если бы кто-нибудь спросил теперь у него, зачем он летит к Ио, Матвей был бы обречен дать ответ с совершенно неприличным запозданием.

К счастью, у Матвея был капитан Чубов, который уже давно не реагировал ни на какие «же», меньшие порога прочности конструкционных сталей. Даже конька с «Байкалом» его не брал.

– Господин лейтенант, как моральное состояние? – спросил Чубов.

– Да.

– Что «да», господин лейтенант?

– В смысле... Терпимое.

– Вы абсолютно уверены?

– Нет... Не абсолютно.

– Тогда приказываю сделать себе стимулирующую инъекцию!

– Есть.

Матвей замолчал, дожидаясь, пока тонкая игла встроенного в скафандр инъектора делала свое деликатное медицинское дело.

– Ну как, пришли в себя?

– Так точно, – сказал Гумилев гораздо более уверенно.

– Тогда прошу доложить тактическую обстановку по данным ваших сенсоров.

Матвей взглянул на приборную панель.

– Наблюдаю пять навигационных бакенов, три ретранслятора, сорок два пассивных орбитальных объекта, классифицированных как сброшенные топливные баки и отработавшие спутники.

– То есть никаких следов судна, терпящего бедствие? – уточнил Чубов.

– Именно так, господин капитан.

В этот момент на приборной панели перед Матвеем замигал красный индикатор аварийного радиоканала.

Матвей машинально хлопнул по клавише, и в его наушниках зазвучал синтезированный мужской голос:

– Внимание всем, кто меня слышит! Я яхта «Ассоль». Порт приписки Четвертый Рим. Падаю на поверхность Ио. Текущие параметры моей траектории...

Мужской голос яхты с женским именем не успел закончить, потому что канал перехватил капитан Чубов.

– Матвей, внимание на тактический экран. Я засек ее! – восхликал он. – Яхта сейчас почти строго под нами. Внимание на экватор Ио!

Матвей последовал приказу капитана, переведя вывод данных от тактических радаров со стандартного экрана на всю ширь лобового стекла пилотской кабины корвета. Все пространство перед ним превратилось в гигантскую многоцветную лазерную голограмму.

Многочисленные вулканы и тектонические котловины Ио распустили перед ним дымчатые хвосты.

Озера кипящей ртути приподняли свои сизые вуали.

Блуждающие циклоны горячих газов, являя завидную благовоспитанность, величественно провернулись на положенные доли градусов за отмеренные межпланетным этикетом секунды.

Все эти красоты были синтезированы борткомпьютером в искусственных «дневных» цветах. В реальности же они с Чубо-

ым приближались к Ио с ночной стороны. Без помощи своих цифровых ассистентов они не могли сейчас увидеть на поверхности этого спутника Юпитера по сути ничего, кроме нескольких тускло-оранжевых углей и серпов, указывающих на самые яростные извержения вулканов.

И вот, на фоне черного диска Ио (в натуральных цветах) и бессовестного многокрасочного великолепия (в цветах искусственных, «дневных»), падающей звездой неслась вниз по пологой гибельной траектории сияющая точка. Как видно – та самая злополучная яхта «Ассоль», порт приписки Четвертый Рим.

Она находилась на очень низкой, нестационарной орбите, которая по существу уже и орбитой-то не являлась. А была траекторией схода с низкой орбиты – спиралью, которая, сужаясь, накручивалась на Ио и была обречена закончиться где-то на ее поверхности. Удар, гром в отсеках, вспышка, километровый кратер...

Но думать об этой ужасной коллизии Матвей не желал. Он прогнал прочь мрачные картины катастрофы.

Вдруг в его сознании промелькнул совершенно неуместный вопрос: а кто же дал яхте столь нарочито «девчачье» название? Ведь наверняка не девушка, а какой-нибудь попивающий, несчастливый отец семейства, в детстве обчитавшийся Грина и воображавший себя капитаном Греем – возлюбленным прекрасной Ассоли... А может, и по сей день болеющий этим Греем, ищущий свою и поныне не найденную Ассоль?

Два взмаха лазерной указкой – и борткомпьютер корвета произвел видеозахват падающей яхты телескопическими визирами. После чего выдал увеличенное изображение аварийного корабля.

– Так-так-так... – пробормотал Матвей и закусил нижнюю губу, как он делал всегда, когда ему было очень-очень любопытно.

Яхта «Ассоль» была без преувеличения шикарной. Сочетание изящной хищной красоты с фантастической мощью восьмипотокового комбинированного двигателя производства Объединенной Лунной Машиностроительной Компании «Прогресс» рождало у зрителя один-единственный вопрос: сколько именно нулей сияли рядом на ценнике этого техношедевра? Даже Матвей, знавший толк в летательных аппаратах премиум-класса, затруднялся дать уверенный ответ.

Увы, положение шикарной яхты было бедственным.

Отчего-то ни одна маршевая дюза корабля не озарялась призрачным сиянием скоростного плазменного потока, способного играючи побороть силу притяжения Ио.

Работали только небольшие маневрово-ориентационные движки на брюхе яхты. Их тяга, конечно, немного замедляла падение корабля. Но отдалить роковое столкновение с поверхностью луны Юпитера хотя бы на час маневровые движки были не в силах.

«Куда смотрит экипаж? И что там вообще, черт побери, происходит?»

Как видно, капитана Чубова волновали те же вопросы.

– Пытался связаться с этими гавриками с «Ассоли». Молчат! Может, и в живых уже никого нет... А дистанция, черт возьми, такая, что характер повреждений совершенно неясен... Если они вообще есть, эти повреждения...

– Господин капитан, разрешите сблизиться с яхтой вплотную! – попросил Матвей.

Мгновенно созревший в голове Гумилева план был прост: осмотреть яхту в упор и попытаться состыковаться с ней. А дальше – по обстоятельствам. Либо снимать экипаж, либо снимать трупы экипажа, либо взять управление яхтой на себя и, если повезет, запустить маршевые двигатели. Не бросать же такую красавицу в объятиях гравитации Ио?

– Сближение разрешаю! – сказал Чубов. – Но имей в виду, что...

Договорить капитану было не суждено. Прямое попадание гигаджоульного лазера вскрыло левый борт его корвета, как консервный нож – банку с сардинами.

Матвей, который шел за чубовским аппаратом почти вплотную, увидел ярчайшую вспышку, на мгновение затмившую Солнце.

В тот же миг детекторы предупредили о залповом пуске ракет. А подсистема тактического оповещения сообщила о контакте с тремя неопознанными объектами.

«Пираты! Все-таки Сазонов был прав насчет пиратов!» – пронеслось в голове Матвея.

– Господин капитан, вы целы?

Чубов ответил не сразу. Но все же – слава Богу – ответил!

– Я-то более-менее. А вот моей птичке, похоже, сломали крыльшки... Но и это терпимо. Главное вот что: ты, Матвей, засек вражеские цели?

– Так точно! Есть захват. Нет, правда, устойчивого опознания.

– Главное – это захват и элементы движения. Моему-то радару каюк. Так что включай свое внешнее целеуказание.

«Скорпион» Матвея должен был теперь стать ушами и глазами его командира. Благо техника это очень даже позволяла.

– Сделано! – отрапортовал он, когда передача данных на борт Чубова началась. – И имейте в виду, господин капитан: они выпустили ракеты!

– Ракеты я вижу, эти датчики у меня выжили. Отстреливай ловушки, включай генератор помех. И, конечно же, сразу атакуй ответно! На каждую цель по четыре ракеты, нечего жалеть!

– Слушаюсь.

На бортах «Скорпиона» имелись характерные бочковидные наплывы – там скрывались револьверные пусковые установки первоклассных ракет «Тян Ян» лунно-китайского производ-

ства. Стоило Матвею выбрать их на селекторе оружия и нажать кнопку, как «бочки» на бортах его корвета раскрылись. С неуловимой для глаза быстротой многоствольного пулемета былых времен револьверные установки выплюнули по шесть ракет «Тян Ян».

Ракеты – тоже с неуловимой для глаза быстротой – врубили свои новомодные бимезонные пропульсоры и упорхнули вперед, навстречу указанным целям.

Меж тем капитан Чубов, получивший от Матвея данные о врагах, вошел в профессиональный боевой раж.

– Ага! Вижу голубчиков! Корыто покрупнее – это, по всем признакам, списанный лазерный бур типа «Атлант». Перестроенный, конечно, перекомпонованный... В итоге из него сделали что-то вроде канонерской лодки. А две лоханки помельче – бывшие орбитальные такси. Скорее всего – «Серны». Когда я студентом был, из этих «Серн» все лунные таксопарки состояли. А теперь, видишь, грозное оружие в руках межпланетного отребья! Триста протуберанцев им в афедрон!

– Ловко вы их вычисляете, – уважительно сказал Матвей. Да и способность капитана Чубова, так сказать, формулировать его восхищала.

Чубов тем временем продолжал:

– У «Атланта» лазер имеет предельный темп стрельбы один импульс в минуту... Его все-таки для терраформирования проектировали, а не для войны. Поэтому у нас есть еще минимум тридцать секунд на то, чтобы сориентировать все наши противорадиационные щиты для парирования его импульса.

– Вас понял... Ориентирую!

Матвей как раз окончил ворожить над приборной панелью, когда в наушниках раздался недобрый голос капитана Чубова.

– Ну вот что: у меня среди прочего приводы щитов отказали. Поэтому ты должен меня прикрыть.

– Попробую, – сказал Матвей, хотя был на сто процентов уверен, что ничего не получится.

– Отставить «попробую». Выполняй – и все получится.

Опытный пилот капитан Чубов прекрасно понимал все проблемы Матвея. Понимал он и то, что одними командирскими нагоняями дела не делаются.

Поэтому Чубов ловко подыграл Матвею своими исправными дюзами. Его «Скорпион» словно бы встал на дыбы, расцветился вспышками маневровых импульсов и, попятившись, сам спрятался за корпусом аппарата Гумилева. Да не как-нибудь, а именно так, чтобы полностью укрыться за проекцией его кормового противорадиационного щита.

– Ловко это вы! – не скрывая восхищения, сказал Матвей.

– Да ерунда.

В ту же секунду следующий импульс пиратской лазерной пушки вгрызся в многослойную толщу противорадиационного щита его корвета. Матвею даже показалось, что он слышит зловещий хруст рвущегося металла. Чего, конечно же, быть не могло.

Но кое-что скверное, конечно же, случилось: радиационный щит, приняв в себя за микросекунду гигаджоуль энергии, треснул по множеству направлений, на всех слоях одновременно. Брызнули обломки – увесистые и крошечные. Выпеснулись несколько ослепительных струй перегретой плазмы – это испарился металл вдоль вектора попадания лазерного луча.

Щит матвеевского корвета сразу же стал похож на распотрошеннную пуховую перину.

Большинство обломков щита двигались сравнительно медленно и были такими легкими, что они лишь оцарапали обшивку «Скорпионов» Гумилева и Чубова. Но один крупный обрывок стального листа, вращаясь циркулярной пилой, вошел в воздетый над корпусом «хвост» Матвеева корабля – эффектную деталь конструкции, за которую их тип корветов и получил свое название.

Этим «хвостом скорпиона» являлась сочлененная штанга, имеющая несколько степеней свободы. На ее оконечность была вынесена оружейная платформа с главным калибром – мощной лазерной пушкой. Благодаря своей подвижности «хвост» позволял наводить лазерпушку в любую точку сферы вокруг корвета, не меняя направления движения корабля.

Теперь корвет Матвея этой возможности был лишен. Подрубленный обломком щита «хвост» застыл сломанной веткой, лазерная пушка больше не опрашивалась борткомпьютером. То есть сама-то она, наверное, была целиком и полностью исправна, но коммуникации управления – они оказались разрушены.

На осознание этого грустного факта Матвею понадобилось чуть больше секунды. Но доложить Чубову о новой напасти он не успел.

Капитан ликовал:

– Успели! – задорно закричал он. – Теперь вот что: мой борткомпьютер уже закончил расчет данных для стрельбы по этим выродкам. Так что убирай своего боевого коня влево, не загораживай моему главному калибру сектор обстрела...

– Но вы же останетесь без прикрытия!

– Бог не выдаст, свинья не съест, – беспечно отмахнулся Чубов. – В общем, приказываю: я расстреливаю пиратов. А ты бери руки в ноги и быстро-быстро спасаешь экипаж яхты «Ассоль». Если там, конечно, есть кого спасать... А, чуть не забыл: выпусти в пиратов оставшиеся ракеты.

«А может, наоборот?» – хотел спросить Матвей, но тут же сообразил, что раскуроченный аппарат Чубова сейчас не обладает и третью необходимой маневренности и тяги.

А с другой стороны, его, Матвея, аппарат лишен возможности поджаривать пиратов из главного калибра. В общем, они образовали такой средневековый по сути симбиоз: слепой гусляр и его глухонемой поводырь...

Хотя Матвею и не хотелось в тот миг, чтобы его внутренний голос звучал пафосно – ему вообще не хотелось, чтобы внутренний голос звучал, – они оба сейчас совершали настоящий подвиг.

Чубов готовился в одиночку, на поврежденном корвете, биться с тремя пиратскими боевыми единицами. Которые имели перед ним преимущество по причине большей свободы маневра.

В то же время он, Матвей, намеревался идти на тесное сближение с падающей яхтой. И это при том, что на ней, вероятно, уже побывали пираты! А стало быть, после их визита на яхте могли остаться самые неприятные сюрпризы.

Какие? Любые. Ну, скажем, мина на наружной обшивке, которая шарахнет кумулятивным пестом в брюхе его «Скорпиона», как только тот приблизится для стыковки. Или мина внутренняя, в стыковочном узле, которая убьет лично его, Матвея, тем же самым кумулятивным пестом, способным пронзить насквозь любой, даже самый совершенный летный скафандр.

Пожалуй, от кумулятивного песта спасла бы экзоброня «Богатырь»... Но экзоброни «Богатырь» у лейтенанта Гумилева не было. Увы, конструкция пилотского кресла корветов типа «Скорпион» не позволяла пилоту использовать эту шикарную новинку военпрома.

Но за Чубова Матвей волновался куда больше, чем за себя. Он, Матвей, идет на сближение с гражданским судном – скорее всего, вполне безобидным – в то время как Чубов несетя на встречу трем кораблям хитрого и свирепого врага. Пусть даже каждый из них индивидуально уступает корвету типа «Скорпион» и в вооружении, и особенно в качестве бортовой электроники... Но их, черт побери, три!

К счастью, китайские ракеты не подвели. С их борта на корвет Матвея велась непрерывная трансляция. Она свидетельствовала о том, что семь из двенадцати ракет смогли преодолеть все помехи и обманки, выставленные с борта пиратских «Серн».

За пару секунд до подрыва ракеты отстрелили блоки объективного контроля. Это были небольшие сферы, утыканые видеокамерами и оснащенные достаточно мощными передатчиками.

Жили эти блоки считанные секунды, но это были драгоценные секунды. Благодаря полученным трансляциям борткомпьютер корвета смог сделать для Матвея эффектный монтаж.

«Атлант» и две «Серны».

Взрыв.

Еще взрыв.

Новая серия взрывов.

Одну «Серну» плотно накрывает конусом разлетающихся убойных элементов. Крупный план на освежеванный маршевый двигатель. Вскрытое горячее нутро, обрывки трубок...

Непропорционально огромная сравнительно с небольшим отсеком управления пушка «Атланта» покрывается густыми сериями осин – пробоинами от осколков.

В вакуум бьют струи какой-то жидкости. Потом под теплоизоляцией лазерной пушки случается что-то нехорошее, и от нее отваливается огромный кус.

«Похоже, оставил этих подонков без главного калибра. Так сказать, символически кастрировал, – удовлетворенно заключил Матвей. – Да чего там символически... И практически тоже!»

ЭПИЗОД 8

Спасение яхты «Ассоль»

*Июль 2468 г.
Корвет «Скорпион» б/н 2012
Орбита Ио*

Вблизи яхта «Ассоль» выглядела роскошней некуда. Все, что должно было блестеть, – блестело. Все, что должно было винуть, – винушило.

Матвей не удержался и заказал борткомпьютеру серию снимков яхты в суперразрешении – чтобы было что показать Валерке Цзы и Ушанскому после вылета.

Затем Матвей попробовал связаться с яхтой последовательно на средних, коротких и ультракоротких волнах. Но каждый раз ответом ему был остохреневший монолог ипохондрика-автопилота: «Я – яхта «Ассоль». Порт приписки Четвертый Рим. Падаю на поверхность Ио. Мои текущие параметры траектории...»

Матвей успел зазубрить это сообщение наизусть, когда произошло чудо. Ему ответили!

– Алло! Алло! Я слушаю вас! Не пропадайте! – билось в эфире раненой птицей взволнованное девичье сопрано.

– Кто со мной говорит? – спросил Матвей.

– Я владелица яхты. Меня зовут Аня... То есть Анна Петровская! А вы вообще кто?

– Я пилот Второй Марсианской флотилии из состава сводной аэрокосмической бригады по противодействию глобальному терроризму и экстремизму «Беллона», – строго отчеканил Гумилев. – Нахожусь рядом с вашей яхтой на корвете типа «Скорпион».

– Я могу увидеть вас в иллюминатор? – поинтересовалась девушка.

– Ну, наверное... Странный вопрос! Лучше бы вам сказать мне, исправен ли стыковочный шлюз!

– Откуда мне это знать?!

– Вы же назывались владелицей яхты!

– Но я же не капитан! – нервно бросила девушка.

– А где капитан?

– Он... Насколько я могу судить... Он покинул яхту... Точнее, похищен... Какими-то людьми... Наверное, пиратами!

– А почему они вас не похитили? За компанию?.. Впрочем, это мы обсудим потом. Пока нам надо действовать.

Как видно, замогильный тон Матвея убедил девушку в крайней серьезности ее положения.

– Что я должна делать? – спросила она кротко.

– Где вы находитесь?

– На ходовом мостике. Но я тут ничего не знаю...

– Наденьте скафандр. Герметизируйте его. Сядьте в капитанское кресло. Пристегнитесь. И ничего не делайте. Повторяю, ни-че-го!

– Как это ничего?

– Да вот так. Ни на что не нажимайте, ни на что не реагируйте, не отдавайте никаких голосовых приказов.

– А вы?

– Я сейчас состыкую свой корвет с вашей яхтой. И заберу вас.

– А как же «Ассоль»?

– Поглядим, – сухо сказал Матвей.

Он побоялся сообщить этой наверняка крайне заносчивой и экзальтированной богачке, что яхту, скорее всего, придется бросить. Ведь та, неровен час, лишится чувств от огорчения.

«Интересно, она блондинка или брюнетка?» – некстати подумал Матвей, включая маневровые дюзы для сближения с «Ассолью».

Они мчались со скоростью три километра в секунду – не так много для космоса, но более чем достаточно для гарантированной гибели при импакте.

Они стремительно теряли высоту, приближаясь к желтой, как перезрелый голландский сыр, поверхности Ио. К слову, теперь они уже находились над дневной стороной спутника, так что всю его желтизну и всю его сырость было прекрасно видно сквозь бронестекло кабины невооруженным глазом.

По расчетам Матвея, у них оставалось никак не больше десяти минут. На одиннадцатой они должны были снизиться до высоты, где уже можно зацепить густые плюмажи сернистого газа, рвущиеся из многочисленных вулканов этой экзотической луны.

О последствиях столь тесных контактов с Ио Матвей изо всех сил старался не думать, когда, обливаясь холодным потом, в четвертый раз бился о борт яхты, промахиваясь мимо стыковочного шлюза на какие-то несчастные две ладони. Чертова «Ассоль» слегка прецессировала относительно продольной оси – вероятно, из-за былой работы днищевых дюз. Этой прецессии хватало, чтобы превратить стыковку в форменную пытку.

«Будь прокляты эти люксовые яхты вместе со всем своим премиум-классом! – негодовал Матвей. – Все в них сделано в расчете на то, что их пассажиры будут жить вечно и никакие ЧП никогда не коснутся их лощеных задниц! Ну кто, скажите, разрешил им делать стыковочный шлюз с нарушением всех инженерных нормативов?»

В самом деле, если бы конструкция шлюза отвечала стандартам, принятым в русском космическом кораблестроении, эту чепуховую прецессию Матвей даже не заметил бы. Потому что ее полностью парировал бы хитроумный двухплоскостной стабилизатор шлюза.

Но стабилизатор, увы, либо отсутствовал, либо был беспребельно плох.

Времени на пятую попытку уже не было. Матвей переставил регулятор мощности малого калибра на пятнадцать процентов.

Навел в ручном режиме подвижную носовую спарку лазерных пушек.

И, когда люк стыковочного шлюза оказался в перекрестье прицела, нажал на педаль открытия огня.

Вызывающее белоснежный бок яхты «Ассоль» озарился зеленой вспышкой. Там, где только что был люк непокорного стыковочного шлюза, теперь зияла внушительная дыра.

– Не мытьем, так катањем, – проворчал себе под нос Матвей, освобождаясь от фиксаторов пилотского кресла.

Он пробрался через узкую кротовую нору осевого лаза «Скорпиона».

Вылез в свой стыковочный отсек.

Вышел в открытый космос.

И, включив реактивный ранец на спине, поплыл в сторону дыры, пробитой в боку «Ассоли» его пушками.

К счастью, дыра оказалась достаточно большой.

Через минуту перед ним уже распахнулись двери ходового мостика. (Да-да, именно распахнулись, а не разъехались в стороны! К вопросу об инженерных нормативах...)

– Здравствуйте еще раз, Анна! – сказал он фигуре, сидящей в капитанском кресле с высоким подголовником.

Фигура повернулась к нему вместе с креслом.

– Прошла целая вечность! Где вы были так долго? – капризно сказала девушка вместо приветствия.

– Должен же я был подобрать галстук в тон окантовки своего скафандра, – с галантной издевкой отвечал Матвей, подходя к главной консоли управления яхтой.

Его интересовал один крайне важный вопрос: есть ли возможность запустить маршевые двигатели «Ассоли»?

Увы, многочисленные красные транспаранты и столбцы цифр на диагностическом дисплее красноречиво свидетельствовали: пациент мертв, и средствами из домашней аптечки его не воскресить.

Если бы только ему удалось надежно состыковать с яхтой свой корвет! Тогда была бы надежда отбуксировать «Ассоль» если не к родному крейсеру (на что вряд ли хватило бы топлива), то по крайней мере на высокую, стационарную орбиту Ио. И уже там яхта могла бы дождаться квалифицированной помощи...

Увы, конструкция шлюза не оставляла надежд.

– Похоже, пираты попросту взорвали двигательный отсек изнутри, – сказал Матвей, будто бы никому конкретно не адресуясь.

– И что?

– Сейчас мы с вами быстро-быстро перелазим на мой корвет. Кто-нибудь еще на яхте есть?

С этими словами Матвей извлек из главной консоли оба «черных ящика» – благо каждый из них был размером с ладонь. И, деликатно подхватив девушку под локоток, повел ее прочь с мостика.

– На яхте больше никого... Пираты увезли всех, – сообщила девушка как-то рассеянно.

– А вами что – побрезговали?

– Я спряталась... В кабинке солярия... Но это целая история. Я расскажу ее потом. Если вы, конечно, захотите.

– Мне-то можно не рассказывать... А вот папе придется рассказать. Когда спросит, куда вы яхту девали.

Корвет Гумилева на всех парах удалялся от обреченной «Ассоли».

Анна сидела в пустовавшем доселе кресле штурмана за спиной Матвея. Глаза ее были закрыты, на лице блуждала улыбка мученицы. Чувствовалось, что к резким поперечным перегруз-

кам, которыми сопровождается полет на всяком военном корабле в зоне боевых действий, девушка совсем не привыкла.

Они не разговаривали. Все внимание Гумилева было сосредоточено на показаниях тактических экранов.

Матвея настораживало, что радары не видят ни «Скорпиона» капитана Чубова, ни пиратских посудин. Конечно, он понимал, что и Чубов, и пираты могут сейчас быть закрыты от него диском Ио. Но все равно очень волновался за своего ведущего. А вдруг безрассудно смелого капитана попросту сбили?

– Говорит лейтенант Гумилев. Вызываю капитана Чубова! – в двадцатый раз повторил Матвей.

Наконец в эфире раздалось покашливание и надтреснутый, такой знакомый голос капитана произнес:

– Да здесь я, здесь. Чего разорался?

– Что у вас?! Не ранены?! – не скрывая радости, спросил Матвей.

– Все путем. Одну «Серну», которую ты ракетами пощекотал, я с Божьей помощью добил. Другая «Серна» и «Атлант» сбежали на полном форсаже в сторону Ганимеда. Преследовать, сам понимаешь, мне их не улыбалось. Уходя, пираты еще разок обстреляли меня ракетами. Но пользуют они какое-то несусветное дерньмо времен первой экспедиции на Сатурн. Я даже не понял, какое именно. Стандартная процедура в виде уводящих по азимуту помех и отстрела обманок их ракеты полностью дезориентирует... Ладно, а у тебя-то что? Спас кого-нибудь?

– Так точно. Одну девушку. Аней зовут.

– Одну? – удивился Чубов. – А остальные что же?

– Остальные, я полагаю, пленены пиратами. Не удивлюсь, если сейчас они находятся как раз на борту орбитального лазера, в мешках-иммобилизаторах...

– Ч-черт... Надо же! Выходит, хорошо, что я лазер этот не грохнул!

– Выходит, так, – согласился Матвей.

– У тебя есть связь с «Римским-Корсаковым»?

– Сейчас глянем, – Матвей принялся колдовать с настройками узконаправленной антенны дальней связи.

Увы, безрезультатно.

– Господин капитан, связи нет.

– В таком случае слушай мой приказ, – твердо сказал Чубов.

– Сейчасстыкуешься с моим «Скорпионом» и тащишь меня домой на буксире. Сам-то я пустой совсем, вся горючка вытекла.

– Но как же остальные люди с яхты? Выходит, преследовать пиратов мы не будем?

– Подумай сам: что ты можешь, лейтенант? Ну даже если ты их догонишь. Что потом? Расстреляешь их вместе с захваченными на «Ассоли» пленными?

– Ну... Я бы мог попытаться взять орбитальный лазер на абордаж при помощи экзоскелета «Булат»! – не сдавался Матвей.

– В одиночку?

– Почему в одиночку? С вами вдвоем!

– Лейтенант Гумилев! – строго прервал эти шапкозакидательские фантазии капитан Чубов. – Напоминаю тебе, что абордажные операции при подобном соотношении сил запрещены уставом. Поэтому повторяю приказ: стыкуемся, летим домой!

– Запрещены так запрещены, – вздохнул Матвей.

Внутренне он был с Чубовым согласен. Матвей чувствовал: они с капитаном сделали не только все возможное, но и все невозможное.

А вот полковник Сазонов, называя вещи своими именами, допустил серьезный просчет. Ему следовало выслать к Ио не пару, а четверку корветов. Чему, если вдуматься, ничто не препятствовало...

ЭПИЗОД 9

Секреты «черных ящиков»

Июль 2468 г.

Корвет «Скорпион» б/н 2012

Район Юпитера

Возвращение на крейсер «Римский-Корсаков» показалось Матвею очень долгим.

Пожалуй, если бы не общество Анны Петровской, он непременно сказал бы «невыносимо долгим». А так... четыре часа – это всего лишь четыре часа.

Неожиданно живые и остроумные рассказы Анны скрасили гнетущую монотонность космических пустошей за правым бортом и нескончаемых разноцветных полос облачных фронтов в атмосфере гиганта Юпитера – за левым.

– На Ио мы оказались не просто так. Эту поездку мы с ребятами – я, моя подруга Глаша, ее парень Фил и его брат Валентин – планировали целый месяц. Штудировали трехмерные макеты, отрабатывали технику... В общем, тренировались на совесть... Мы ведь, да будет вам известно, экстремальные спелеологи!

– Ого, – искренне удивился Матвей, ненадолго отвлекаясь от приборов.

– Еще бы не «ого»! Мы, между прочим, в прошлом сезоне провели четыре погружения в ледяные пещеры Каллисто и прошли насеквоздь астероид Эрос!

– Эрос... – усталым эхом откликнулся Матвей. – Ах, Эрос!

– Да-да. А в этот раз мы замахнулись на знаменитейшую Генну Призраков!

– Это что еще такое?

– Ага! Вы не знаете! – торжествующе воскликнула Анна. – Это сравнительно новое образование близ южного полюса Ио! После испытаний сидератора там рванули разом пять вулканов. Теперь гигантские трещины с многочисленными глубинными кавернами прорезают кору луны почти до самой мантии. Но самое интересное, что стенки каверн испещрены кимберлитовыми трубками, в которых попадаются настоящие, чистейшие изумруды!

– Изумруды на Ио?! – сдержанно удивился Матвей. – А вы как, интересно, использовали бронированные экзоскелеты? Или у вас еще специальный подземоход имеется?

– Имеется. Точнее, имелся... Без такой машины в Геенну Призраков и носа не сунешь.

– Так вы спустились? Или?.. Пираты испортили вам экспедицию? Или послевкусие от нее?

– Послевкусие. Мы шесть дней там лазили. Одних изумрудов наковыряли ведро. Честно! И надо же, все это теперь вместе с «Ассолью» пропало... Хотя нет, не все! – с этими словами Анна похлопала себя по правому бедру, где контурировался накладной карман-контейнер. – Пару изумрудиков я сразу сюда положила... Как чувствовала! – вдруг тон Анны стал из задиристо-бодрого печальным и задумчивым. – Как вы думаете, лейтенант, что с моими друзьями будет? И с экипажем «Ассоли»?

– Вы хотите знать, что с ними будет у пиратов? – уточнил Матвей.

– Ну да.

– На этот счет существуют довольно противоречивые версии... Одни рассказывают про справедливых пиратов, этаких робин гудов космоса. Другие – про сумасшедших сукинснов, живущих маниакальными идеями о мировой гегемонии. Я не верю ни тем, ни другим. Я думаю, что мы имеем дело с опасными, своенравными людьми, у которых перевернута ценностная шкала. Поэтому они предпочитают стоять вне со-

циума с его законами – как объективными, так и писанными. И в значительной степени вне парадигмы человеческого вообще... Однако, чтобы находиться вне всего этого вот, – Матвей экспрессивно обвел кабину вокруг себя рукой, как будто сам корвет «Скорпион» воплощал в его глазах и социум, и его законы, и даже, возможно, «парадигму человеческого», – пиратам, да и вообще всем так называемым «экстремистам» требуются заметные материальные средства, производимые как раз нашим большим социумом, нашим Объединенным Человечеством. Корабли, станции, запчасти, горючее, оружие, провизия. Либо непосредственно, либо в виде денег, на которые можно все перечисленное приобрести. Разумеется, приобрести на вторичных рынках через своих подставных лиц.

– О, я смотрю, это для вас тема, – задумчиво заметила Анна.
– Это все очень интересно и безмерно актуально. Но как в эту картину вписываются мои друзья и экипаж яхты?

– Я считаю, что рано или поздно пираты будут требовать за ваших друзей выкуп. Тем более что средства у вас, Анна, я вижу, водятся.

– Это да. Ведь мой папа – губернатор Марса.
Матвей присвистнул. Вот кого, оказывается, можно встретить в здешнем космическом захолустье!

– Так значит вы – губернаторская дочка... Так?
– Да.

– А значит, пираты вполне могли охотиться за вами персонально. Верно?
– Ну... Это не исключено.

– А отсюда, в свою очередь, следует, – продолжал Матвей, – что кто-то из вашего окружения скорее всего работает на пиратов! Как минимум – осведомителем!

– Этого не может быть! – запальчиво воскликнула Анна. – Своих друзей я знаю со школы! Я верю им как самой себе!

– Не обязательно ведь это друзья. Может быть, кто-то из экипажа. Кстати, сколько членов экипажа на «Ассоли» было?

– Тroe. Капитан Георгий Андреевич, бортмеханик Дурницкий и стюард... Забыла его фамилию, все звали его просто Гарри... Но это хорошие люди, поверьте мне! – Анна пылко прижала к груди ладонь левой руки.

– Да я-то, хороший парень Матвей Гумилев, вам верю... Но офицер «Беллоны» во мне обязан задаваться разными неудобными вопросами, вы понимаете?

– Так вы офицер «Беллоны»?! – ахнула Анна и прикрыла ладошкой рот.

Похоже, она только сейчас осознала этот, в общем-то, очевидный факт. О котором, помимо всего прочего, свидетельствовала приметная нашивка с эмблемой бригады на левом плече сканфандра Гумилева, не говоря уже об окраске его «Скорпиона».

Непонятно, чем кончился бы их разговор, если бы в него не вмешался капитан Чубов.

– Эй, на барже! – раздалось в наушниках у Матвея. – У меня хорошие новости!

– Неужели в космосе перед нами болтаются два свеженьких и совершенно ничейных ускорителя «Нерпа»? – не удержался Гумилев.

– Ну почти, – ухмыльнулся Чубов. – Появилась связь с «Римским-Корсаковым»!

– Здорово. Но что нам это дает?

– Это нам дает то, что всю информацию о происшествии и боестолкновении с пиратами я уже донес до Сазонова.

– А он?

– Он велел сдать нашу красу девицу по имени Анюта конвою ЮМ-19, который следует, как язвствует из его шифра, с орбиты Юпитера на Марс. Нам с тобой предписано состыковаться с тяжелым газовозом «Дэн Сяо Пин». После чего передать девушку и «черные ящики» с борта яхты лично капитану Ян Вэю. Из рук в руки.

– Но зачем? На «Римском-Корсакове» ей будет по крайней мере не хуже, чем на газовозе. У нас, в конце концов, есть бассейн с имитацией волн... И настоящая русская баня!

Чем больше Матвей говорил, тем яснее понимал, что расставаться с Аней ему совершено не хочется. Почему? Когда он успел к ней привязаться? Ответов на эти вопросы он, конечно же, не знал.

– Газовоз следует на Марс. Он отвезет девушку к родителям. И вообще: это приказ, лейтенант. А значит, обсуждать тут нечего.

– Вас понял, – стараясь не выдать своего разочарования, буркнул Матвей.

Когда Чубов отключился, Матвей повернулся к Анне, чтобы сообщить ей новость. Но оказалось, что девушка... уснула!

«Бедняжка. Попала в такую передрягу», – бросив на Анну исполненный неожиданного умиления взгляд, Матвей нехотя вернулся к своим служебным обязанностям.

До встречи с газовозом «Дэн Сяо Пин» оставалось сорок минут.

Чтобы провести это время с толком, Матвей решил хотя бы бегло ознакомиться с содержимым «черных ящиков» яхты.

Записи первого «ящика» оказались невыразимо скучными – показания приборов, переговоры с диспетчерами, орбитальные эволюции яхты вокруг Ио.

Все, что могло заинтересовать офицера «Беллоны», хранилось во втором. Как пиратам удалось подобраться к яхте незамеченными, «черный ящик» не показывал. Но, что случилось после того, как они все-таки подобрались, Матвей увидел...

...Уже знакомый Матвею ходовой мостик. В кресле сидит... нет, не капитан. По-видимому, несущий вахту бортмеханик.

Двери распахиваются настежь. На пороге – двое людей с автоматами.

Нападающие одеты в крайне непрезентабельные легкие скафандры упрощенной конструкции. При этом шлемы скафандров снабжены мощными, но лишенными каких-либо защитных напылений, а потому совершенно прозрачными бронестеклами.

Несмотря на это, лица пиратов не просматриваются – они закрыты черными масками с прорезями для глаз.

Понятливый бортмеханик встает из кресла, поднимает руки вверх. На него надевают наручники.

«Где капитан, уважаемый?» – достаточно вежливо осведомляются пираты на прекрасном русском языке.

«Я не знаю... Я правда не знаю!» – говорит «уважаемый» бортмеханик и мгновенно получает под дых кулаком. Как видно, в знак уважения.

...Мужчина в капитанской куртке и с седым клином бородки в машинном отделении. Перед ним – узел, где перекрещиваются разнокалиберные трубы. Со всей очевидностью часть из них относится к системе охлаждения реактора. Остальные подают топливо на маршевые двигатели.

Мужчина в капитанской куртке настроен решительно. Он быстро перебрасывает вверх-вниз рычаги на оранжевом пульте ручного управления системы охлаждения.

В результате его манипуляций бортовая диагностика впадает в панику. Сышен синтезированный женский голос: «Внимание! Дефицит хладагента на главном реакторном блоке – девяносто процентов! Перегрев главного реакторного блока! Требуется немедленно повысить подачу хладагента!»

Мужчина в капитанской куртке горько усмехается в камеру. И, вытянув из кармана трубку, с преувеличенной сосредоточенностью раскуриивает ее.

«В бездну – на ровном киле», – вот что отчетливо прочитывается на его мужественном породистом лице.

В ожившем динамике внутрикорабельной трансляции раздается голос человека, тщательно скрывающего тревогу.

«Георгий Андреевич! Будьте благоразумны! Мы гарантируем вам и всем пассажирам яхты полную личную безопасность! Прекратите перегревать реактор! Это прекрасная яхта! Из-за ваших преступных действий она погибнет!»

Капитан презрительно улыбается. Молчит...

...За круглым столом в центре кают-компании трое: два лохматых парня откровенно студенческого вида и девушка с волосами, заплетенными в две косички. В красивом лице девушки есть что-то порочное. Четвертое кресло рядом с девушкой пустует.

«Это кресло Анны», – понимает Матвей.

Рядом с каждым из ребят стоит по банке кукурузного пива. Судя по складу пустой алюминиевой тары под столом, пивная вечеринка началась отнюдь не только что. В руках у всех троих – карты.

«Девять третьих!» – торжествующе объявляет девица с косичками. («Преферанс», – заключает Матвей.) «Десять без козыря!» – не скрывая ликования, перекрывает ее заказ вихрастый блондин.

В этот волнующий миг двери кают-компании раскрываются и в нее вламываются четверо пиратов самой грозной наружности: двое уже знакомых, с мостика, и двое новых. Судя по лицам картежников, все они до крайности напуганы, и даже неясно, чем больше – присутствием посторонних людей на борту или оружием в их руках.

«Вы – Анна Петровская?» – спрашивает самый рослый пират у девушки с косичками.

«Д-да...» – отвечает та, роняя на стол карты. («Она представилась Анной, губернаторской дочкой, в надежде, что эта ложь спасет ей жизнь», – догадался Матвей.)

...Камера, установленная в стыковочном шлюзе, показывает, как выводят пятерых: стюарда, бортмеханика, лже-Анну и дво-

их парней-преферансистов. Мужчины в масках выносят ценности: судовые документы и деньги из вскрытого капитанского сейфа, личные вещи пассажиров (включая пакет с изумрудами) и содержимое бара кают-компании. Последнее издает отчетливый мелодичный звон...

Матвей не жаждал смотреть на последние секунды жизни отважного капитана, запечатленные бездушной камерой. Ведь они, увы, обещали быть страшными, надрывающими душу: смельчак наверняка либо сгорел, либо сварился заживо. Но не смотреть он как офицер «Беллоны» не имел права.

...На экране вновь показался бородач, весело попыхивающий курительной трубкой. Матвей вдруг испытал совершенно детское желание закричать ему, как лет в шесть он кричал персонажам любимых фильмов: «Дядя! Убегай! Сейчас все взорвется!»

Но Матвей, конечно, не закричал.

Сплетенье труб за спиной у капитана разом лопнуло, извергнув потоки разноцветных пузырящихся жидкостей. Иные из них угрожающе дымились.

Жидкость цвета спелого лайма испарялась так быстро, что уже через секунду вся картинка превратилась в непроглядное ядовито-зеленое ничто...

...А в конце был он сам, Матвей, неожиданно рослый и неуклюжий, в скафандре с эмблемой «Беллоны» – золоченой двуострой секирой с крыльями. Рядом с ним семенила Анна – в движениях ее рук и головы была чарующая, грациозная плавность. Вот Анна засмеялась и подала ему руку...

Сорок минут пролетели совершенно незаметно. И, когда на связь вышел капитан газовоза Ян Вэй, это стало для Матвея почти неожиданностью.

– Анна, просыпайтесь. За вами прилетели.

– Что? Кто прилетел? – вскинулась девушка.

– Мне приказано передать вас на другой корабль. Он доставит вас домой.

– Так быстро? – в голосе Анны послышалось разочарование.

– Быстро. Поэтому – прощайте!

– Мне не нравится слово «прощайте», – нахмурилась Анна. – В нем есть какой-то нездоровий фатализм.

– Тогда «до свиданья», – Матвей уступчиво улыбнулся.

– Кстати! Вы так и не сказали мне, как вас зовут. Не узнать имя своего спасителя – это страшный позор для спасенной девушки! А что если мой пapa-губернатор повелит чеканить монету с вашим профилем?

– Я был бы горд. Но все же замечу, что по справедливости капитана Чубова тоже следует поместить на эту монету, хоть бы даже и на реверс. Он, между прочим, жизнью за вас рисковал, принимая бой на подбитом корвете с тремя пиратскими кораблями!

– Вот как?! – удивилась Анна.

– Да-да. А зовут меня Матвей. Матвей Гумилев.

– Так это ваш дед... – Анна набрала в легкие воздух для восторженного монолога, но Матвей остановил ее жестом, каким взрослые утихомиривают малолетних почемучек.

– Тс-с-с... Мы поговорим о моем деде как-нибудь потом. Вас, милая Анна, на этом газовозе ждут люди. Много людей.

– Что ж... Вы правы.

И, уже стоя в проеме стыковочного шлюза, Анна вдруг обернулась и выпалила:

– Мы еще увидимся! Я абсолютно точно вам говорю!

ЭПИЗОД 10

Анна и ее совершенства

*Июль 2468 г.
Крепость «Слава»
Орбита Марса*

– Здравствуйте, Матвей! – пропел из динамика задорный женский голос. Совершенно незнакомый.

Матвей покосился на определитель входящего номера. Ошиблись?

– Здравствуйте, конечно, – сказал Матвей. – С кем имею честь?

– Это Аня... То есть Анна Петровская!

– «Ассоль»?

– Что?

– Владелица яхты «Ассоль»?

– Да, я... Здорово, что вы меня помните!

– Еще бы! Как я могу вас не помнить?! Во-первых, я вовсе не каждый день спасаю белокурых красавиц, чудом выскользнувших из лап пиратов. А во-вторых, благодаря вам я получил неделю отпуска!

– И где вы его провели, свой отпуск? Дайте-ка угадаю... Съездили в Малиновку! Нет? Ну тогда на термальные источники в Зеленый Гай? Там в этом сезоне изнемогает весь наш провинциальный бомонд... Угадала?

– Нет, не угадали, – с улыбкой сказал Матвей. – Я не использовал пока свой отпуск! Просто не успел, хотя, признаться, собирался начать именно сегодня. Дело в том, что «Римский-Корсаков» вернулся из похода только вчера вечером...

– Мне об этом известно!

– Но откуда?

– Отец сказал!

– Настораживающая осведомленность! Впрочем, я запамятоval... он же у вас губернатор! – с легкой досадой в голосе сказал Матвей. – Прошу заметить, я очень польщен тем, что вы спрашивали обо мне своего отца!

– Спрашивала, да! Между прочим, он был очень сердит! «Ради твоих прихотей, доченька, мне приходится злоупотреблять служебным положением!» – Анна небесталанно изобразила в трубку ворчание немолодого, обремененного миллионом державных забот мужчины.

Матвей не смог сдержать смешка.

– И чем же я могу быть полезен вам, смелая Анна? – с мягким нажимом спросил Матвей.

Ему неожиданно сильно нравилось болтать со смешливой богачкой. Однако... Однако такси должно было прибыть через двадцать минут. А он еще и не начинал собираться!

В трубке застенчиво засопели.

– Собственно... Я... Я хотела отблагодарить вас за все то, что вы для меня сделали! Ведь если бы не вы, меня бы уже, наверное, не было в живых!

– Ну... Скорее всего, да, – легко согласился Матвей. Врать он не любил, не умел и считал, что учиться уже поздно.

– Поэтому я хотела пригласить вас в ресторан. Или на художественную выставку!

– Я с радостью принимаю ваше приглашение. И когда же мы туда пойдем?

– В ресторан? Или на выставку?

– Куда вам будет угодно, милая Анна! Лучше всего и туда, и туда!

– Да хоть сегодня! Да-да, даже лучше сегодня! – хотя видеопоток был заблокирован звонящим, Матвей явственно представил себе широко, во все тридцать два зуба улыбающуюся девушку.

– Сегодня? Но...

Однако гортань, язык и губы Матвея Гумилева попросту отказались вымолвить: «Но я сегодня улетаю в отпуск на родную Луну повидать родителей, да вот и такси уже заказано!»

В трубке послышалось потрескивание далеких помех.

– Что вы сказали? Плохо слышно!

Решение вспыхнуло в сознании Матвея как некрупная сверхновая.

– Сегодня? Прекрасная мысль, Анна! Сегодня!

– Значит, на выставку? Сегодня открытие новой картинной галереи в реставрированных шахтах Задольска. У меня есть приглашение на двоих!

– Значит, я буду вашим кавалером?

– Если вы не против... – Матвею показалось, Анна смутилась.

– Еще час назад я и не смел мечтать о такой чести...

Вдруг Анна, набрав в легкие воздуха, выпалила:

– Вы не подумайте, Матвей, что я так часто делаю! В смысле парней на свидание приглашаю... Просто я ждала три недели, а вдруг вы первый на связь выйдете? Но...

– Анна... Милая Анна! Я был далеко отсюда... На задании...

Практически на войне!

– А теперь?

– А теперь я... – Матвей замешкался. – А теперь... я счастлив... как, черт побери, школьник!

Последнее было правдой. Притом весьма неожиданной для Матвея. «Это она. Это она! Наконец она!» – стучало его обычно безразличное мужское сердце.

До встречи с Анной оставалось два часа тридцать три минуты.

И за это небольшое время Матвею предстояло совершить массу мелких бытовых подвигов!

Во-первых, отменить заказ на такси. А также билеты на межпланетный рейс Марс – Луна.

«Какое счастье, что я решил сделать родителям сюрприз и не анонсировал свое появление!» – радовался Матвей, который с детства полагал, что для сыновей, разочаровывающих родителей, должен быть устроен особый круг ада.

Во-вторых, ему предстояло привести себя в образ «молодого человека, приятного во всех отношениях».

Да, на «Римском-Корсакове» были все условия для комфортной жизни – парикмахерские, тренажерные залы, комнаты отдыха. Однако там практически не было женщин. А значит, стараться «во всех отношениях» было не для кого. Раз в три недели стрижка, раз в неделю гигиенический маникюр, тренировки по стандартному космофлотскому расписанию и никаких тебе косметологов и личных портных.

В-третьих, нужно было взять напрокат авиетку. Причем самую лучшую авиетку из тех, что имелась в прокате орбитального городка развлечений «Глобальный».

Конечно, Матвей не рассчитывал этой самой заемной авиеткой произвести впечатление на избалованную дочь губернатора, владелицу сгинувшей яхты «Ассоль». Однако и от полного неприличия было очень желательно воздержаться!

Ах, если бы действие разворачивалось на его родной Луне! Там Матвею было бы чем покрасоваться... А на Марсе... На Марсе оставалось лишь делать вид, что все эти авиетки ровным счетом ничего не значат!

Конечно, было бы эффектно прилететь к Анне на видавшем виды боевом «Скорпионе»! Очень эффектно! Хотя и немного безвкусно: какая разница, это нувориши выставляют напоказ свои деньги или воины – свое мужество? Главное, что напоказ...

Первым делом Матвей посетил экспресс-салон красоты «для господ, претендующих на многое» (так было написано на рекламной вывеске).

Там он провел сауну, массажный стол, отделение инъекций, капсулу глубокого пилинга, лазерную стимуляцию, парикмахера

и маникюр-педикюрную машину (робот-парикмахер и маникюр-педикюрный робот обслуживали его одновременно, и все это дело происходило в капсуле пилинга). Он управился за сорок минут!

Затем обновленный и посвежевший Матвей помчался в экспресс-ателье.

Робот-портной снял с него мерки, робот-швея склеил костюм-тройку цвета топленого молока, робот-гладильщик усадил костюм, спроектированный исинком-конструктором на фигуру Матвея, ранее любовно смоделированную исинком-моделлером. Затем исинк-приемщик принял работу и передал костюм автомату, обслуживающему клиентов.

Все вместе заняло восемнадцать минут десять секунд. Хотя и стоило недешево.

Итак, красавец Матвей в новом костюме с подобранной в тон к нему исинком-стилистом рубашкой заявился в прокат авиеток.

Увы, прокат, в отличие от экспресс-ателье и экспресс-салона-красоты, не был роботизирован.

И началось...

– На какой срок вы хотите взять авиетку? – дохнув в лицо Матвею ацетоном, спросил полноватый господин за пятьдесят. Лысина, пивное брюшко, астма.

– На сутки.

– А какую?

– А какие есть?

– К сожалению, в данный момент система зависла. Я не могу вам показать наш модельный ряд... Хотя на этом большом экране мои няшки выглядят весьма эффектно. Хвала Космосу, у меня есть буклет!

– Буклет? – Матвей испугался. Слово «буклет» в его сознании ассоциировалось с такими понятиями, как «патефон», «дирижабль», «арифмометр». – Бумажный буклет?

– Ну да! Правда, он позапрошлого года...

– Ничего, давайте.

Господин Пивное Брюшко кивнул и пошаркал в подсобку, из которой доносился запах растворимого кофе и пригоревшей сдобы. Вскоре он принес настоящий бумажный буклет и торжественно сдул с него пыль. Матвей принялся судорожно листать глянцевую книжицу, то и дело поглядывая на свои мультичасы.

– Вы что, собственно, ищете? – спросил господин Пивное Брюшко. – Вам подороже, подешевле, пошустрее?

– Мне подороже. Пошустрее. Пооригинальнее. И вообще... Ну чтобы про авиетку можно было сказать «плюс-топ-директ»!

– На свидание собираетесь? – господин Пивное Брюшко, бравируя своей проницательностью, подмигнул Матвею.

– Примерно...

– Тогда посмотрите раздел четыре.

Матвей пролистал каталог. Нашел раздел четыре. И ткнул пальцем в самую дорогую авиетку модели «Брахмапутра». Сто рублей в час.

– Правильный выбор! Индийское – значит отличное!

– Я беру. До завтрашнего утра, – Матвей вскочил, источая нетерпение.

– Увы, этой модели сейчас нет. Ее можно взять только на Марсе. В отделении на Северо-Западной площади! Там вообще много пафосных... Там есть даже «Персефона Люкс»!

– Все это замечательно, – сказал Матвей, чувствуя, как внутри него закипает раздражение, – но мы же не на Марсе! И у меня очень мало времени!

– Тогда возьмите «Сызрань». Самоновейшая модель. Прямо-хонько с берегов реки Волга!

– Где она?

– Вот, поглядите!

Господин Пивное Брюшко вразвалочку отправился в свою пахучую подсобку и вернулся с очередным буклетом в руках. Из потрапанного журнальчика на Матвея глядела тупомордая машина снежно-белого цвета.

– Годится! – не глядя даже на цену – двести рублей в час, – заявил Матвей, все больше нервничая.

– Ядре-оные позитро-оны! – вдруг пропел господин Пивное Брюшко, хлопая себя по лбу маленькой потной ладонью. – Ее же утром господин генерал-лейтенант забрал! А я и забыл. Собственно, это не в мою смену было. А у напарника моего, у Чебурашки...

– И что теперь? – кулаки Матвея самопроизвольно налились мортальной тяжестью.

– Теперь вам придется выбрать что-то другое. Например, вот это... Хотя нет, «Эмпузы» тоже сейчас нет... Она в покраске... Клиент один по пьянке ей брюхо о шпиль Генштаба оцарапал...

Лишь спустя тридцать пять минут багровый от накипевшего раздражения Матвей вышел из пункта проката и направился к стоянке авиеток, поигрывая ключами от люков.

Но и это было еще не все.

Стоило Гумилеву сделать десяток шагов в сторону стоянки, как двери проката распахнулись и на пороге объявился господин Пивное Брюшко.

– Эй! Эй, офицер! Я забыл сказать, что машина не заправлена!

– Не заправлена?

– Нет! Но я сейчас распоряжусь! А вы пока... можете выпить кофе в баре «Ренессанс»!

У Матвея было два варианта: вернуться и больно ударить господина Пивное Брюшко в это самое брюшко. Многие его коллеги из «Беллоны» так и сделали бы. Или безропотно отправиться в бар «Ренессанс», чтобы, так сказать, «не нагнетать»...

Матвей был так рад нежданному звонку Анны, что выбрал вариант два. Их знакомство еще не успело начаться, а Матвей уже был уверен: Анна влияет на него самым положительным образом!

В баре «Ренессанс» было малолюдно – разве что за столиком возле окна пировала компания во главе с лейтенантом Мокакиным. Недоброжелатели звали его Мартышкиным (по цепочке

Мокакин-Макакин-Мартышкин). Что отчасти объяснялось его общительностью, подвижностью и волосатостью (волосы торчали из ушей, из носа и росли даже на третьих фалангах пальцев!), делавшими его похожим на одомашненного орангутанга.

Рядом с Мокакиным-Мартышкиным сидели двое – старший лейтенант Постников и лейтенант Ушанский. Они пили кальвадос малоизвестной в других местах Солнечной системы, но отчего-то популярной именно на Марсе марки «Долматовский».

Судя по характерной жестикуляции, все трое были, что называется, «на поддаче».

Матвей попросил у бармена кофе, дружелюбно помахал компании рукой и думал было тем и ограничиться. Однако, когда кофе материализовался перед ним на барной стойке, он понял, что если сейчас же не вольется в общество выпивающих коллег, то, неровен час, его раздражение достигнет максимума. И не дай Бог господину Пивное Брюшко заявиться в бар с вестью о том, что у выбранной им, Матвеем, авиетки подходит к концу ресурса маршевого!

«Тут-то я и засвечу ему между глаз! Несмотря на все благое влияние губернаторской дочери Анны. А дальше будут суд, штраф, гауптвахта, отстранение от полетов. И это в лучшем случае».

– Здоров, лейтенант! – поприветствовал его Мокакин-Мартышкин, радушно приобнимая за плечи.

– Взаимообразно, Анатолий, – кисло промолвил Матвей. – Что празднуем?

– Да вот у Постникова младший брат на работу устроился... На первую свою работу, между прочим!

«Ну и повод, – удивился про себя Матвей. – А понезначительней повода придумать не могли? Например, почему бы не выпить за окот любимой кошечки Ушанского? Она же такая породистая!»

– А что, в нашем отечестве так сложно с работой для юношества? – осторожно спросил Матвей.

– Да ты не понима-а-аешь! – хором протянула вся троица.

– В смысле?

– Ну, младший брат – он Борюсе как сын. Борюся-то у нас сирота. Родители погибли в катастрофе межпланетника «Циolkовский»... Помнишь, все газеты о ней писали и по визору целый месяц некрологи...

Матвей кивнул. Хотя, по правде, ничего такого вспомнить не мог.

– Так вот Борюся ему как отец. Он уроки с балбесом делал. В университет ему помогал готовиться. И вот... на третьем курсе... братан наконец-то постоянное место работы нашел! – продолжал пояснения Мокакин. А Постников, как бы отчасти виновник торжества, лишь продолжал кротко кивать. Мол, «все так, все верно».

– И какое оно? Место?

– Да официантом. В ресторане китайской кухни «Нефритовый кролик».

«Официантом? Вот это триумф... Что называется - жизнь удалась», – саркастично подумал Матвей, однако ему хватило самообладания улыбнуться и сказать:

– Здоровски!

– А у меня первым местом работы был магазин спортивного питания «Рекорд». На станции «Алмазная», – меланхолически заметил Ушанский.

– Это которая здесь, на орбите, вертится? – уточнил Матвей.

– Ну да, она. Я же местный. Практически абориген!

– И что ты там делал, рекордист?

– По крыльцу магазина расхаживал. Изображал стакан с протеиновым коктейлем «Сила сильная».

– А зарплату тебе коктейлем платили?

– Почти угадал. Вместо зарплаты меня бесплатно в тамошний тренажерный зал пускали. И выдавали всякие товары для качков по сниженным ценам. Я тогда еще в школе учился, для меня это был предел мечтаний. Каждая гантелька – как сейчас увольнение. Ипонамама!

– Ну и как, накачался? – спросил Мокакин-Мартышкин.

– А то... На комиссию в Академию мне медик даже сказал: «Да по вам, Ушанский, анатомию изучать можно!»

– Собственно, и сейчас можно, – заметил Матвей.

– А у меня, – разоткровенничался Мокакин-Мартышкин, – первым местом работы, я еще в восьмиклассниках ходил, был городской морг при неотложке... Меня дядя устроил. Он главврачом там трудился... Ох и насмотрелся я там на всякое! Меня что в этой работе привлекло? Ясное дело, женщины. Было все про них интересно... Я еще тогда – по младости лет – любил все готическое. Такое мрачное, чтобы депрессняк нагоняло... Читал книжки про невест из гроба, про призраков и вампиров... Музон слушал ответственный... И компания у нас была туши свет.... Девушки красили губы черной помадой... Мы, чтобы от них не отставать, прокалывали себе соски – ну как бы страдания, как бы боль и смерть, двери восприятия раскрываются, дети ночи, вся эта шняга...

– А сейчас по тебе и не скажешь, – заметил Ушанский, критически оглядывая товарища с головы до ног. – Жизнерадостный, как афиша Новомосковского цирка!

– Так то сейчас... А тогда... В общем, задача у меня, как у помощника прозектора, была простая. Труп у входа в морг принять, на каталке его к холодильнику отвезти, на специальный погрузчик носилки с трупом водрузить – а дальше уже автоматика. Еще нужно было проверить, сделал ли робот запись в журнале учета трупячков... У нас там иногда с этим проблемы возникали... Короче, дублировали. В дневные смены обычно прозектор в своем кабинете трудился – вскрытия, там, всякие производил, экспертизы. А в ночные я там в одиночку дежурил – пиво дул и в визор втыкал... Вот как-то вечером привезли свеженький трупячок. Я на экране увидел, что, мол, стоит каталка на пороге. Вышел, закатил трупячок внутрь. Сразу в холодильник не повез – по визору шоу шло зажигательное, про гонки по

Меркурию на «Стрелах»... Короче, поставил я каталку с трупом рядом – это баба была, я сразу заметил черную прядь, которая из-под покрывала выбивалась – а сам сижу, сосу через соломинку свой алко-джус и гонки меркурианские смотрю... «Опасная ситуация! Машина Прохорова не вписывается в поворот и... и... не может быть! Какая трагедия! Почему медлят врачи?!» В общем, все в таком духе. И вот... во время одного из перерывов на рекламу я слышу звук будто бы храпа... Да-да, точно, храпа! Кто-то храпит! Внутри у меня все похолодело, когда я понял, что храпит тот самый трупячок, та самая бабца, которую пол-часа назад на пороге морга оставили!

– Елкин бозон! – Ушанский как-то очень по-женски всплеснул руками. – Ну прямо сериал «Заживо погребенные»! Или вроде того!

– Точно. Но я все-таки набрался храбрости и простилю-то с покойницы сдернул!

– И что? – хором спросили Ушанский и Матвей.

– А то, что баба эта знакомая была по тусовке одной рокерской. Настей ее звали.

– А ты?

– Ну, для начала я чуть не обмочился. А потом решил Настю растолкать.

– И как?

– Растолкал, – Мокакин-Мартышкин потупился. – Оказалось, это наши, из тусовки, решили меня приколоть... Подбросить якобы покойницу, чтобы она, когда я ее внутрь закачу, схватила меня за горло и закричала: «Я восстала из ада! И я люблю тебя!»

– А она?

– Она пьяная была. Заснула.

Матвей улыбнулся. Ушанский прыснул со смеху. И даже хрестоматийный зануда Боря Постников, не проронивший пока ни слова, и тот изобразил нечто, отдаленно напоминающее оживленное лицо.

– А потом?

– Потом мы с Настей два года встречались. Секс у нас был высоковольтный! Пока она не выскочила замуж за танцора ночного кабаре и не убежала с ним на Луну.

Компания затребовала еще кальвадосу. Матвей же, которому предстояло рулить авиеткой, был вынужден довольствоваться чашкой мате и малосвязным рассказом тугоумного молчуна Постникова о том, как он торговал норвежскими лайками с поддельными родословными в городе Петрозаводск (Земля, Солнечная система) по тысяче рублей за голову.

А когда настал черед Матвея рассказывать историю про свою первую работу (Матвею восемь лет, он на облучке газонокосилки стрижет газоны соседям по коттеджному поселку Троицкое), на пороге появился... мистер Пивное Брюшко.

Лицо его сияло светом неземного блаженства. Было видно: он немыслимо гордится собой.

– Не прошло и получаса, – грустно вздохнул Матвей.

Он уже смирился с тем, что к прекрасной Анне Петровской придется опоздать минут этак на сто двадцать.

– Что вы хотите?! Никак борткомпьютер включить не мог. Все время опознавал меня как чужого!

– А теперь? – ангельским голосом осведомился Матвей. Даже не верилось, что еще полчаса назад он хотел убить этого человека. Вот она – волшебная сила доброй компании!

– А теперь сам включился...

– Славно-то как! Все-таки Бог – он есть. Что бы там не клеветали атеисты!

И, попрощавшись с товарищами, Матвей опрометью бросился на стоянку, где ждала его очень поддержанная авиетка, выпущенная концерном ГАЗ в две тысячи триста мохнатом году.

«Страх и ужас... Что подумает Анна?» – вздохнул Матвей, выруливая на взлетную.

Однако Анна ничего такого не подумала.

– Извините за такое несусветное опоздание, – раскаяние Матвея было искренним.

– Да ничего... Вы же предупредили.

Матвей поцеловал Аню в щеку. Аня сделала то же самое. Вообще они поздоровались как старые приятели. Будто были знакомы давным-давно. Это удивило, но в то же время и обрадовало Матвея.

Выставка, как и сама новая галерея, очень понравилась Матвею. Хотя, если бы его попросили описать, что именно он там, в галерее, увидел, он бы, пожалуй, не знал, что ответить.

Единственное, что он запомнил со всей определенностью: некоторые залы галереи были выкрашены лазурно-голубым, а некоторые черным. И что первая часть выставки была посвящена современной скульптуре из твердого воздуха, а вторая – скульптуре из сахара.

А вот фамилию скульптора, творчеству которого была посвящена выставка, Матвей не вспомнил бы и за крупную сумму наличности – не то Скоренко, не то Диденко... Простая мало-российская фамилия без особых примет, серо-серая, как сумерки на море Нектара.

Не то чтобы Матвею было свойственно какое-то волнистое невнимание к событиям мира искусства. Напротив, он, сын некогда подававшей надежду художницы-станковистки, а впоследствии примерной матери троих детей, был к вернисажам привычен. И даже в младших классах школы на вопрос «Кем ты хочешь быть?» отвечал: «Художником, как мама».

Всему виной была Анна Петровская. Она, живая и остроумная, словно бы каким-то колдовством похитила все его внимание. Буквально все. До последней махонькой толики.

Они шутили и болтали без умолку. И темы не переводились.

– А что, правда эта скульптура сделана из сахара? – спросил Матвей, указывая на сладострастно изогнутый женский торс.

– Думаю, да... Вообще-то проверить это легче легкого!

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду вот что... – с этими словами Анна вдруг наклонилась, будто рассматривая, к животу скульптуры и, выждав, когда отвернется охранник, лизнула его.

– Ну как, сладко? – спросил Матвей.

Некоторое время Анна стояла неподвижно, с лицом лунатики, словно бы анализируя свои ощущения.

– Нет, не сладко.

– Может, скульптуры из соли, а не из сахара?

– Нет-нет, соленого вкуса тоже нет...

– А какой есть?

– Никакого!

– Может быть, это сахар у них такой... Модифицированный?..
Несладкий?

– «Сахар плюс-плюс»! Диетический! Он есть – и в то же время его нет!.. А что, мне кажется, такой продукт можно смело пускать на рынок. Шизофреникам понравится. А это целых полтора процента платежеспособного населения!

Быстро покинув бывшие никелевые шахты Задольска, а ныне же арт-комплекс «Террикончик», Анна и Матвей отправились в ближайший ресторан.

И снова же! Спустя всего-то час после ужина Матвей не был в состоянии вспомнить, что же именно они ели и пили (хотя пили они совсем немного).

А все потому, что кремовое платьице, облегающее стройную фигуру Анны, было слишком облегающим.

Потому что золотистая кожа Анны была слишком сияющей золотистой.

Потому что каждая улыбка Анны заставляла что-то внутри Матвея сладострастно сжиматься.

И главное, потому что с Аней – в отличие от Алики, Евгении и прочих безымянных и безликих, – Матвею наконец-то было интересно! В общем, с каждой минутой столь маловозбудимый в любви Матвей все более отчетливо понимал: он влюбился, Амур не промазал, вот оно, чувство, о котором читал в книгах!

А потом они с Анной гуляли по ночному кипарисовому парку и ходили в кино на самый-самый последний ночной сеанс.

Лишь под утро Матвей посадил авиетку перед увитыми плющом воротами загородного дома ее родителей.

Точеное лицо Анны с разлетающимися птицами бровей и бриллиантами бездонных глаз было усталым, но довольным.

– Я вот чего понять не могу... – сказала Анна, задумчиво опуская глаза.

– А именно?

– Не могу понять, это у нас с вами дружба? Или...

– Или любовь? – закончил за нее Матвей, сам не ожидавший от себя такой смелости.

Анна кротко кивнула.

– Время покажет, – улыбнулся Матвей и сделал легкомысленное лицо. – Вот завтра погоняем на цеппелинах... Потом съездим в Малиновку... А потом...

– Сколько всего... – улыбнулась Анна, и на щеках у нее образовались прелестные ямочки.

– А пока... Пока идите спать. Не то ваши родители проклянут меня на веки вечные!

– Мои родители? Вас? Никогда! Мой отец, конечно, еще не успел отдать распоряжение о чеканке монеты с вашим профилем на аверсе и капитаном Чубовым на реверсе, но наградить вас каким-нибудь орденом он, по-моему, не против!

В ту ночь они не целовались. Матвей не торопил события. Поэтому что знал: впереди у них – вечность.

ЭПИЗОД 11

Петровские

*Август 2468 г.
Четвертый Рим
Планета Марс*

– Аня, а давайте... поженимся? – сказал Матвей.

Они встречались всего две недели. Но Матвею было ясно: размышлять больше незачем. Пора принимать решение.

– Что? – переспросила Анна, растерянно и в то же время нежно глядя на Матвея своими бездонными глазами.

– Давайте. Поженимся. Вы и я. Вдвоем.

– Давайте... Но...

– Что «но»?

– Но мы с вами... почти... незнакомы!

– Да... Но мы ведь познакомимся!

– Мы познакомимся... – эхом повторила Анна. – Что ж... Попробуем! Но сначала, может, перейдем на ты?

– Давайте перейдем... То есть я хотел сказать: давай! – Матвей улыбнулся.

В общем, Анна дала свое согласие сразу – без жеманства и каких-либо условий. То есть условие все-таки было. Но настолько нетрудное, что Матвей был даже рад его исполнить.

– Надо бы получить благословение родителей, – тихо сказала Анна, нежно обнимая Матвея за шею.

– Я – всецело «за». Готов отправляться за ним хоть сейчас...

– Сейчас – рано. Папы все равно дома нет. Он на Фобосе, с рабочим визитом. Нагоняет на местных лодырей страху.

– Ладно. Пусть. Пусть сейчас рано. А когда не рано? Когда в самый раз?

– В самый раз будет в воскресенье. И папа вернется, и у мамы выходной.

– А кем работает твоя мама?

– Она работает папиной женой.

– А именно?

– У нас на Марсе «жена губернатора» – официальная должность. С официальной зарплатой.

– А «дочь губернатора» тоже должность?

– В проекте бюджета следующего года предусмотрено и такое. А пока что мне приходится работать инструктором-спелеологом в Планетографическом Обществе.

Неделя пролетела быстро. И вот уже Матвей с большим букетом левитирующих лунных орхидей – иссиня-черных и перламутрово-розовых – стоял на пороге загородного домика Петровских.

Анна по случаю значительного события сменила разбитной девчоночный стиль на фасон «пай-доченька». В ушах у нее блестели два желтых бриллианта, которые необычайно шли к ее загорелой шелковой коже.

И вот уже все четверо – Петровские и Анна с Матвеем (в их движениях появилось что-то от повадок нашкодивших школьников) – сидели в гостиной. Ее стены были расписаны буколическими фресками, а потолочная голограмма имитировала ясное звездное небо таким, каким его видят люди Земли, живущие, к примеру, в городе-герое Севастополе. То есть с Луной и типичными для Северного полушария, лезущими в глаза Сириусом и Вегой.

– Не хочу ни на что такое намекать, милые мои, – грудным голосом опытной светской дамы пропела или, скорее, проворковала мама Анны, Наталья Артуровна, – однако напомню, что мы с моим Ванечкой познакомились тоже весьма необычно! Ваня спас меня и мою машину, когда та во время очередного кометного паводка оказалась в кювете, по самые дверцы в воде!

– Подумаешь... спас! Это Матвей Степанович нашу Аньку спас! А я тебя так, слегка развлек, – ответствовал Ваня, он же Иван Аристархович Петровский. – Можно сказать, дотащил до загса на буксире!

Отец Анны сразу понравился Матвею своим чувством юмора, безукоризненными манерами и умением держаться. У него был округлый, бархатный, словно бы баюкающий тенор. Слушать Ивана Аристарховича было легко и приятно. И все собравшиеся за столом делали это с удовольствием. Анна предупреждала, что «коньком» ее отца являются разнообразные исторические изыскания. Поэтому, когда зашла речь о родословных, Гумилев не удивился...

– Мы, Петровские, род не шибко знатный. Хотя и дворянский, – глаза Ивана Аристарховича понемногу разгорались. – Происходим из Ярославской губернии. Знаете ли вы, дражайший Матвей Степанович, что в тринадцатом веке именно ярославские князья имели дерзость родниться с монголами-ордынцами, принимая к себе монгольских принцесс-чингизидок? Нет? То-то же! Вот от них-то и пошло несколько поколений ярославских княжат-монгольчиков... По сей день во внешности Петровских можно различить что-то этакое... изюминку такую! Жаль, в четырнадцатом веке вся эта генетическая свистопляска прекратилась. Как видно, в связи с исламизацией Орды... В нашем роду был и генерал-майор Петровский. Известны среди прочих суконные фабриканты Петровские, те самые, что экспедицию в Китай организовали во второй половине девятнадцатого века. Та торговая экспедиция, кстати, вышла очень напряженной! С перестрелками, засадами и погонями... Будь вы писателем, дражайший Матвей Степанович, я бы вам мог столько всего про это предприятие порассказать! Не то что на роман, на три эпопеи хватило бы! – и, просияв галантной улыбкой, отец Анны отвлекся от рассказа, чтобы отхлебнуть из чашки остывшего чаю.

– Писателем? – улыбнулся Матвей. – Писателем я бы рад. Да только неусидчив я от природы... Стоит мне сесть за стол, такая скука на меня находит!

Матвей виновато посмотрел на Анну. Личико ее было взволнованным.

– Ты говоришь, что за столом сидеть не можешь, – сказала она. – Но ведь не обязательно писать за столом! Можно ведь и в кабине твоего любимого «Скорпиона»! – Анна подмигнула Матвею.

– В кабине «Скорпиона»? – подхватил Матвей. – А что, недурно! Так и вижу заднюю обложку своего гипотетического романа с рекламной фразой: «Автор написал эту книгу, не выходя из горизонтального штопора!»

Анна рассыпалась заразительным хрустальным смехом.

Ей вторила ее мать, Наталья Артуровна. Она, неподвижная словно изваяние богини домашнего очага, сидела напротив дочери, во главе стола.

И, наконец, к дуэту присоединился Иван Аристархович со своим раскатистым смеховым уханьем!

- Так стало быть, вы сын того самого знаменитого «строителя планет» Степана Николаевича Гумилева? – добродушно улыбаясь, спросил он.

- Совершенно верно. – Матвей слегка напрягся. Быть сыном главы могущественной межпланетной корпорации «Кольцо» непросто. Много лет в Академии ему приходилось доказывать своим однокашникам, что несмотря на принадлежность к одному из самых знатных и богатых семейств Солнечной, он – нормальный парень, такой же курсант, как они. К счастью, в «Беллоне» его происхождение мало кого волновало – там больше ценились боевая выучка и личное мужество. Однако губернатор Марса – человек как раз того круга, в котором знатность рода и размеры личного состояния характеризуют собеседника наилучшим образом.

Но Иван Аристархович не стал расспрашивать Матвея о том, как развивается бизнес его отца. Его явно интересовало другое.

– Ergo, – ввернул он кстати подвернувшееся латинское словцо, – и Андрей Львович Гумилев, основатель «Кольца», тоже из ваших предков?

– Да, – кивнул Матвей. – Поэтому почти все мужчины в нашем роду занимаются терраформированием. А меня привлекла стезя военного. Впрочем, это тоже фамильное...

– Ага! А все же, осмелюсь спросить, поэт Гумилев – тоже ваш родственник? – осведомился глава семьи Петровских с академическим прищуром.

– Николай Степанович мой пра-много-раз-прадедушка!

– Я поражен! – Иван Аристархович, похоже, был действительно поражен; по крайней мере он откинулся на спинку и безвольно опустил руки вдоль тела. Словно бы осмысливая несусветную новость.

– Что же, ваш предок, поэт Гумилев, как мне представляется, был достаточно знатен? – наконец спросил он.

– О нет! Нет! Сам Николай Степанович – из семьи провинциальных приходских священников, о чем более чем красноречиво свидетельствует сама фамилия Гумилев. Кстати, знаете ли вы, что в те времена ударение в этой фамилии ставили на первый слог, поскольку фамилия эта происходила от латинского слова «humilis» – «смиренный»? Между тем, мой далекий предок Николай Гумилев не слишком жаловал свою фамилию в юности. И от всех требовал, чтобы ударение ставили на третьем слоге. Так, по его мнению, было значительно аристократичнее...

– Но ведь Николай Гумилев был дворянином, не так ли?

– Да-да! Был! Дворянином во втором поколении! Его отец при отставке был произведен в статские советники, это где-то между полковником, по-старому надворным советником, и

генерал-майором – разумеется, действительным статским советником...

– Уж это-то мне известно, молодой человек! – махнул рукой Иван Аристархович.

– Прошу меня простить, – учтиво сказал Матвей. – В общем, отец Николая был военно-морским доктором... А его мать – Анна Ивановна – сестрою капитана первого ранга Львова. Море соединило эту пару – точно так же, как нас с моей Анной соединил космос.

Матвей со значением посмотрел на свою невесту. Та покраснела и опустила свои пушистые, красиво загнутые кверху ресницы.

– Постойте-ка, Матвей... А Львовы – это не те, которые родственники Милюковых? И которые, согласно геральдической легенде, имели одного общего предка – татарского мурзу Милюка? – блеснул эрудицией Иван Аристархович.

– Те самые! Между прочим, знаете ли вы, что Милюковы и Львовы породнились вторично через брак?

– Знаю, как не знать!

– И что Милюковы принесли в качестве приданого село Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии?

– Знаю! Село это, кажется, было сохранено Львовыми и перешло в конечном итоге к матери поэта. Не об этом ли селе поэтесса Ахматова вспоминала, когда писала о вашем предке?

– Браво, Иван Аристархович! Браво! – не в силах сдержать восхищения, воскликнул Матвей. – Вам ведомы такие подробности, о которых я сам узнал совсем недавно и по воле случая!

– Рад хоть чем-то потрафить молодежи... Я уж привык – ничем вас не пронять! – глаза Ивана Аристарховича радостно блестели.

Выждав момент, Матвей удовлетворенно кивнул Анне – мол, все идет по плану!

Та была на седьмом небе от счастья. Шуткали дело – не прошло и получаса, а между ее возлюбленным и ее дорогим папочкой,

любителем путешествовать по замшелым генеалогическим деревьям, уже установилось отменное взаимопонимание!

Звякнул колокольчик на двери. В гостиную вкатилась электронная домработница.

Поднос, стоящий на ее плоской голове, служил ложем для красивого, с золотистой корочкой пирога, источающего ароматы корицы и подогретого меда.

– Ну наконец-то! – всплеснула руками Наталья Артуровна. – А я уж думала, он никогда не поспеет!

И, водрузив пирог в центре стола, она принялась его резать – вдумчиво и с любовью. Лишь легкая дрожь кисти выдавала ее волнение по поводу присутствия гостя.

Волновался и Иван Аристархович.

– Итак, Анна упомянула, что у вас ко мне есть важный разговор, – сказал он с легкой дрожью в голосе.

От неожиданности у Матвея пересохло во рту. Однако он кое-как совладал с собой.

– Да, разговор у меня имеется. Точнее даже – просьба.

– Просьба? – удивленно произнес Петровский. – Вот как?

Матвей встал из-за стола. И, глядя в глаза Ивану Аристарховичу, твердо, словно присягу, произнес:

– Я прошу руки вашей дочери. Руки Анны.

Анна вспыхнула и закрыла лицо ладонями.

Наталья Артуровна застыла как статуя, с широким ножом в руках. Лезвие ножа было густо облеплено вязкой лимонно-желтой сладостью.

Иван Аристархович нахмурился. Сжал руки в кулаки. Зачем-то закрыл глаза. Словно бы там, внутри себя, надеялся найти правильные слова для ответа.

– Насколько я понимаю, вы хотите жениться на Анне? – наконец переспросил Иван Аристархович, не то страшась, не то надеясь, что произошла какая-то ошибка.

– Да, я хочу жениться на Анне. И чем скорее – тем лучше!

– И вам нужно мое благословение?

– Да. Ваше и Натальи Артуровны, – подтвердил Матвей.

– В таком случае... В таком случае можете считать, что оно... оно у вас есть!

А потом было много счастливых слов, бессвязных монологов и надежд на счастье.

В тот же день Анна подарила Матвею... золотое кольцо с изумрудом из пещер Ио!

Тем самым изумрудом, который чудом избежал пиратской конфискации, пребывая в накладном контейнере Анечкиного скафандра! Второе такое же кольцо, только поменьше, сделали по ее заказу и для нее самой.

– Обожаю изумруды, – сказала Анна, любуясь изысканным камнем. – Почему-то запомнила, что древние майя называли изумруд «зеленым льдом»... По-моему, очень точно.

– Вообще-то, по правилам, это я должен подарить тебе колечко, – смущенно сказал Матвей.

Хоть лейтенант Гумилев и не был восторженной девушкой, он глаз не мог отвести от подарка.

– А ты мне еще подаришь... Во время венчания! – подмигнула Анна.

Свадьбу назначили на начало июня следующего года.

Вначале Матвей недоумевал: зачем ждать целых десять месяцев, если можно пойти и вот прямо чуть ли не в ближайшее воскресенье расписаться?

Но Анна и ее мать Наталья Артуровна, оказавшиеся упрямыми традиционалистками, все же сумели растолковать торопыге Матвею, что надо делать именно так и никак иначе.

– Посуди сам... Что за свадьба без моего любимого дяди Александра? Правильно. Не свадьба, а какая-то профанация. А дядя Александр сейчас на Сатурне. И вернется на Марс никак не

раньше, чем через полгода. Идем дальше: моя кузина Мария с Земли. На восьмом месяце беременности! Скажи мне, можно ей свадьбы гулять? Правильно: нельзя! Или взять твоих родственников, к примеру...

– А что мои? – рассеянно осведомился Матвей. – Я тебе список написал! Они там все, практически в алфавитном порядке...

– Да список-то отменный. Но вот бабушка твоя пишет, что раньше января ей врачи путешествовать не велели, ведь операция сложная...

– А твоя мама просит отложить событие хотя бы до марта! – прибавила Наталья Артуровна. – Говорит, что с астрологической точки зрения сейчас период не слишком благоприятный!

– Ну, если с астрологической... В общем, я сдаюсь! – Матвей шутливо поднял руки вверх.

Но Анна с Натальей Артуровной и не думали принимать его капитуляцию.

– Я уже не говорю о том, что ресторан, в котором мне хотелось бы отпраздновать это волнующее событие, надо заказывать заранее, желательно за несколько месяцев! – продолжала Анна, все больше входя в раж.

– А платье с фатой?

– А твой костюм?

– А постройка домика для молодоженов, то есть для нас?

– Да нам одних украшенных свечей для церемонии надо двести штук купить! Из натурального воска! И цветы! И драпировки!

– Я понял! Понял! Осознал! Десять месяцев – так десять месяцев! – взмолился Матвей.

Анна и ее мать удовлетворенно переглянулись и тотчас же смолкли.

– Хорошо, что ты у меня такой понимающий, – вздохнула Анна и ласково чмокнула Матвея в щеку.

– Не зять, а золото! – сложив руки замком на груди, умилилась Наталья Артуровна.

Было решено, что необходимые приготовления Анна и Наталия Артуровна начнут прямо сразу же.

После долгих женских раздумий платье было решено заказывать у лучшего портного Санкт-Петербурга – баловня ненасытной русской поп-богемы Филиппа Пятеркина.

– Папа уже обо всем договорился. И снятие мерок будет происходить прямо через две недели! – приплясывая от восторга, воскликнула Анна.

– Через две недели?

– Да! Видел бы ты его ателье с видом на Эрмитаж! Да там в зале ожидания десять минут посидишь – и уже чувствуешь, что красота и любовь – они тебе подвластны, как слуги! Все примадонны у него одеваются. И артисты балета. И актеры! Одно слово – Пятеркин!

– Подожди, радость моя... Не хочешь ли ты сказать, что ты полетишь в Санкт-Петербург? – удивлению Матвея буквально не было пределов.

– Ну да... Полечу! На курьерском планетолете «Юрий Речников»!

– На курьерском? Но это же... не сказать, чтобы очень комфортно.

– Некомфортно. Но зато быстро!

– Быстро... Ну, пожалуй... Но зачем, любимая? Зачем? Ведь мерки может снять любой робот-примерщик! – Матвею очень уж не хотелось расставаться с Анной. Тем более, на целый месяц. Из-за какого-то платья! Пусть даже и сто раз свадебного!

– Ну да... Робот-примерщик может мерки снять, а робот-портной может и платье за несколько часов склеить... Только что это будет за платье?! – фыркнула Анна возмущенно.

Было видно, что Матвей затронул самые чувствительные струны ее неравнодушной ко всему прекрасному души.

«Но мой же последний костюм тебе понравился! Сама говорила!» – хотел возразить Матвей. Но ему все же хватило благоразумия промолчать.

– В общем, ты не против моей поездки?

– Нет, милая. Я.... я потерплю, – сдался Матвей. – И я уверен, ты будешь самой красивой невестой Марса. Да что Марса! Всей Солнечной системы!

Глаза Анны сияли. Было видно, что сама она грезит о том же и никак не менее.

И даже стоя у турникета зала регистрации в космопорту, Анна без умолку говорила о таком нескором бракосочетании. О том, что передача «Красивая жизнь» пообещала сделать репортаж о новобрачных («То есть о нас с тобой, Матюша!»), и о том, что на церемонию обещали прибыть двести шестнадцать человек из разветвленного рода Петровских!

Матвей слушал вполуха. У него были дела и поважнее: он глядел в Анины бездонные глаза и благодарил судьбу за то, что она свела его с этой ясной и радостной, как апрельское утро, девушкой.

А через две недели узел связи крепости «Слава» принял страшную шифровку: курьерский планетолет «Капитан Юрий Речников» пропал без вести в трех ходовых сутках от Земли. Вместе с ним, естественно, пропали без вести и все пассажиры.

Матвей не заплакал. И не закричал.

Он просто не поверил.

ЭПИЗОД 12

Мозговой штурм

*Август 2468 г.
Крепость «Слава»
Орбита Марса*

Матвей в который уже раз гонял по экрану выписку из протоколов ВДС – Всеобщей Диспетчерской Службы. Он никак не мог определиться с ближайшими планами и надеялся, что за сухими, будничными словами вдруг забрезжит какой-то высший, прикровенный смысл.

«Что же там случилось-то с этим «Речниковым»? Что?»

Матвей прикрыл глаза и потер виски.

Он вдруг понял, что до крайности истощен – и морально, и физически. И оттого не в состоянии сосредоточиться ни на одном из фактов. И это когда любая строка протокола может таить ключевую информацию для поиска Анны!

Кто-то должен ему помочь...

Кто?

Может быть, Исинка?

Что ж, пожалуй.

– Исинка, проснись, – сказал Матвей.

– Доброе утро, Матвей.

Раньше Исинка ответила бы ему своим любимым словечком «Принято». Но накануне исчезновения «Речникова» Матвей выкроил час и настроил фамильный искусственный интеллект на более человечную волну.

– Доброе утро, Исинка. Мне нужна твоя помощь. Где-то между Венерой и Землей пропал планетолет-курьер «Капитан Юрий Речников». Я сейчас анализирую весь его маршрут, что-

бы составить оптимальную программу поисков. Увы, я не могу найти в поведении планетолета ничего подозрительного. Но, возможно, я просто упускаю какие-то факторы. Сейчас я прошу тебя включить на максимум субличности «скептический ученый» и «подозрительный сыщик». Я опишу тебе маршрут «Речникова», а ты будешь притираться ко всему, что вызовет твои подозрения. Задача ясна?

– Задача ясна.

– Итак, для начала скоростной курьерский планетолет «Капитан Юрий Речников» принял на борт пассажиров. Согласно копии судовой роли, переданной управлением космодрома «Офир», пассажиров было восемнадцать, членов экипажа – семеро. Итого: двадцать пять человек.

– Стоп, – скомандовала Исинка. – Имею два вопроса. Почему планетолет отправлялся с космодрома «Офир»? И почему пассажиров восемнадцать, если паспортная вместимость пассажирских кают – пятнадцать человек?

– С пассажирами не вижу особых проблем. Думаю, для лишней троицы добавили надувной жилой модуль на отапливающую грузовую палубу... А что тебя смущает с космодромом «Офир»? Космодром как космодром, тридцать пять километров на запад от Четвертого Рима.

– Да что ты говоришь? Какие новости! – сказала Исинка с не передаваемым сарказмом. – Меня смущает не то, что «Офир» находится в тридцати пяти километрах от Четвертого Рима. А то, что я три секунды назад просмотрела всю историю навигаций «Речникова»: корабль приписан к космодрому «Бурунный» и всегда летал оттуда. И вот впервые за девять лет его специально провезли пятьдесят километров на сочененном гусеничном поезде, чтобы отправить в полет из «Офира».

– Действительно, странно. Вероятно, это как-то связано с грузами «Речникова».

– И какие грузы?

– Тут зашифровано. Посмотри сама.

– Вижу. Действительно, странные шифры. Ладно, я запущу в фоновом режиме поиск по Боевой Сети, а мы пока можем продолжать.

– Хорошо. Итак, закончив с погрузкой, «Речников» покинул космодром «Офир» и вышел на опорную орбиту Марса. Там, на орбите, он проторчал на удивление долго: почти полные стандартные сутки.

– Зачем?

– А вот зачем: планетолету должны были подать два ускорителя прямиком с орбитального завода. Но что-то там не заладилось.

«Что именно с ускорителями? Почему с завода, а не со складов? Проверить!» – такие пометки сделал Матвей в своем электронном блокноте, еще когда первый раз читал историю «Речникова».

Исинка, однако, молчала. Похоже, в отличие от Матвея, заминка с ускорителями не вызвала у нее никаких вопросов. Даже у субличностей «скептический ученый» и «подозрительный сыщик».

Матвей, выдержавший паузу, хотел уже продолжать, когда Исинка вдруг подала голос.

– Нашла. «Речников» ожидал ускорители модели «Паньгу».

– Что это?

– Очень мощные устройства, которые используются крупнотоннажными кораблями.

– То есть курьерские планетолеты для таких ускорителей великоваты?

– Да.

– Так зачем же?.. Спешили?

– Мои расчеты показывают, что время, выигранное на маршруте за счет использования нестандартных ускорителей, планетолет «Речников» потерял, ожидая подачи нестандартных ускорителей с орбитального завода.

Матвей на пару секунд «примерз», переваривая информацию.

– То есть... Ты хочешь сказать... Что никакого реального выигрыша от использования более мощных ускорителей «Речников» не получил?

– Я не только хочу это сказать, но и сказала. – Все-таки, несмотря на четырехвековую эволюцию, на обучение и самообучение, Исинка оставалась искусственным интеллектом и некоторые фигуры ее речи буквально взрывали Матвею мозг.

– У тебя есть какие-то объяснения?

– У меня нет объяснений. Но есть одно предположение. Отлет «Речникова» с Марса пытались выдать за рейс другого корабля. Корабля, для которого типично летать с космодрома «Офир» и использовать ускорители «Паньгу». Такими кораблями, например, являются дальнобойные паромы и контейнеровозы.

– Но это же бессмыслица! Хоть ты весь этими «Паньгу» обложись, все равно будет узнаваться курьерский планетолет! А не контейнеровоз или паром!

– Надежность идентификации сколь угодно большого объекта в конечном итоге зависит от расстояния. Ты же пилот, должен понимать. Выхлоп ускорителей можно засечь и проанализировать с нескольких миллионов километров. И даже с нескольких десятков миллионов. На таком расстоянии пассивными средствами наблюдения невозможно отличить курьерский планетолет от парома. Но можно сделать умозаключения по косвенным признакам, в частности – по спектру выхлопа ускорителей.

«Все-таки один ум хорошо, а два лучше, – подумал Матвей.

– Однако нельзя зацикливаться на этих ускорителях, времени сейчас нет».

– Спасибо, Исинка. Я обязательно учту твоё предположение насчет того, что отлет «Речникова» пытались скрыть. А сейчаслагаю идти дальше...

Итак, нестандартные ускорители «Речниковым» были наконец получены. Планетолет резво вскочил на них, как цирковой наездник – на двух горячих жеребцов разом, – и помчался прямиком к Венере.

Когда Матвей первый раз знакомился с выпиской, он споткнулся об эту «Венеру».

«Зачем на Венеру?! Они же на Землю летели?! А Марс и Венера находятся по разные стороны от Земли!»

Но прошла минута, и Матвей все же сообразил, что курс «Речникова» был проложен совершенно правильно, а вот он, лично он, совсем одичал за время службы в «Беллоне».

«Дело в том, что Земля сейчас, – объяснил сам себе Матвей, – находится с Марсом в противостоянии, по другую сторону от Солнца. И получается, что Венера в эти месяцы лежит на полупути между Марсом и Землей».

Но по пути к Венере «Речников» совершил посадку на гигантскую межпланетную базу «Уют-5», неспешно облетающую Солнце по мидель-орбите – то есть ровно посередине между Марсом и Землей в соединении.

Каждая база сети «Уют» – с первой по восьмую – представляла собой по сути рукотворный остров, многочисленные гавани которого обещали всем транзитным кораблям отдых, ремонт и пополнение запасов.

Там же, на базе, можно было посетить любой из девятнадцати ресторанов с авторской кухней, поселиться в одну из восьми роскошных гостиниц, посмотреть свежайший фильм, купить горячий бестселлер и даже попасть на выступление новомодной поп-дивы.

Да-да! На всех базах сети «Уют» имелся киноконцертный зал на тысячу восемьсот человек! И в последнем десятилетии, когда грузопоток на линии Луна – Марс удваивался каждые три года, выступления на базах сети «Уют» сделались – учитывая астрономическую цену билетов – почти столь же прибыльны-

ми, как «чес» по лунным стотысячным стадионам. А уж о престижности и говорить не приходилось!

Итак, планетолет «Капитан Юрий Речников» прибыл на базу «Уют-5»...

Но что же там происходило с Анной? Что делала она, пока планетолет заправляли топливом? Пока выгружали тридцать тонн посылок, адресованных жителям «Уюта-5»? Какие магазины и рестораны Анна посетила? Может, ходила в кино? А может, и на концерт?

Этого, увы, выписка из диспетчерских протоколов сообщить не могла. Требовалось влезть в архивы службы безопасности – которая, конечно же, имелась на любой подобной базе.

В принципе, статус офицера «Беллоны» позволял Матвею изучать содержимое видеоархивов удаленно. Для этого в его распоряжении находились военные каналы связи, также известные как Боевая Сеть.

Однако расстояния, расстояния... Сигнал от Марса до мидель-орбиты, где находится «Уют-5», идет не менее трех минут. Это значит, что обработка любой интерактивной пары «запрос – ответ» займет свыше шести минут. Да набросить какое-то время на передачу каждой видеокартинки...

А Матвею, чтобы как следует отследить перемещения Анны по базе, предстояло отправить тысячи запросов и принять тысячи ответов. Всякий раз психуха, сжимая кулаки, поскуливая под невыносимым гнетом неизвестности...

В общем, нормально поработать с архивами можно было только личной явкой на базу «Уют-5».

«Что ж, на «Уют-5» обязательно придется лететь, – решил Матвей. – Вопрос – когда? Сразу? Или для начала, не тратя времени, отправиться к Венере и дальше, в район предположительного исчезновения планетолета?»

С этим вопросом Матвей и обратился к Исинке.

– Чтобы понять это, давай все-таки проследим «Речникова»

до точки исчезновения, – предложила Исинка. – Что там случилось потом, после отлета с базы?

– Потом вот что. «Речников» взял со складов «Уюта-5» два свежих ускорителя...

– Красиво жить не запретишь, – хмыкнула Исинка.

«Во дает! Очеловечивается ударными темпами!»

– И не говори. Так вот, «Речников» продолжил полет в направлении Венеры. Чтобы, значит, совершить в районе Венеры гравитационный маневр и лететь уже к Земле. Через шесть дней планетолет с Анной на борту...

– Ты уверен?

– В чем?

– В наличии Анны на борту планетолета?

– Что?!.. – Матвей опешил. – Так ты хочешь сказать?!.. Черт! А ведь действительно! – точно выброшенный пружиной, он рывком покинул кресло и сделал несколько размашистых шагов по каюте. – В самом деле! Почему я считаю, что Анна по-прежнему находилась на борту «Речникова»? Что мешало ей сойти с планетолета на базу и там остаться?!

– Вот именно. Этую версию обязательно надо отработать.

Матвей с трудом заставил себя успокоиться.

– Ну допустим, допустим... Допустим, Анна все-таки продолжила полет на борту «Речникова»... Что мы знаем про дальнейшую судьбу планетолета? Что на шестой день после отлета с базы «Речников» пересек орбиту Земли...

– Откуда это известно? – полюбопытствовала Исинка.

– От Погранслужбы Метрополии.

Погранслужбе, этому весьма могущественному роду сил Космофлота, принадлежала система собственных боевых станций и крепостей. Они осуществляли контроль за космическим пространством вдоль всей орбиты Земли.

Считалось – и вполне обоснованно – что наибольшую опасность для благоденствия человечества представляют кометы

и астероиды, чьи траектории проходят под малыми углами к плоскости эклиптики. Именно эти куски вселенского мусора сулили огромные неприятности как межпланетному судоходству, так и самой колыбели человечества.

Достаточно сказать, что астероид поперечником десять километров мог уничтожить на Земле практически всю биосферу! А стокилометровый – расколоть планету на куски!

Именно для уничтожения опасных астероидов и была некогда создана космическая Погранслужба.

Разумеется, благодаря своим мощнейшим радарам и первоклассным телескопам станции Погранслужбы наблюдали не только за астероидами. Ими заодно отслеживались и перемещения всех кораблей. Так что данным Погранслужбы можно было верить.

Зачем-то объяснив все это Исинке (которая деликатно промолчала насчет того, что ей ведомо, что такое Погранслужба), Матвей вернулся к судьбе «Речникова»:

– Далее планетолет достиг Венеры и, более того, ловко использовал эту планету для гравитационного маневра торможения. После чего продолжал двигаться по касательной к орбите Меркурия, имея Солнце по левому борту. Тут уже «Речникова» сопровождали не радары Погранслужбы, а диспетчеры корпорации «Кольцо» с борта станций, окружающих Венеру.

– Скажи, пожалуйста, траектория планетолета внутри орбиты Венеры известна точно? – спросила Исинка.

– Совершенно точно.

– Не может быть такого, что за «Речникова», когда тот удалился от Венеры на несколько миллионов километров, радары корпорации «Кольцо» принимали уже какой-то другой объект?

«А она просто пугающе умна!» – Матвей почувствовал смешанное чувство, состоящее из досады (и почему он сам об этом не подумал?!) и гордости (все-таки Исинка была их фамильным, гумилевским искусственным интеллектом, как бы членом семьи, и он испытывал к ней своего рода братские чувства).

– Теоретически это возможно... Но погоди! Ведь «Речников» фиксировался не только радарами! Его положение также пеленговалось всякий раз, когда он совершал выход в эфир во время контрольных сеансов связи!

– Эти данные доступны?

– А запроси-ка диспетчерский компьютер корпорации «Кольцо».

– Принято. Осуществляю операцию в фоновом режиме. Ты пока можешь продолжать.

– Мы уже почти закончили. Когда «Речников» преодолел примерно половину расстояния от Венеры до Земли, он находился достаточно близко и к Меркурию, и к Солнцу. Получилось, что он покинул зону надежного радарного покрытия станций, расположенных на орбите Венеры, но еще не вошел в область ответственности Погранслужбы Метрополии. Корабль оказался в единственном слепом пятне, существующем внутри орбиты Земли! И именно в этом слепом пятне он исчез. Ни сигнала SOS, ни одного испуганного крика в эфире. Ничего вообще.

Матвей почувствовал, как к его горлу подступил горький комок. Но все-таки заставил себя закончить.

– Корабль просто не вышел на очередной контрольный сеанс связи. И просто не вошел в поле радарного покрытия околоземных станций.

Матвей замолчал.

Молчала и Исинка. Наконец она сказала:

– Пришли данные. Компьютер «Кольца» подтверждает пеленгацию «Речникова» в точках, лежащих на расчетной кривой его траектории. Это означает, что моя гипотеза не подтвердилась. Планетолет действительно достиг слепой зоны, о которой ты сказал. И действительно исчез в ней. Мое предложение: надо немедленно лететь на базу «Уют-5». Прошу утвердить.

– Утверждаю, – кивнул Матвей после непродолжительных колебаний.

– Господин генерал? Разрешите?

Белов поднял на Матвея усталые, невеселые глаза. Чувствовалось, что генерал, как и Матвей, последние две ночи почти не спал.

«Но, в отличие от моих терзаний, – подумалось Матвею, – вряд ли терзания генерала связаны только с исчезновением планетолета-курьера «Капитан Юрий Речников». Ведь в зоне ответственности крепости «Слава» – а значит генерала Белова лично – находится огромный кусок Солнечной системы. От ближних подступов к Земле до самого Юпитера».

Догадка Матвея оказалась верной.

– Ты еще здесь? – спросил генерал с плохо скрываемым неудовольствием. – У меня для тебя есть ровно полторы минуты. Работы невпроворот... Гигантский поток противоречивой разведывательной информации о пиратах!.. Признаюсь, я был уверен, что ты уже улетел.

– Я бы и улетел, господин генерал, – зачастил Матвей. – Но скоростной паром «Цилинь», к которому я собирался подстыковать свой «Скорпион», идет прямиком на Землю. А я намерен посетить для начала базу «Уют-5». Мне кажется, что следы...

В протяжение всей его речи генерал морщился, словно бы слова Матвея доставляли ему физическую боль.

– Ближе к делу, сынок, – перебил он.

– Господин генерал, я бы решил этот вопрос без вашей помощи, но с утра сегодняшнего дня введен в действие ваш приказ о полном засекречивании графика движения кораблей. Даже моих полномочий особого дознавателя, как оказалось, не хватает, чтобы подыскать себе подходящий вариант. Идеально – крейсер, идущий в ближайшие сутки в направлении Земли.

Генерал кивнул.

– Понял. Секундочку...

Белов положил ладонь на одну из разноцветных сенсорных панелей, которые теснились по левому краю его могучего генеральского стола.

Между Матвеем и Беловым выросла стена бронепластика.

Матвей знал эти штучки. Бронепластик пропускает свет, но полностью глушит все звуки. Что генералу, который определенно добивался конфиденциальности, и требовалось.

Ведь, насколько мог видеть Матвей, генерал начал активно общаться со своим голосовым интерфейсом Боевой Сети, а возможно, и с исинками-хранителями этой самой Сети.

«Дожили... – вздохнул Матвей. – Еще со дня атаки самоубийц на паром «Долинск» участившиеся нападения пиратов связывают с утечками информации о графике движения конвоев и особенно важных кораблей... С утечками в том числе и из наших структур... Теперь уже никто никому не верит. Даже мне, даже генерал Белов».

Генерал поговорил со своими электронными секретарями минуты две, после чего плиты бронепластика втянулись обратно в пол и потолок кабинета.

– Крейсер «Бородин». Он направляется на усиление Венерианской Смешанной бригады. Крейсер только что сошел с опорной орбиты, но, если ты как следует поторопишься, успеешь к нему подстыковаться.

– Спасибо, господин генерал!

– Не за что. Все, беги давай. Я сам свяжусь с командиром «Бородина», попрошу, чтобы придержал своих термоядерных коней до твоего прибытия... И вот еще что, – в глазах генерала появилась какая-то малознакомая Матвею печаль. – Ищи свою Анну как следует. Ищи, пока не найдешь. Я вот, когда молодой был, свое счастье по имени Маришка упустил... Сначала думал, наверстаю еще, а не наверстал. Так всю жизнь бобылем и прокуровал...

Матвей кивнул. Его решимость искать и найти была несгибаемой.

ЭПИЗОД 13

«Уют-5», космический человейник

*Август 2468 г.
Межпланетная база «Уют-5»
Мидель-орбита*

Путешествие проходило по накатанной схеме.

Не прошло и трех суток, с того момента как Матвей покинул крепость «Слава», а его корвет, отделившись от борта скоростного «Бородина», уже появился в виду базы «Уют-5».

Это ажурное, красивое сооружение было нелегко описать при помощи привычных человеку аналогий – слишком много самых разных конструкций и пристроек лепилось друг к другу, собираясь в многокилометровый архитектурный хаос межпланетной станции.

Если все это вместе и было на что-то похоже, то, пожалуй, на европейский средневековый замок с живописным нагромождением башен, галерей, арок и аркбутанов. По мере приближения к базе каждое ее сооружение обнаруживало собственный оттенок, разгоралось тысячами разнокалиберных огоньков.

Все ближе и ближе станция. Все мучительней ожидание...

Как знать? Быть может, и по сей день где-то здесь, на борту базы, находится Анна? В конце концов, ее мог похитить какой-нибудь маньяк-вымогатель...

Матвей рассматривал «Уют-5» с пристрастием обездоленного. Его профессиональный глаз легко вычленял из технократического хаоса стыковочные пирсы, солнечные батареи, курящиеся ледяным дымком охладители, жилые небоскребы, прозрачные купола стадионов, ступенчатые массивы фешенебельных гостиниц...

– Да-а... Поиск иголки в стогу сена представляется плевой задачей в сравнении с поиском девушки в этом уютном космическом человейнике, – вслух сказал Матвей.

Корвет Матвея мягко причалил к одному из трех пирсов, выкрашенных предупредительной красно-белой зеброй.

Это была служебная зона. Здесь могли находиться только военные и специальные корабли – вроде буксиров-спасателей и тому подобных скромных трудяг космоса. Но, поскольку полоса мидель-орбит считалась исключительно спокойным местом Солнечной, корвет Матвея оказался у красно-белых пирсов единственным кораблем с эмблемой Космофлота.

Трудяг тоже было негусто: один буксир и пара скоростных спасателей.

Десять минут скучных формальностей на КПП – и Матвей уже разговаривал с комиссаром, то есть старшим офицером безопасности станции «Уют-5». Им оказался двухметровый великан из смешанной русско-китайской семьи. Звали его Пинг Понг Иванов.

Поскольку комиссар, некстати подхвативший грипп «желтая маска», находился на больничном, разговор происходил вовсе не в рабочем кабинете комиссара, а у него дома – в просторной служебной квартире, расположенной в центральной жилой надстройке-небоскребе. Рот и нос комиссара были залеплены прозрачной пленкой биобарьера.

Из больших овальных окон-иллюминаторов открывался великолепный вид на Солнце.

Матвей машинально поискал глазами Землю. И, не найдя, вспомнил, что она находится в противостоянии, а значит, полностью теряется в свете солнечной короны.

– Хотите увидеть Землю? – спросил Пинг Понг.

– Как вы догадались? – изумился Матвей.

– Такова магия нашего места. Здесь всякий, кто глядит в ил-

люминатор, ищет Землю. Кроме уроженцев Марса, которые, само собой, хотят увидеть Марс...

Пока Матвей подыскивал подходящий ответ, Пинг Понг добавил:

– Что ж, вот вам ваша Земля.

При этих словах – а именно на эту кодовую фразу был настроен голосовой интерфейс комнаты – картинка, которую видел перед собой Матвей в окне-иллюминаторе, претерпела решительные изменения. Место прежнего одинокого Солнца заняла самодовольная красавица Земля.

Создалась полная иллюзия, что станция «Уют-5» болтается не на далекой уединенной орбите, а в нескольких сотнях километров от Земли.

Довольный произведенным эффектом, Пинг Понг улыбнулся (прозрачная пленка улыбнулась вместе с ним) и сказал:

– Итак, господин Гумилев, вы интересуетесь подробностями пребывания на нашей базе Анны Петровской, прибывшей на курьерском планетолете «Капитан Юрий Речников» четырнадцать дней назад?

– Да, я... Точнее, «Беллона» в моем лице... интересуемся... Анной Петровской. И, шире, всем экипажем корабля «Капитан Юрий Речников».

– И что же именно вас интересует?

– Вообще-то все. Буквально все. Все видеозаписи, на которых запечатлена Анна. Все до последнего кадра. Собственно, я радиовал об этом. Вы же получали мое послание, не так ли?

– О да, – согласился комиссар. – Беда в том, что у нас в городе пять тысяч девятьсот восемьдесят четыре камеры наблюдения. Не считая нескольких сотен других следящих устройств неоптического диапазона. И все ведут запись круглосуточно. Сами понимаете, это грандиозный объем информации...

– Для пары-тройки исинков – не такой и грандиозный, – с нахимом сказал Матвей. – Уверен, за несколько часов они в со-

стоянии прогнать через себя весь этот видеопоток. И обнаружить все вхождения Анны.

– Вы были бы совершенно правы, если бы не одно «но»: я не сказал, что потоки от всех камер наблюдения сводятся в одно место. Нам, то есть службе безопасности, принадлежит лишь около четверти следящих устройств. Еще столько же является собственностью армии. Остальные распределены между пятью десятками разных корпоративных субъектов... Это и супермаркеты, и гостиницы, и рестораны, и кинотеатры. Далеко не все из них готовы пустить к себе в корпоративную сеть чужой исинк. Для этого требуется решение суда или санкция прокурора.

«Тысячу рентген им в печеньку! – мысленно выругался Матвей. – Тысячу рентген и десять тысяч мегаджоулей!»

– Хорошо. Но в ваш-то видеоархив мы можем влезть прямо сейчас, без суда и прокуроров? Я могу запустить туда свой исинк?

– Можете. А можете сэкономить свое время. Потому что я уже прогнал при помощи наших служебных исинков полный поиск по всем эталонным изображениям, разосланым штабом «Беллоны».

В первую секунду Матвей даже не понял, какую неоценимую любезность оказал ему комиссар Иванов. А во вторую – был готов расцеловать его в обе щеки!

– И что?

– Анализ видеоархива дал нам достаточно полные сведения о пребывании госпожи Петровской в нашем городе. Главное, мы знаем, что она со всей определенностью взошла на борт «Речникова». И отбыла на планетолете дальше, в направлении Венеры.

Омыслив услышанное, Матвей сник.

Его до последней секунды не оставляла схоронившаяся на

донце души надежда, что удастся свести задачу поиска Анны к перебору всех помещений станции «Уют-5».

У нее появился новый возлюбленный? Пусть! Пусть даже возлюбленная! Пусть биография его невесты обезображеня некой постыдной тайной! Что угодно, только бы знать, что Анна не сгинула без следа в околосолнечном пространстве вместе с плането-летом «Капитан Юрий Речников», а прячется где-то здесь, рядом!

Матвею стоило большого труда не показать собеседнику всей глубины охватившего его отчаяния.

– Что ж, это очень ценная информация. Благодарю вас, господин комиссар, – сказал он сдавленным голосом приговоренного к повешению. – Чем еще поделитесь? Быть может, зафиксированы какие-либо подозрительные контакты госпожи Петровской? Или других пассажиров? Членов экипажа?

– Наши специалисты выделили в общей сложности семнадцать контактов Петровской. И свыше шестидесяти контактов членов экипажа. Ни одной зацепки, увы. Все лица, с которыми общалась Анна, являются добропорядочными, законопослушными гражданами. Не вызывающими никаких подозрений. Но еще раз напомню, что мы имели возможность обобщить только данные видеозаписи наших камер.

– Да-да, я помню... Скажите, но вам ведь известно, какие заведения успела посетить Анна?

– Разумеется. Вот, извольте, – с этими словами комиссар протянул Матвею распечатку.

Там содержались все необходимые данные. Внимания Анны удостоились: одиннадцать магазинов, две кофейни, ресторан, косметический салон и гостиница.

– Через полчаса жена с детьми вернутся из дельфинария. Останетесь на обед? – спросил Пинг Понг, когда Матвей дочитал распечатку до конца.

– Почел бы за честь, – ответил тот церемонно, поднимаясь из кресла. – Но дела мои не терпят отлагательства.

– В таком случае приходите на ужин! – великан расправился и едва не уперся затылком в потолок. – Будет мукпац – куриные грудки с медом и соевым соусом.

– Вы очень добры ко мне, господин комиссар. И я со школы обожаю мукпац. Но, по совести, мне пора лететь дальше, к Венере... Выздоравливайте!

На «Уюте-5» Матвей полностью заправил все внутренние топливные танки своего «Скорпиона». Сверх того, он принял подвесные баки на внешние пилоны и взял еще две одноразовых «Нерпы». Все это богатство позволяло ему достичь района Венеры без промежуточных дозаправок, в режиме автономного полета. Благо любой корвет являет собою вполне полноценный космический корабль, на борту которого в течение нескольких недель могут находиться четыре члена экипажа.

Что же касается корветов типа «Скорпион», то они по праву пользовались славой самых комфортабельных. Эти корабли были оборудованы камбузом, галлюном, хитроумной гидромассажной ванной, рассчитанной на работу в условиях невесомости, двумя кубриками для отдыха экипажа и даже крошечным тренажерным залом.

Последнее, как ни странно, являлось не роскошью, а самой насущной необходимостью. В отличие от больших кораблей, на которых используются различные имитаторы гравитации, сила тяжести на борту корветов возникает и существует только тогда, когда работают двигатели. То есть не дольше нескольких часов.

Остальное время – при длительных перелетах это дни и недели – экипаж корвета полностью предоставлен невесомости. Ну а велотренажер, беговая дорожка со специальным экзоскелетным имитатором нагрузок и пружинная штанга помогают экипажу корабля оставаться в тонусе.

Тащиться до Венеры десять дней, причем девять из них провести в полной невесомости, Матвею не улыбалось. Поэтому он не оставлял надежд догнать крейсер «Бородин» и вновь подняться на его гостеприимный борт.

Помимо прочего, крейсер мог предоставить в его распоряжение свои мощные средства связи. Они позволяли Матвею куда более эффективно вести удаленное расследование: интенсивно общаться с оставленной на базе «Уют-5» Исинкой, с пограничниками и аварийно-спасательной службой.

Матвей вывел свой корвет из тени станции, сориентировал корабль, дождался от диспетчера магического заклинания «Борт 2012, дорожка» и дал зажигание.

Если все будет хорошо, через тридцать часов он нагонит «Бородин».

А в том, что сейчас все будет хорошо, он почему-то не сомневался.

Слишком уж плохо было все предыдущие дни...

ЭПИЗОД 14

Божественное тело

Август 2468 г.

Крейсер «Бородин» – корвет «Скорпион» б/н 2012 – станция «Амур»
Район Венеры

Спустя сутки Матвей вышел на конечную траекторию сближения с крейсером «Бородин».

Чтобы немного развеяться, отправился покрутить велотренажер. Стоило подошвам его ботинок коснуться педалей, как на связь вышла Исинка.

Не тратя времени на «здрасьте-как-поживаешь», она сразу взяла быка за рога:

– Я просмотрела армейские видеоархивы станции «Уют-5». Там только два новых вхождения Анны. Зато в обоих случаях зафиксированы новые контакты сравнительно с данными, ранее полученными от службы безопасности. Одна съемка сделана в холле гостиницы, другая – в пассажирском терминале, за полчаса до отлета «Речникова».

– И что за контакты? – спросил Матвей.

Поскольку за двадцать пять часов его «Скорпион» удалился от станции «Уют-5» на порядочное расстояние, обмен репликами происходил с некоторой задержкой. Ответа Исинки Матвей ждал почти десять секунд.

– В гостинице – с двумя молодыми людьми предположительно ее возраста, – наконец услышал он. – В терминале – с женщиной средних лет.

– Вышли мне обе видеозаписи. И заодно сразу дай досье на эту женщину и молодых людей.

И снова – десятисекундная пауза, заполненная только тихим жужжанием системы вентиляции: Матвей вспотел на велотренажере, и чувствительные датчики сразу скомандовали подновить атмосферу в отсеке.

– Женщина, которая обратилась к Анне в пассажирском терминале, явно случайный контакт. Она готовилась к посадке на борт лайнера «Иравади», следующий рейсом Луноград – Хэйхэ. Спросила у Анны, который час. Долго удивлялась ответу «Двадцать четыре часа одиннадцать минут», пока не сообразила, что часы Анны выставлены по марсианскому времени.

«Да, эта тетка явно не стоит наших слов, потраченных на ее обсуждение», – уныло констатировал Матвей.

– Что же касается двух особей мужского пола в холле гостиницы, с ними подобной ясности нет, – продолжала Исинка. – Съемка велась с такого ракурса, который почти не позволяет их разглядеть. Поэтому я до сих пор не смогла произвести их надежную идентификацию. На записи видно только лицо Анны. В основном – глаза и нос. Снимать нижнюю часть ее лица мешал затылок одного из собеседников. Там, где губы Анны все-таки были видны, я произвела расшифровку произнесенной ею фразы. Результаты пересланы на борт твоего корвета.

Сгорая от нетерпения, Матвей скормил переданные Исинкой файлы борткомпьютеру. Тот прокрутил их через систему голографического всюду присутствия, которая позволяла формировать изображение в любом обитаемом отсеке корабля.

Итак, вот его Анна – красавица и умница!

А вот и два каких-то сомнительных субъекта...

Действительно, их лиц не видно, камера снимает их со спины...

Но вот что прекрасно передано съемкой – это смущение и, пожалуй, неудовольствие Анны. Она слушает одного из своих собеседников, наклонив голову набок и прикусив губу... По гримасе легкой брезгливости прочитывается, что она с огромным удовольствием избежала бы разговора...

Но то ли светские приличия, то ли какие-то более серьезные причины не дают ей этого сделать!

И вдруг Анна говорит (это Исинка восстановила по ее губам):

– Знаешь что, Крокус? Шел бы ты в задницу!

И с этими словами она уходит, гордо задрав голову!

Вот такая запись...

– Крокус... Кро-кус, – пробормотал Матвей. – Кто бы ты ни был, Крокус, Анне ты не нравишься!

Оказавшись на борту крейсера «Бородин», Матвей развел бурную деятельность.

Связался со штабом Венерианской Смешанной бригады, с командованием Погранслужбы, поговорил со всеми командирами спасательных кораблей, которые прочесывали треугольник Меркурий – Венера – Земля в поисках «Речникова».

Результаты обескураживали: нигде, ничего, никого.

Тогда Матвей, не видя лучших вариантов, выдал развернутые запросы вообще на всех, с кем контактировала Анна на «Уюте-5», и получил скрупулезнейшие ответы.

Матвей тонул в океане несущественной информации. В другом океане – тысячекратно большем – тонула Исинка.

Увы, перелопачивание всех этих информационных авгиевых конюшен не давало сколько-нибудь взятых результатов.

Спустя три дня Матвей уже не знал, какие еще поставить задачи Исинке. Так что старинному супермозгу оставалось только руководствоваться собственными хитроумными алгоритмами.

И вдруг – совершенно внезапно – ярким болидом блеснул новый факт: за два дня до исчезновения планетолет «Речников» стыковался с орбитальной станцией «Амур» на орбите Венеры! Со станцией, которая служит штаб-квартирой корпорации «Кольцо»!

Эту новость сообщила ему Исинка.

– Не понял, – спросил Матвей Исинку во время очередного сеанса связи, – почему этот факт нигде не был отражен? И, если он нигде не был отражен, как ты смогла его установить?

– Если бы я умела испытывать эмоцию удивления, я сама была бы удивлена, – ответила Исинка спустя положенные четыре минуты (именно столько теперь требовалось электромагнитным волнам, чтобы добраться с борта «Бородина» до «Уюта-5», а затем вернуться обратно). – Но я умею испытывать лишь эмоцию удовлетворения, и поэтому я удовлетворена...

– Как это прекрасно, – в полрта улыбнувшись, проговорил Матвей.

– ...Я проводила анализ грузов, – продолжал журчать в научниках приятный женский голос Исинки, – находившихся на борту «Речникова». Мне не удалось обнаружить в описании государственных стандартов тридцать один процент шифров, которыми обозначены наиболее массивные грузы. Однако после сорока часов сквозного поиска по всем терминалам Солнечной системы мне удалось установить двух получателей грузов с такими же шифрами. Один получатель, претендующий на двенадцать процентов шифрованных грузов, находится на лунном заводе «Горизонт». Другой получатель – корпорация «Кольцо», Венера. Поскольку Венера лежала на пути следования «Речникова», естественно было поинтересоваться более точным адресом груза. Им оказалась станция «Амур».

– Ну а почему данных о заходе «Речникова» на станцию «Амур» нет в диспетчерских протоколах?

– Неизвестно. Но, вероятно, это как-то связано с режимом повышенной секретности, который соблюдается на всех станциях корпорации «Кольцо».

– Если планетолет-курьер передал на станцию «Амур» некие грузы, с него ведь могли и пассажиры сойти, верно? – спросил Матвей.

– Именно так. С борта «Речникова» на станцию «Амур» перешли четверо. Все они – мужчины, астрономы. Трое сели

на корабль еще на Марсе, один – на станции «Уют-5». Я предполагаю, что эти люди напрямую связаны с шифрованными грузами, которые «Речников» доставил на «Амур».

– Но что это за грузы?! – в сердцах воскликнул Матвей.

– Я не знаю, – отчеканила Исинка. – Но я твердо уверена, что это знает Степан Николаевич Гумилев, президент корпорации «Кольцо». Который, как тебе должно быть известно, сейчас находится прямо по курсу крейсера «Бородин», на станции «Амур».

Матвей стоял навытяжку перед статным красавцем капитаном Сверчевским.

Вообще-то Сверчевский был заместителем командира первого дивизиона корветов, приписанного к «Бородину». Но в тот день на капитане лежали функции выпускающего офицера. А это значило, что он был обязан провести с Матвеем предполетный инструктаж.

По опыту Матвея инструктаж был простой формальностью и занимал от силы пятнадцать секунд. Как выяснилось – только не на рейде Венеры.

То и дело сверяясь с какой-то бумажкой, Сверчевский вещал:

– ...Но и это еще не все, лейтенант. Я должен довести до вашего сведения, что Венера окружена сферой отчуждения, в пределах которой поддерживается режим секретности. После взлета с «Бородина» вам приказано все средства наблюдения держать выключенными. Граница сферы отчуждения обозначена в данном секторе сторожевой платформой с тремя маяками: оранжевым, красным, белым. Вам запрещены какие-либо энергичные маневры и смена пространственной ориентации аппарата. Возле сторожевой платформы вас встретит служебнаяaviетка. Она сопроводит вас до орбитальной станции «Амур», где вас ожидает президент корпорации «Кольцо» Степан Николаевич Гумилев. Вопросы есть?

– Никак нет, господин капитан.

– В таком случае удачи вам, лейтенант.

О проекте «Венера-2500» Матвей слышал от отца немало. Кое-какие сведения насчет терраформирования Венеры – впрочем, весьма расплывчатые – мелькали и в выпусках новостей.

Но никогда еще Матвею не доводилось лично бывать в окрестностях этой таинственной планеты и воочию видеть ту грандиозную работу, которую вела корпорация «Кольцо».

Венера сейчас находилась где-то внизу под ним. Увидеть ее можно было, только включив камеры обзора либо изменив ориентацию корвета. Но и первое, и второе – запрещалось.

Так что Матвею оставалось лишь плавно сближаться со сторожевой платформой, время от времени выдавая в эфир свои позывные.

Вскоре ему ответили:

– Говорит представитель корпорации «Кольцо». Вызываю борт 2012. Как слышите меня?

– Здесь лейтенант Гумилев, борт 2012. Слышу вас чисто.

– Отлично. А сейчас вы меня еще и увидите...

Через несколько секунд перед лобовым стеклом его «Скорпиона» показалась авиетка с эмблемой корпорации «Кольцо». Она игриво покачалась с боку на бок, попыхивая ориентационными дюзами, и голос в наушниках продолжил:

– Я уполномочен сопроводить вас до станции «Амур». Также я по просьбе Степана Николаевича сделаю для вас краткое сообщение о сути наших работ по терраформированию Венеры. Должен вас предупредить, что оно...

– ...Совершенно секретно, – подхватил Матвей скучающим голосом, – и вы просите меня не вести никаких записей.

В наушниках раздался короткий смешок.

– Вовсе нет. Просто я хотел вас предупредить, что мое сообщение может показаться вам набранным из общеизвестных фактов. И, следовательно, скучным. Так что вы можете отказаться от него, я не обижусь.

– Ну нет! Если уж сам отец попросил вас, я не смею отказываться... Вы, кстати, не представились.

- Зовите меня Проводник. Просто Проводник.
- Что ж, пусть будет так. Итак, господин Проводник, я весь внимание.
- Как вы, возможно, знаете, господин Гумилев, – его собеседник заговорил хорошо поставленным голосом опытного экскурсовода, – еще великий поэт прошлого Афанасий Фет посвятил Венере такие строки:

*И целомудрено и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красотой.
Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лице разлилось!
Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеной морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.*

- Восхитительно! – воскликнул Матвей.
- И хотя это чарующее творение русского поэта, – продолжал Проводник, довольный произведенным эффектом, – посвящено богине красоты, а не планете, мы не проводим между этими понятиями четкой границы. В последние годы эти строки Фета стали, можно сказать, неофициальным гимном корпорации «Кольцо». Слова «Цветет божественное тело неувядающей красотой» задают для нас тот горизонт – вполне достижимый горизонт, заметим, – в котором разворачивается наша деятельность по благотворному преобразованию Венеры... И сейчас вы, Матвей, сами в этом убедитесь. Достаточно только повторить мой маневр.

При этих словах Проводник энергично увел свою авиетку вниз, исчезнув из поля зрения Матвея.

Матвей выдал импульс на верхнюю группу дюз, заставив свой «Скорпион» клюнуть носом.

Небесная сфера повернулась вокруг него на девяносто градусов, и он наконец увидел...

...Ее, утреннюю звезду, «сестру Земли» – Венеру.

Огромная дымчатая жемчужина покоилась на черном бархате космической пустоты. Была в ней и «неувядающая красота», и «нега горделивая»...

Но вот чего не было больше – той девственной неприкосненности, которую пятьсот лет назад встретили здесь первые советские межпланетные зонды серии «Венера».

Все вокруг планеты дышало астроинженерией, горело пафосом преобразования и обновления.

Широкое, основательное кольцо из ледяной пыли окружало Венеру. Сахарно-белое, расчерченное контрастными лазурными линиями.

Матвей не считал себя выдающимся специалистом в области планетографии, но, по его мнению, такому сооружению мог бы позавидовать и общепризнанный властелин колец – гигант Сатурн!

Вдоль нижнего края кольца – над верхней кромкой атмосферы – скользили сотни сияющих точек. Это, конечно же, были огромные терраформирующие сооружения, орбитальные заводы, но с такого расстояния разглядеть их было невозможно.

За пределами кольца тоже наблюдалось оживление. Сновали туда-сюда корабли, авиетки, бликовали гигантские солнечные батареи гидрогенераторных станций, то и дело разражались импульсами терраформирующие лазеры...

Проводник выдержал паузу, предоставляя Матвею возможность осмыслить увиденное, и продолжил:

– Размеры Венеры и ее сила тяжести очень близки к земным.

Почему, собственно, ее и принято величать «сестрой Земли» еще со времен первых полетов в космос. Но невероятная плотность атмосферы и очень высокая температура поверхности отпугивали астроинженеров прошлого. Еще бы! Сто атмосфер! Четыреста градусов Цельсия! Эти показатели делают невероятно сложным даже обустройство купольных городов на поверхности планеты. Не говоря уже о создании гидросферы по типу лунной.

– Насколько я помню, – сказал Матвей, чтобы не уронить в глазах Проводника честь семьи Гумилевых, – еще одну проблему представляет химический состав атмосферы. В частности, облака из кристаллов серной кислоты.

– Совершенно верно! – с жаром согласился Проводник. – Но все-таки самой серьезной преградой к терраформированию являлась именно хроническая перегретость планеты. Венера непрерывно получает колоссальную энергию, сообщаемую ей солнечным светом. Но бедняжка, увы, раньше не успевала излучать избыточное тепло в космическое пространство. Этому мешала толстая шуба ее атмосферы.

– Насколько я могу видеть, шуба и сейчас толстая, – вставил Матвей.

– На самом деле атмосфера Венеры стала тоньше почти на четверть – сравнительно с исходным состоянием. На первом этапе терраформирования мы окружили Венеру множеством станций-газососов. Эти прожорливые машины круглые сутки перерабатывали атмосферу. Часть сжиженных газов использовалась в качестве сырья для сопутствующей химической промышленности. Но основная масса газов доводилась до состояния льда глубокой заморозки и выстреливалась на более высокие орбиты. Так и было построено кольцо, которое вы видите.

– Вот чего я не понимаю. Зачем кольцо?! Кометное ожерелье вокруг Марса понятно для чего. Там кометы используются как источник газов, недостающих для формирования атмосферы. А Венере зачем?

– Тень кольца заслоняет половину планеты. Получается огромный космический щит, отражающий солнечное излучение. И если раньше Венера получала около четырехсот миллиардов мегаватт солнечной энергии, то теперь – двести. Она стала значительно меньше греться! Будь такое же кольцо построено вокруг Земли, вечная мерзлота дошла бы до Москвы и Пекина. Амазонка стала бы замерзающей на зиму рекой, и в ее пойме росли бы березки. Ну а в случае с Венерой мы получили падение температуры до ста градусов Цельсия. Теперь там в жидким виде может существовать вода! В самых прохладных местах, конечно.

– Вот так достижение! На поверхности планеты вода худо-бедно держится в состоянии крутого кипятка? Это значит, что в более теплых зонах она все равно закипает и испаряется? И это вы называете гигантскими успехами терраформирования Венеры?

– Успехи действительно гигантские. Раньше на планете можно было найти озера жидкого олова и висмута, блуждающие дюны из свинца!

– Я впечатлен успехами, впечатлен, – поспешил заверить его Матвей. – Я просто совершенно не понимаю, как вы – я имею в виду, вся корпорация «Кольцо» и в том числе мой отец – собираетесь дальше побеждать Венеру?

– Вы этого совершенно не понимаете, уважаемый Матвей, потому что это совершенно секретно, – в голосе Проводника послышалась гордость. Можно сказать, сословная гордость.

– Это у меня тоже как-то в голове не помещается. Ну скажите на милость, что может быть секретного в терраформировании Венеры? И от кого секреты? От пиратов?

– От пиратов в том числе. Хотя они и не могут считаться, так сказать, концевыми потребителями подобной информации. Но могут ее перепродать!

– Кому перепродать?! Зеленым человечкам с Канопуса?

– Конкурентам. Конкурентам корпорации «Кольцо», а значит,

и вашего отца, Матвей. Не забывайте, что терраформирование – один из крупнейших секторов современной экономики. Наряду с туризмом, кораблестроением и энергетикой. Поэтому ключевые технологии терраформирования являются тщательно оберегаемыми тайнами за семью печатями. Каждая из них стоит даже не миллиарды! Триллионы золотых рублей! Тот, кто сегодня успешно терраформирует Венеру, завтра сможет получить государственный подряд на работу с Титаном. А послезавтра – как знать? – с тремя экстравенерами Альфы Центавра!

– Насчет Альфы Центавра дело за малым: надо научиться летать туда быстрее, – заметил Матвей. – Желательно раз в десять быстрее скорости света.

Вновь – помимо его воли – в слова Матвея вкрадалась ирония, но Проводник предпочел ее не заметить.

– Вы не поверите, дорогой Матвей, но создание средств межзвездного сообщения со сверхсветовыми скоростями – это вопрос не столько научный и технический, сколько макроэкономический. Большинство экспертов сходятся во мнении, что инвестиции в объеме трех годовых бюджетов Луны могли бы наконец довести работу над телепортерами Полуянова до полноценных, технически надежных образцов.

– Выходит, дело за инвестициями?

– Да. Нужно показать людям – в первую очередь инвесторам – перспективу. Одно дело – наладить сверхсветовые сообщения с соседними звездными системами ради абстрактного научного, если не сказать философского, интереса. Совсем другое – начать массовую экспансию, массовое терраформирование экстрасолярных объектов. Ну, а по иронии судьбы все приемлемые планеты у ближайших звезд за пределами Солнечной системы – клоны Венеры. Это планеты с обширными ядовитыми атмосферами, которые сильно перегреты своими светилами...

– Вы все-таки ушли от ответа насчет того, что собираетесь дальше делать с Венерой, – напомнил Матвей.

– Думаю, это вам предстоит узнать уже лично от Степана Николаевича.

Отец встретил его прямо за дверями шлюза.

Такой чести Матвей не ожидал.

Они крепко обнялись.

– Не было счастья, да несчастье помогло, – пробормотал отец, пряча глаза, в которых стояли слезы.

– Да уж... – только и смог сказать Матвей, его самого душили рыдания.

Некоторое время шли по коридору станции молча. Наконец Матвей нашел в себе силы заговорить на интересующую его тему.

– Отец, ты знаешь, что мы ищем пропавший курьерский планетолет «Речников». Совсем недавно мне стало известно, что он посещал твою станцию. За два дня до исчезновения.

Как ни старался Матвей придать своему голосу нейтральную интонацию, в его последние слова вкрадся упрек. Он, конечно, уже давно привык, что его отцу, главе могущественной корпорации, приходится решать слишком много проблем глобального характера, для того, чтобы обращать внимание на личную жизнь своих близких. Но все-таки считал, что, узнав о единственном исчезновении «Речникова», отец мог бы сообщить ему по крайней мере о самом факте визита курьерского планетолета сюда, на станцию «Амур».

– Кто посещал? – переспросил отец.

– Планетолет «Юрий Речников».

И, не дожидаясь, пока отец спросит «Какой еще «Речников»?» – что было вполне в его духе, – Матвей продолжил:

– Планетолет передал вам свыше двух тысяч тонн особо важных грузов. Во всех учетных записях они проходят под шифрами. Я должен знать, что именно привез для вас «Речников».

Отец наконец-то включился в тему. И, как обычно с ним слу-

чалось после «включения», заговорил сразу очень четко и дельно, как на производственном совещании:

– Основным грузом были восемь НКВ-гравитронов для сидераторов.

– Мне это ни о чем не говорит.

Первый и последний раз в жизни Матвей слышал слово «сидератор» как раз от Анны – в день их знакомства. Но тогда он не придал ему никакого значения. Мало ли какие устройства используются в двадцать пятом веке...

И надо же! Теперь эти сидераторы вдруг всплыли в деле об исчезновении все той же Анны!

– Сидератор – это астроинженерное устройство, действие которого основано на трансформациях неквантуемого вещества. Сидераторы способны создавать кратковременный эффект присутствия в сравнительно небольшом объеме виртуальной массы порядка Юпитера или даже Солнца.

– Проще говоря, – Матвей наморщил свой высокий лоб, – точка включения сидератора становится источником мощной гравитации?

– Да. Очень мощной. Это еще не черная дыра, но что-то наподобие... И сейчас мы планируем использовать два сидератора. Один с борта беспилотного корабля «Икар» инициируется непосредственно над фотосферой Солнца и провоцирует там вспышку, которая приведет к выбросу аномально мощного протуберанца. Одновременно будет включен второй сидератор, размещенный на борту терраформирующего судна «Шива». При его включении возникнет направленная виртуальная масса, равная массе планеты Юпитер. Под воздействием этого мощного гравитационного поля протуберанец оторвется от Солнца и направится прямиком к Венере.

– Так здесь же все сгорит!

– Ну что за варварские представления, сын? «Все», «сгорит»... Это же не струя огня! Скорее что-то вроде очень силь-

ногого порыва ветра... Который попросту сдует атмосферу Венеры прочь, в космос!.. Но не всю атмосферу, а ровно столько, чтобы давление у поверхности планеты сравнялось с земным. Так рассчитано.

– Масштабно, – промолвил впечатленный Матвей.

Но все-таки не уничтожение излишков венерианской атмосферы волновало его в ту минуту. А возможная связь работы отца (и его коллег) с исчезновением «Речникова».

– Но, насколько я понимаю, вы только часть этих НКВ-гравитронов приняли, верно? Остальные отправились дальше, на Луну?

– Да. Там сейчас монтируют третий сидератор, для других целей... Но, если ты не найдешь «Речников», вводить тот сидератор в строй будут еще долго. НКВ-гравитроны – это такая вещь, которую даже дефицитом нельзя назвать, они уникальны...

В продолжение всего разговора Матвей с отцом степенно вышагивали по станции «Амур».

К тому моменту, когда речь зашла о гравитронах для лунного завода, они успели спуститься на две палубы.

Миновав небольшой зимний сад, где, повсюду развались, нежились лиловые облака цветущих глициний, они достигли впечатльного зала, в котором десятки работников корпорации «Кольцо» вперяли горящие взоры в огромные экраны и пульты управления.

Пока отец говорил, Матвей рассеянно посматривал на экраны...

И вдруг на одном из них мелькнуло лицо, которое он совершенно не ожидал увидеть!

До такой степени не ожидал, что Матвей замер как громом пораженный.

То и дело показываясь из-за спин каких-то бодрых незнакомцев, через экран проплыла узкая крысиная физиономия Прусакова.

Геннадий Прусаков...

Его бывший однокурсник. Его недруг.

Не далее как в феврале они вместе получали офицерские патенты.

И после этого, насколько знал Матвей, Прусаков отправился служить куда-то в район Юпитера. В том же качестве, что и он, Матвей, – пилотом корвета.

И все бы хорошо, но...

Прусаков не был одет в форму «Беллоны». На нем вообще не было военной формы!

Вместо этого Прусаков носил синий комбинезон сотрудника корпорации «Кольцо». И не просто сотрудника, а, насколько Матвей разбирался в корпоративных нашивках – инженера третьего ранга!

– Извини, пожалуйста, – прервал он уютное научное воркование отца, – а это кто такой?

С этими словами Матвей указал на экран с физиономией Прусакова.

– Кто это?.. – изумленно задрал брови отец. – Какой-то наш сотрудник... Их тысячи, я в лицо всех знать не могу...

– А где он?

– Он... Это «Шива». Тот самый корабль, со вторым сидератором.

– Мы можем получить досье этого человека?

– Естественно. Сейчас свяжусь с менеджером по персоналу.

Вскоре Матвей держал в руках распечатку.

Если верить ей, на борту терраформирующего судна «Шива» находился Леонид Андреевич Дементьев, инженер третьего ранга, 2445 года рождения. Прибывший сюда, в распоряжение штаб-квартиры корпорации «Кольцо», на борту планетолета «Юрий Речников» прямиком со станции «Уют-5».

– Мне нужно обратно, на корвет, – тихо сказал Матвей.

– Даже не выпьешь чаю? – брови отца изумленно взметнулись.

Но Матвей уже сорвался на бег.

ЭПИЗОД 15

Семнадцать мгновений истины

Август 2468 г.

Корвет «Скорпион» б/н 2012

Район Венеры

Матвею никогда не доводилось летать так быстро. Вместе с ним в одном строю шли еще четыре корвета с борта «Бородина». Этой четверкой командовал тот самый капитан Сверчевский, который давеча инструктировал Матвея насчет полетного режима в районе Венеры.

Они неслись к «Шиве».

Это был след. След! Зацепка! Зацепище! Он чувствовал это!

Прусаков прибыл сюда на «Речниково» – корабле, перевозившем НКВ-гравитроны.

Прусаков имел документы на имя другого человека.

Он выдавал себя за молодого астроинженера, подписавшего контракт с корпорацией «Кольцо».

И вот теперь он находился на борту корабля, где при помощи привезенных с Марса НКВ-гравитронов был смонтирован сидератор – самая мощная в истории человечества машина!

Можно ли поверить, что все это не имеет отношения к исчезновению «Речникова»?

Можно ли себе представить, что Прусаков никак не связан с пиратами? Не замешан в грязных играх с промышленным шпионажем?

Нет, нет и нет.

Вдогонку Матвею неслись данные личного дела, распотрошеннного Исинкой через Боевую Сеть.

«Прусаков Геннадий Васильевич, 2446 года рождения... Средняя школа... Академия Космического Флота имени В. Чкалова... Окончил с отличием... Распределялся по собственному желанию... Пилот корвета типа «Шершень»... Восемнадцать походов... Три огневых контакта с экстремистами... Отмечен в приказе... Погиб 11.06.2468...»

Ага, вот оно! Одиннадцатого июня корвет Прусакова разрушился в верхних слоях атмосферы Юпитера. Причина не установлена, версия комиссии – усталостное разрушение конструкции. Обломки корвета и тело пилота не обнаружены, затонули в плотных слоях атмосферы.

«Ну ясное дело! – Матвей криво ухмыльнулся. – Что ты там, на Юпитере, обнаружишь?! Бездонный, непросвечиваемый и непрозваниваемый газовый пузырь! Идеальное место для бесследных исчезновений!»

Разумеется, Матвей договорился с отцом, что никаких тревожных радиограмм на «Шиву» передано не будет. Прусаков почти наверняка действует не один. Сейчас главное – не спугнуть мерзавца, а равно и его вероятных сообщников.

– Дистанция до «Шивы» – сто тысяч ровно, – бодро сообщил капитан Сверчевский.

Это означало, что уже через полчаса они смогут оказаться на борту корабля и взять Прусакова за жабры. Или что там у прусаков? За усы и трахеи!

– Превосходно, господин капитан, – сказал Матвей. – Есть предложение начать торможение, а то проскочим его.

– Что ж, валяйте, друг мой, – поощрил его Сверчевский.

Руководил операцией Гумилев – хотя и носил на погонах лишь две лейтенантские звездочки. Но капитану было, конечно же, приятно, что Матвей с ним все время советуется – и тем самым формально соблюдает приличия.

Увы, Прусаков был начеку. И трижды увы – у него действительно имелись неизвестные сообщники как среди операторов станции «Амур», так и на борту «Шивы».

Едва только корветы приступили к торможению, на связь вышел Степан Гумилев:

– «Шива» начал какой-то странный маневр... И сразу же перестал отвечать на вызовы!.. – Матвей еще никогда не слышал в голосе своего отца столь искреннего и глубокого изумления. – Вы как-нибудь можете это объяснить?

– Сейчас, отец, дай хотя бы пару минут...

Ни Матвею, ни Сверчевскому не удалось добиться от «Шивы» ответа: на ходовом мостике словно бы вымерли все, как динозавры. Не реагировал корабль и на вызовы лазерной связи.

Зато, согласно данным их радаров, «Шива» дал полную тягу и двинулся в направлении того самого слепого пятна, где в свое время исчез планетолет «Речников».

– Боюсь, «Шива» захвачен, – сказал Матвей.

– Кем?! – недоумевал отец.

– Пиратами. Экстремистами. Твоими конкурентами. Называй как хочешь, – ответил Матвей отцу.

– Но как?!

– Как именно – мы не знаем. Но ключевая роль в захвате явно принадлежала Прусакову. Извини, я должен отключиться...

В самом деле, дорога была каждая секунда, требовалось срочно принимать меры.

– Поторопились мы с торможением, – сказал Матвей Сверчевскому. – Надо провести перехват. Вы со своими корветами раскрывайтесь веером и выходите в упрежденную точку, а я сяду ему на хвост.

– А может, мы ему просто маршевые лазером отчекрыжим, а?

– Хорошо бы... Но, боюсь, аккуратно не получится. А если неаккуратно – возможен взрыв. А мне важно, просто невероятно важно поговорить с Прусаковым. Хотя, конечно, держите его на прицеле.

Затем Матвей принял вновь вызывать «Шиву».

— Говорит лейтенант Гумилев, борт двадцать двенадцать, Вторая Марсианская флотилия. Вызываю терраформирующий корабль «Шива». Немедленно уберите тягу маршевых двигателей в ноль и ответьте. Немедленно ответьте... — Матвей чувствовал, что, сколь бы ни был тверд его голос, шансов услышать с борта «Шивы» хоть что-нибудь в ответ у него бесконечно мало. Подчиняясь наитию, он решил немного изменить политику:

— Повторяю, ответьте немедленно. Я Матвей Гумилев, я представляю «Беллону» и облечен чрезвычайными полномочиями. Если вы не ответите немедленно, мы будем вынуждены уничтожить вас! Я еще раз повторяю: у меня есть для этого все необходимые полномочия!

И вдруг в эфире раздался голос Прусакова. Говорил он спокойно, взвешенно — Матвей даже удивился. Можно было подумать, что переход на сторону пиратов пошел на пользу душевному здоровью его заклятого врага!

— Я думаю, это блеф, — сказал Прусаков. — Если вы расстреляете «Шиву», погибнет сидератор. А этого, насколько мне известно, корпорация «Кольцо» позволить себе не может. Ведь это сорвет график терраформирования Венеры, что приведет к банкротству корпорации. Твоя семья разорится, Матвей...

В последней фразе явно прозвучало злорадство.

«К черту корпорацию! К черту сидераторы!» — Матвей вдруг совершенно отчетливо понял, что его не интересует ничего, кроме Анны.

— Геннадий, — сказал он как мог задушевно, — послушай, я думаю, мы обо всем сможем договориться... Но мне сейчас надо знать, что случилось с «Речниковым», с его пассажирами и экипажем, а главное — с Анной Петровской.

— Петровская? Петровская жива, — с каким-то странноватым недоумением сказал Прусаков. — Как и большинство людей, находившихся на планетолете. Но корабль погиб. Погиб вместе с грузом.

– Как он погиб?

Прусаков был явно в настроении поболтать, поскольку ответил охотно:

– К сожалению, все контейнеры с НКВ-гравитронами имели коварную систему невскрываемости, обезвредить которую могли только специально подготовленные инженеры. Контейнеры взорвались, уничтожив гравитроны. Планетолет получил несколько огромных пробоин. Такая жалость! Если бы нам удалось захватить гравитроны, то, скорее всего, отпала бы необходимость угонять «Шиву» прямо сейчас. Впрочем, твое появление в любом случае...

– Где Анна?! – перебил его Матвей. – Где она?!

– Не ищи ее.

– Она у пиратов?!

– Вы всегда говорите «экстремисты», «пираты»... А я бы сказал иначе. Мы представляем силу. Силу с большой буквы. Силу, которая пришла в мир и которая вскоре будет владеть здесь всем. Всем: Марсом, Луной, Землей.

– Ответь на мой вопрос! Где Анна?! Я готов заплатить любую цену! Скажи, с кем мне связаться?!

И в этот миг их канал был бесцеремонно разорван Сверчевским, который воспользовался правом старшего офицера.

– Господин лейтенант, мною только что получен приказ, не оставляющий нам свободы действий. Мы должны немедленно атаковать всеми доступными средствами корабль «Шива» и уничтожить его.

Это Матвея совершенно не устраивало. Пока оставался шанс заполучить Прусакова живьем и допросить его с применением «сыворотки правды» – он обязан был за этот шанс бороться!

– Но почему бы нам не попытаться взять его на абордаж?! – воскликнул Матвей.

– Приказ исходит от генерала Белова лично. Я не намерен обсуждать его ни с вами, ни с кем бы то ни было еще! – отрезал Сверчевский.

Похоже, капитан поначалу действительно не собирался больше разговаривать с Матвеем, но, поколебавшись пару секунд, пояснил:

– Нам стало известно, что «Шива» – уникальный корабль, специально рассчитанный на пребывание в смертоносном корпускулярном потоке солнечного протуберанца. Это означает, что он защищен толстой многослойной броней. Пусть даже и одноразовой, рассчитанной на постепенное испарение. В любом случае расстрелять его из лазерных орудий будет очень непросто. В то время как «Шива» может набирать скорость еще несколько часов!

«Ну да, верно... – внутренне согласился Матвей. – Мы будем палить ему вдогон из лазерных пушек, пытаясь продырявить его толстую шкуру. А он возьмет и попросту обставит нас в гонках! Не говоря уже о том, что у «Шивы» есть прекрасная возможность стряхнуть с хвоста любых преследователей, пройдя напрямик через солнечную корону! Ясное дело, повторить его маневр не сможет ни один корвет... Выйдет, что и Прусаков от нас ускользнул, и сидератор достался пиратам невредимым!.. Ну уж нет! Должно быть какое-то решение...»

Тут Матвей признал, что, если решение и существует, прийти к нему можно только с помощью гения его отца, Степана Гумилева.

Матвей вызвал станцию «Амур»:

– Отец, ты уже знаешь, что мы получили приказ расстрелять «Шиву»?

– Мне никто не потрудился сообщить, – глухо ответил тот.
– Спасибо тебе, сын, что нашел время... Что ж, это означает конец проекта... Погибнет сидератор... Атмосфера Венеры не будет нормализована... Репутация «Кольца» будет погублена... Десятки могущественных инвесторов, вложивших деньги в мою корпорацию, вчинят иски...

– Не время сдаваться! Послушай, я тут подумал... Если контейнеры с гравитронами на борту «Речникова» имели систему

самоуничтожения, нет ли чего-то подобного на «Шиве»? Ведь ваша служба внутренней безопасности обожает все минировать, кодировать...

– Такой системы на «Шиве» нет, – ответил отец. – Есть только особый блок дистанционного управления, который мы называем просто «приемником». С его помощью можно инициировать сидератор, находясь за бортом «Шивы».

– То есть мы располагаем возможностью включить сидератор «Шивы»?! Что же ты молчишь, отец?!

– Во-первых, это сложно. Требуется попасть лучом лазерного семафора в небольшой приемник, вынесенный на ферме за борт корабля. Для этого надо сблизиться с ним до ста километров. А во-вторых, что это нам даст? «Шива» вышел за пределы расчетного коридора. Это значит, что, если сейчас вырвать из Солнца протуберанец, он пролетит мимо Венеры, не затронув ее атмосферу...

– А вот это, отец, уже тебе, как астроинженеру, задача. И решить ее надо очень быстро. В какой точке на Солнце теперь, с учетом изменившихся условий, надо спровоцировать выброс протуберанца, чтобы все-таки попасть в Венеру? При условии, что сидератор на «Шиве» будет инициирован... Будет инициирован... Ну, положим, через пятнадцать минут.

– Не понимаю тебя. Поясни!

– Поясняю...

И Матвей поделился с отцом и капитаном Сверчевским своим безумным замыслом.

Им, конечно же, не удалось остановить «Шиву». Корабль уже имел гигантскую скорость и даже при полностью выключенных двигателях сохранил бы ее, ведь он двигался в безвоздушном пространстве.

Единственное, на что они могли рассчитывать, – стабилизировать скорость «Шивы», чтобы иметь возможность более уверенно предсказать поведение протуберанца.

Все ракеты, выпущенные корветами дивизиона Сверчевского, аккуратно наводились на дюзы маршевых двигателей корабля-беглеца. В конце концов, после трех десятков близких взрывов погасли все двенадцать дюз.

Матвей выжимал из своего корвета все, что можно.

Как говорят в Космофлоте, «на последних ньютонах» он смог подползти к «Шиве» на девяносто километров.

Увеличенная его зоркой телескопической системой, в перекрестьи визира показалась решетчатая мачта под брюхом корабля, на которой желтел приемник системы дистанционного управления сидератором.

– Отец, я на позиции, – сказал Матвей. – Что у тебя?

– Мы уже почти вывели нижний сидератор в новую расчетную точку.

– Что означает «почти вывели»? Сколько мне еще ждать?

– Еще бы минуток десять, – умоляюще простонал отец. – Вышла бы просто идеальная конфигурация, удалось бы задействовать протуберанец на все сто процентов!

Явно что-то заподозрив, «Шива» при помощи уцелевших маневровых дюз развернулся к корвету Матвея спиной и дал импульс. Расстояние между ними начало неспешно расти.

Матвей, у которого почти полностью исчерпалось топливо на маршевых двигателях, был вынужден лихорадочно маневрировать, чтобы удержать в прицеле приемник управления сидератором.

– Отец, времени нет, – Матвей почти рычал. – Сейчас – последние секунды, когда еще что-то можно сделать!

– Что ж... – отец вздохнул. – Тогда даю отсчет: пятнадцать... четырнадцать... И имей в виду, сынок, – вдруг спохватился он, – после включения сидератора тебя бросит прямо в центр гравитационного катаклизма! Готовь двигатели к полной тяге!

Матвей промолчал, что готовить особо нечего: горючего нет.

Но честь семьи Гумилевых была для него дороже жизни.

Если за спасение дела отца он, Матвей, должен погибнуть – что ж, значит, так тому и быть!

«Шива» удалился уже на девяносто пять километров... На девяносто девять!

– ...Двенадцать... одиннадцать...

– Быстрее! – крикнул Матвей. Его палец уже давно покоился на гашетке лазерной носовой пушки, переключенной в режим светового семафора (с его помощью можно было передавать кодированные сообщения при любых помехах в радиодиапазоне).

– Тьфу, черт!.. – Отец неохотно ускорил отсчет: – Ну, пять... четыре...

– Один! – выкрикнул Матвей и нажал на гашетку.

Его лазерная пушка выплюнула вдогонку «Шиве» код инициации сидератора.

В миллионах километров от него – там, где в вечной термоядерной топке Солнца триллионы тонн водорода сгорали, рождая океаны гелия и испепеляющие фонтаны фотонов – второй сидератор, размещенный на беспилотном корабле «Икар», разразился гравитационной истерикой.

Внезапно возникший над Солнцем центр притяжения сразу же привлек к себе отовсюду десятки маленьких протуберанцев. Но главное – в солнечной толще родилась ударная волна, которая прянула к поверхности, выталкивая из фотосферы ранее невиданного огненного дракона...

Сидератор, подвешенный под носовым отсеком «Шивы» и выглядящий как двухсантметровый огурец в предупредительной красно-желтой окраске, имел другую конструкцию и сработал с небольшой задержкой: требовалось время, чтобы отключились все пятьдесят два предохранителя, а компоненты жидкой бинарной взрывчатки, покинув емкости хранения, заполнили рабочие полости обтюратора.

Матвею поначалу даже показалось, что вообще ничего не произошло...

И уже не произойдет...

Но тут внутри красно-желтого огурца сработала бинарная взрывчатка.

Под ее воздействием сегменты обтюратора сжались с космической скоростью, рывком повышая давление неквантуемого вещества до запредельных значений.

Само время споткнулось о пик гравитационной волны и замерло в нерешительности.

Затем оно сделало неуверенный, пьяный шажок... Другой, третий...

Начались мгновения истины...

Матвей находился далеко от центра катаклизма, но все равно релятивистские феномены дали совершенно неожиданные эффекты.

Он воспринимал реальность рывками, короткими фрагментами, между которыми лежали пропасти безвременья.

...На экране визира – «Шива», разорванный пополам беспощадным приливным эффектом...

Безвременье.

...Матвей в полном недоумении смотрит на свои руки, освещенные красными проблесками сработавшего сигнала тревоги...

Безвременье.

...Громадная, искореженная ракетным обстрелом корма «Шивы» нависает прямо над кабиной его корвета, столкновение кажется неизбежным...

Безвременье.

...Лицо Анны... Откуда?!

Безвременье.

...Черный, добротный, пустой космос вдруг краснеет, наполняется движением, оранжевыми нитями...

Безвременье.

Его корвет вращался близ центра релятивистского катаклизма, как щепка в водовороте.

Вместе с ним кружились две половины «Шивы» и миллионы крошечных обломков, вещиц, частиц, выпотрошенных из корабля при его разрушении.

Потом прошел протуберанец.

Потом его подобрал крейсер «Бородин».

В общей сложности он пробыл на борту потерявшего управление корвета семнадцать часов.

Из них ему запомнились хорошо если семнадцать мгновений.

Они сидели с капитаном Сверчевским в кают-компании.

– Вас спас случай, – сказал капитан. – Вы были на оси прохождения протуберанца. Радиация у вас была такой, что сталь превращалась в черную рыхлую губку. Но ваш корвет был экранирован кормой «Шивы». От нее мало что осталось... А на вашем скафандре даже контрольная полоска не покраснела!

– К черту контрольную полоску, – Матвей слабо улыбнулся. – Я слышал, «Речников» нашли?

– Да. То, что куча спасательных кораблей не могла отыскать две недели, нашлось при помощи орбитального телескопа за одну минуту, – сказал капитан. – Когда протуберанец подходил к Венере, он создал светлый фон, на котором сразу же обозначилась контрастная точка – изуродованный, мертвый «Речников».

– Но там нет Анны, – Матвей скорее утверждал, чем спрашивал.

– Там нет никого, – подтвердил Сверчевский. – Команда криминалистов, высаженная на «Речникова», установила, что корабль был захвачен группой из восьми боевиков. Трое погибли при взрыве гравитронов, во время возни с контейнерами. Остальные покинули корабль вместе с пленными пассажирами. С тех пор «Речников» окончательно разгерметизирован и совершенно мертв.

– И с «Шивы», конечно, ни одного спасшегося?

– Ни одного. Все убиты радиацией.

– Как там Венера? – спросил Матвей. Теперь, после колossalного напряжения последних суток, ему вдруг стало все равно, но не спросить он не мог.

– Вы можете собой гордиться, – Сверчевский оживился. – Конечно, протуберанец можно было направить и поточнее... Атмосферы сохранилось чуть больше, чем хотелось бы... Но господин Гумилев уверял, что для первого, пристрелочного эксперимента результаты отличные. По крайней мере ему есть что показать невеждам инвесторам!.. Да, и чуть было не забыл: пока вы смотрели сны в медотсеке, вам пришла радиограмма со станции «Уют-5».

– Радиограмма?

– Да, вот она, – Сверчевский протянул ему распечатку.

Матвей прочел:

«Исинка – лейтенанту Гумилеву.

Идентифицированы оба неизвестных, имевших контакт с А. Петровской в холле гостиницы на базе «Уют-5».

Один является ее бывшим одногруппником Б. В. Горюновым.

Другой – названный в разговоре Крокусом – его приятель, К. Т. Алтунин. Крокус – настоящее имя, а не прозвище, как было бы естественно предположить.

Через запросы родителям Петровской удалось установить, что Алтунин одно время считался главным претендентом на руку и сердце Анны.

Предполагаю, что Горюнов и Алтунин никак не связаны с делом о захвате планетолета «Капитан Юрий Речников»».

Что ж, кратко и по существу...

Матвей тяжело вздохнул.

Итак, даже эта крошечная зацепка с неприятным разговором Анны на борту «Уюта-5» оказалась вовсе не зацепкой...

«Похоже, в расследовании можно ставить жирную точку и возвращаться на «Славу». Мертвый, выстуженный «Речников» найден, а на большее претендовать пока не приходится», – с горькой досадой побежденного подумал Матвей.

Когда Матвей окончательно осознал, что Анны больше нет с ним и найти ее совершенно не представляется возможным, точнее, когда это осознала его медлительная душа, он впал в состояние, которое и депрессией-то не назвать.

Он словно бы заснул наяву.

То есть с точки зрения внешнего наблюдателя все находилось в рамках социальной нормы: он прилежно нес службу, ел, спал, говорил с товарищами. Но все это было как в тумане – медленно, бесцельно.

Будто бы кто-то пришел и вынул из него, Матвея, батарейки.

Вдруг оказалось, что недолгие месяцы знакомства с этой дивной, ни на одну прежнюю знакомую Матвея не похожей, русоволосой красавицей внесли в жизнь Матвея столько внутреннего смысла, что расставание с источником этого смыслаказалось не менее чем моральной катастрофой.

«Как жить без Анны, если сама жизнь есть Анна? Анна равно жизнь. Если нет Анны – нет жизни».

Чтобы видеть хотя бы призрак Анны, Матвей ходил к ее родителям.

Убитые общим горем, они сидели молча над остывающим чаем. Все это было крайне тягостно. Но Матвей не прекращал эти визиты – не то из чистого мазохизма, не то из чистого гуманизма, ведь разделенное горе – это вроде как половина горя, так? Пусть даже и невыносимая половина.

Трижды Матвей посещал «Террикончик», с которой началось их знакомство. Скульптуры из твердого воздуха выгибались с прежней идиотской глубокомысленностью, а скульптуры из сахара казались какими-то оплывшими. Как видно, не одна

Анна их тайком дегустировала...

Не менее пяти раз Матвей был в городском парке.

А уж на стоянке цеппелинов, где он признался Анне в любви...

С невеселыми мыслями о самоубийстве Матвей пришел к генералу Белову.

– Я прошу о новом назначении! – тихим голосом сломленного человека сказал он.

Генерал Белов поднял на него свои холодные серо-голубые глаза. А Матвей продолжал:

– Да-да... Мне нужно что-то поменять... Вы не подумайте, это все не потому, что я... – Матвей мучительно сжал виски пальцами. Ему было физически трудно говорить.

– Это из-за Анны Петровской, я понимаю, – кивнул Белов.

– В общем... Прошу вас перевести меня на Градус Забвения. В «дивизион смертников».

Повисла пауза. Генерал Белов встал из-за стола и сделал несколько шагов к окну, которое смотрело в самое сердце оранжереи, где со скрупулезной точностью было воссоздано несколько соток Беловежской пущи. Матвей понимал: сейчас Белов зол, очень зол. Но пройдет минута, и он овладеет своими эмоциями.

– Ты в своем уме, Матвей? – сказал Белов не оборачиваясь. – Ты понимаешь, что твоя карьера... что твоей карьере... – Белов запнулся и сложил руки на груди.

– Да плевать мне на карьеру! – равнодушным голосом сказал Матвей. В его глазах блестели непрошеные слезы.

– Но я обещал твоему отцу, что... – Белов, как видно, тоже с трудом подбирал выражения. – Обещал, что смогу предотстечь тебе от ошибок!

– Здесь нет ошибки. Без Анны мне не нужна никакая карьера. И прошу меня простить, если я не оправдал доверия.

– Жду тебя завтра в четырнадцать тридцать. Если ты и завтра подтвердишь свою просьбу – что ж, вольному воля.

ЭПИЗОД 16

Черная принцесса

*Сентябрь, 2468 г.
Форт «Наблюдатель-1»
Градус Забвения*

Что такое градус? Один угловой градус?

Это угол, под которым видна одна трехсотшестидесятая часть окружности, если смотреть из ее центра. Градус, в свою очередь, состоит из шестидесяти долей, которые называются угловыми минутами. А угловая минута делится на шестьдесят угловых секунд.

Градус – это много или мало?

Кажется, что мало.

Хотя на самом деле следовало бы спросить: «А в каком случае?»

Например, Солнце при наблюдении с Земли занимает на небесной сфере всего лишь тридцать одну угловую минуту или примерно полградуса. А ведь это грандиозный газовый шар, который в сто десять раз больше Земли по диаметру и который в триста тридцать три тысячи раз тяжелее нашей родной планеты!

Градус Забвения – маленький участок орбиты Марса. Он находится в районе пятой точки Лагранжа системы «Марс – Солнце» – то есть там, где гравитационные воздействия Солнца и Марса уравнивают друг друга и где благодаря этому небольшие небесные тела вроде астероидов достигают покоя. Им не нужно ни лететь к Солнцу, ни устремляться к Марсу.

Учитывая, что орбита Марса имеет протяженность миллиард четыреста миллионов километров, один-единственный градус этой орбиты занимает три с половиной миллиона. Что немало.

– Очень немало, – повторил вслух Матвей, подлетая к форту «Наблюдатель-1».

Три с половиной миллиона километров по наибольшей оси. Около полумиллиона километров в поперечнике. Именно столько места с пространстве занимает Градус Забвения – один из самых замусоренных участков Солнечной системы, расположенный на орбите планеты Марс с отставанием от нее на шестьдесят градусов орбитальной дуги.

Ядро Градуса Забвения составляет группа астероидов, известных как Троянцы Марса.

Это безжизненные булыжники размером от нескольких десятков километров до сотен и десятков метров. Когда-то они заблудились в этом месте Солнечной системы, не зная, какое направление движения предпочтеть – к Марсу или к Солнцу. И до сих пор блуждают – опасные и холодные.

Далее, в процессе колонизации и терраформирования Марса к ним прибавились десятки ядер использованных комет и сотни тысяч техногенных объектов. И не мудрено, ведь на орбите красной планеты десятилетиями кипела невиданная работа!

Великое множество отходов – от гаек до огромных орбитальных станций – со временем превращалось в космический мусор и вышвыривалось прочь, поскольку утилизация стоила бы слишком дорого. Все это отправлялось в гости к Троянцам Марса и приступало к неспешному хождению по замысловатым орбитам вокруг общего центра масс в районе пятой точки Лагранжа.

Градус Забвения кишел колоритными персонажами с еще более колоритными именами.

Командира отдельного патрульного дивизиона, куда угодил Матвей, звали Гамлетом. Не в шутку, а по паспорту. Гамлетом Рамоновичем Каракульджи.

Национальности Гамлет Рамонович был сложной. Матвею несколько раз объясняли, какие именно первые колонисты на Европе, спутнике Юпитера, носили фамилию Каракульджи, но он ни разу не удосужился запомнить – то ли марсианских сербов, то ли лунных македонцев...

Внешность у него тоже была приметной: рост метр пятьдесят пять, расплющенный боксерский нос, густая кудрявая шевелюра и горящие глаза-угольки. Не то злой лепрекон, не то добрый волшебник, притворившийся лепреконом.

– Так за какую провинность тебя к нам отфутболили? – спросил Каракульджи Матвея вместо «здравствуйте».

– Ни за какую, – буркнул Матвей, задетый фамильярным обращением «ты» и полным отсутствием уставного «господин лейтенант».

– Так здесь, на Градусе Забвения, не бывает. Вот, к примеру, Ираида Бек, наша гордость и краса. Загудела сюда за самоволку. А она, между прочим, в Первой Венерианской флотилии служила. Участвовала во всяких показательных представлениях по праздникам! Не говорю уже о проводке восьми важнейших конвоев для корпорации «Кольцо»!

– Сочувствую ей, – равнодушным голосом сказал Матвей. Для него существовала только одна женщина – Анна. А судьба других не волновала его даже для виду.

– Или, скажем, Славик Пущин, – продолжал майор, помешивая сладкий чай в высоком стакане с герметизирующей насадкой, делающей его похожим на перевернутую клизму; мелодично позвякивала механическая серебряная ложечка.

– Славик раньше в Ю-патруле летал. Юпитерианском, стало быть. Двенадцать пилотов первого класса под ним было, между прочим! – Каракульджи поднял указательный палец, чтобы

подчеркнуть значительность некогда занимаемой Пущином должности. – И что же? Напился, подрался с городовым... Но это бы еще ладно, что с городовым... Это как-нибудь замяли бы... Все-таки мы, силовики, друг друга прикрываем по мере возможности... Но потом наш Пущин взял да и объявил пожарную тревогу по всему летающему городу Хэйхэ!

– Как ему удалось?

– Воспользовался своим должностным паролем.

– Да, впечатляет, – вздохнул Матвей.

Вид у него, однако, был нисколько не впечатленный. Но это не смущало майора:

– Одних убытков городской бюджет Хэйхэ понес на многие тысячи! Из Большого Лотосового Пруда выкачали сотни тонн воды – для резервной системы пожаротушения! А Пущину, значит, взыскание – и к нам, на Градус... Таким образом, имеем: дивизион укомплектован отменными пилотами. Но каждый пилот – с тараканами. А мне, как командиру, положено знать: какие тараканы у кого. Поэтому я и спрашиваю у тебя, Гумилев, где ты накосячил?

– Я не смог найти похищенный пиратами корабль, на котором находилась моя невеста... Точнее сказать, корабль я нашел. Но он был пуст.

– Неужели за это так строго наказывают?

– Я наказал себя сам.

– Ах вот оно что, – раздумчиво протянул майор Каракульджи, посасывая наконечник герметизирующей насадки стакана. – Тогда вопросов больше не имею. Поселяйся, располагайся, но помни: завтра в восемь ноль-ноль по стандартному времени – общее построение и боевой вылет.

– Боевой?

– Все вылеты на Градусе Забвения засчитываются как боевые. Потому что метеоритов здесь – тучи. А пиратов временами даже больше, чем метеоритов. «Дивизион смертников», слыхал, да? В общем, до пенсии вряд ли доживешь.

Матвей улыбнулся в полрта горестной улыбкой обреченного. Это было именно то, что он хотел услышать.

Первым, на корвете типа «Краб», летел Пущин. За ним шла «корова».

Так на пилотском жаргоне мог называться практически любой транспорт или танкер. На базе «Наблюдатель-1» в роли «коров» выступали сравнительно некрупные многоцелевые транспорты проекта «Синий луч».

За транспортом следовали еще два корвета типа «Краб». Один пилотировал новый коллега Матвея по фамилии Ювельев, красноглазый и увертливый. За штурвалом другого находился Гумилев.

И грузовые отсеки «коровы», и все ее внешние подвески были заняты разведывательными бакенами – маленькими автоматическими станциями с превосходными радарами и оптическими сенсорами. При помощи подобных ботов командование форта «Наблюдатель-1», ответственного за Градус Забвения, рассчитывало со временем установить полное радарное покрытие этого неуютного уголка Солнечной системы.

«Корову» пилотировала старший лейтенант Ираида Бек.

На непrestижный транспорт боевитая пилотесса угодила не просто так, а за очередной служебный проступок. Дело было два дня назад – незадолго до того, как Матвей переступил порог кабинета майора Каракульджи. В форт прилетел проверяющий из Генштаба – желтолицый службист с седыми ниточками волос на белой лысине и ворохом дурацких вопросов по любому поводу.

После осмотра всего малозначимого и второстепенного, полковник наконец взялся за нечто важное. А именно, принял ся совать нос в кабины боевых кораблей. Дошла очередь и до «Краба» Ираиды.

– А это у вас что?

– Плюшевый медведь, разве не видите? – Ираида была сама невозмутимость.

– Плюшевых медведей неположено, – прощедил проверяющий.

– Где это написано, что неположено?

– Раздел четыре, параграф девятнадцать, – не смутился проверяющий. – «В кабинах летательных аппаратов категорически запрещено размещение любых посторонних предметов, чьи объемы превышают два литра (кубических дециметра)».

– А мой медведь объемом в одну целую и восемь десятых кубического дециметра, – нашлась Ираида.

– Что ж, может быть, – прошипел полковник. – Но раздел четыре, параграф девятнадцать дробь два гласит: «Если же предметы являются легковозгораемыми, тогда их нахождение в пилотских кабинах запрещено вне зависимости от их размера».

– Но мой медведь пропитан пирофобным составом! Он не загорится даже в чистом кислороде! – глаза бесстрашной Ираиды разгорались термоядерным огнем.

– Госпожа старший лейтенант, – устало вздохнул проверяющий, – ну зачем вам вообще в кабине корвета этот плюшевый медведь?

– Живу я с ним! Жи-ву! – взорвалась Ираида. – Ведь больше не кем! Кругом одни зануды! Вроде вас!

И пилотесса глянула на полковника с таким всепобеждающим презрением, что тому не оставалось ничего иного как вкатить ей должностное взыскание, дабы хоть как-то сохранить лицо и утвердить пошатнувшуюся субординацию.

Словом, из-за этого-то медведика с голубым бантом, подаренного ей коллективом форта на минувшее Рождество, Ираида и оказалась за штурвалом «коровы». Скучнее этого было только дежурство в Центре Управления Полетами. Пилотировать транспорт временами было еще и по-настоящему рискованно – из-за метеоритов, которые то и дело плотными роями

проносились через замусоренные пустоши Градуса Забвения, грозя разобрать «корову» на груду железного лома (которая, в свою очередь, станет очередным смертельно опасным метеорным роем).

Корветы, сопровождающие «корову», должны были защищать ее не только от пиратов, но и от метеоритов. При этом один корвет, как правило, выдвигался на наиболее метеоропасное направление в радарный дозор. Он ощупывал пространство своими многочисленными сенсорами и передавал данные о возникающих угрозах остальным корветам.

Но даже в этом случае у них были считаные секунды для реакции на бешено несущиеся булыжники и железки.

В тот день «корова» выставляла радиобакены в районе обширного кладбища космической техники. Среди старожилов форта «Наблюдатель-1» оно звалось Железный Город и местами действительно его напоминало.

Здесь – широкий проспект из сотен брошенных разовых ускорителей. Там – бульвар списанных газовозов. А за поворотом – площадь с разбитой орбитальной станцией вместо фонтана...

Много раз досужие молодые пилоты спорили, кто же именно должен селиться в Железном Городе: призраки погибших пилотов или, может быть, причудливые формы криптожизни, оставшиеся без дома после терраформирования людьми их родных планет, а может, и вообще картошка, мутировавшая в исполинских плотоядных фитокальмаров... Почему нет? Ведь подобную возможность еще в шестидесятых годах двадцатого века предсказал философ Станислав Лем!

– Эй, мужики! Вы только посмотрите, какая красота! – в эфире зазвучал молодцеватый голос Ювельева.

– А тем, кто не мужики – что? Не смотреть? – сердито осведомилась Ираида.

– Да нет, ты тоже смотри, конечно, – поправился Ювельев.

– На что смотреть-то? – это был Пущин.

– А вон какая красавица! Вроде бы раньше ее здесь не было! Эклиптический пеленг тридцать пять, склонение сорок, объект номер тау двести три по нотификации Боевой Сети!

Матвей посмотрел в указанном Ювельевым направлении. И, поскольку в штатном режиме зрения там была видна лишь крупная звездочка, переключился на стократное увеличение.

«Та-ак... Странная конструкция... И кто, спрашивается, придумал делать орбитальные станции такой формы? Сверху сфероид... затем геоид... снизу эллипсоид... Чем-то напоминает поднявшегося на цыпочки снеговика из титановых сплавов... А точнее – снежную бабу. Что, вероятно, и понравилось бабнику Ювельеву».

Судя по комментариям Ираиды Бек, она тоже по-своему оценила сходство.

– И что тут красивого, интересно? – ее голос был, как всегда, сварливым. – Что талия тонкая? Или что сиськи восьмого размера?

– И то, и другое! – радостно заржал Ювельев.

– А что это вообще за станция такая, командир? – поинтересовался любознательный Матвей у Пущина. На самом деле он умирал от скуки и тоски. И был рад любой хоть сколько-нибудь интеллектуальной теме.

– Это юпитерианский газовый насос, – сдержанно пояснил Пущин. – Таких штуковин на низких орбитах Юпитера больше сотни. Вся нижняя часть станции – так сказать, ноги этой железной девицы – заняты шлангами, которые опускаются в верхний слой облаков Юпитера. А в центральной части станции производится сепарация и сжижение газов.

– Далековато от Юпитера ее занесло, – заметил Матвей.

– Так ведь Шанхайской конвенцией 2361 года строжайше запрещено оставлять в зоне рабочих орбит списанное оборудование.

– Это-то понятно. Удивляет, что такие штуки считают необходимым выпихивать за пределы гравитационной воронки Юпитера. Казалось бы: урони ты ее на Юпитер – и дело с концом! Планета же по-любому необитаемая!

– Так ведь в атмосфере Юпитера уже двадцать лет как ведутся работы по астро...

– Господин старший лейтенант! – резко перебила Пущина Ираида. – А вы уверены, что лейтенант Гумилев имеет необходимую степень допуска к теме «Дети Гелиоса»?

– Не забывайте, милая моя, что Матвей Степанович прослужил в «Беллоне» уже полгода. Что автоматически подразумевает достаточно высокую степень допуска!

– «Достаточно высокая» еще не означает достаточная для темы «Дети Гелиоса», – не успокаивалась бдительная Ираида.

– Что это за «дети» такие, а? – насторожился Матвей.

Но узнать, какие именно секретные планы лелеют насчет Юпитера астроинженеры Объединенного Человечества, Матвею в тот день было не суждено. Потому что Пущин изменившись голосом отдал приказ:

– Внимание корветам прикрытия! Транспорт завершил плановую эволюцию и начинает постановку разведбакенов. Ювельеву и Гумилеву приказываю занять рубеж огневого прикрытия, определенный летным заданием. Как поняли меня?

– Понятненько, – сказал Ювельев в свойственной себе разболтанной манере.

– Вас понял ясно, – по-уставному доложил Гумилев.

Следующие несколько минут потребовали от Матвея предельной концентрации.

По плану его «Краб» должен был вползти в своеобразную нишу, образованную двумя километровыми шайбами марсианских орбитальных станций прошлого века и четверкой плоских трехсотметровых топливных емкостей неидентифицируемой модели.

Все эти опасные железки находились на достаточно впечатительных расстояниях одна от другой – если оценивать эти расстояния с точки зрения бытовой логики. Но для тяжелого, инертного «Краба» между ними было тесновато.

Поэтому, когда ему наконец удалось остановить машину в полусотне метров от солнечной батареи марсианской «шайбы», Матвей был неподдельно горд собой.

– Лейтенант Гумилев приказание выполнил! – отрапортовал он.

– Отлично, вижу тебя, – сказал Пущин и тотчас спросил:

– А где же, черт возьми, Ювельев?

– Да здесь я, здесь...

Матвею пришлось полностью сосредоточиться на показаниях радаров бокового обзора, чтобы вычленить ювельевский «Краб» на фоне усеянного испарительными сотами днища соседней марсианской «шайбы».

На этих-то позициях они и провели последующие двадцать минут...

Если бы не цепочка роковых случайностей, все сложилось бы совсем по-другому.

Если бы...

На двадцать первой минуте патрулирования датчики «Краба» старшего лейтенанта Пущина зафиксировали резкий всплеск плотности солнечного ветра. В этом не было ничего страшного. Но радиационная опасность требовала приведения в рабочее положение вольфрамосвинцового щита, именуемого среди пилотов «зонтиком».

На корветах этого типа «зонтик» ставился в течение шестнадцати секунд. На это время в секторе наблюдения пущинского корвета временно образовалось небольшое слепое пятно.

Поэтому первые микрометеориты, идущие в авангарде огромной орды, сопровождающей величественную гостью из

пояса Койпера, были замечены Пущиным с непростительным, роковым запозданием.

– Метеорная тревога! – заорал Пущин. И не успел он даже выдать Гумилеву и Ювельеву, своим ведомым, направление на цель, как вспышка первого импакта выдернула Матвея из сладкой полудремы.

Пористый булыжник, образованный миллиардом спекшихся пылинок, чиркнул по диспетчерской башне списанной марсианской станции, выплеснув в пространство бешеную энергию соударения в виде приличествующей случаю своры фотонов.

«Смотри-ка, миленький, там звездочка упала!» – говорят в таких случаях молодые барышни своим кавалерам на лавочках в ночном парке.

Проблема была в том, что «звездочек» ожидались сотни. И все они – как казалось Матвею – летели ему ровно в темя.

Положение же Пущина было и вовсе аховым. Ведь, в отличие от Матвея и Ювельева, корпус его машины не был прикрыт массивными конструкциями мертвых станций Железного Города.

А уж Ираида на своей грузной «корове» и вовсе мыслилась теперь закланной жертвой. Надо полагать, жертвой прожорливым богам Космоса...

И впрямь – Пущину удалось счастливо уклониться от основной массы метеоритов. А семерку самых наглых, которые согласно расчетам обещали продырявить кабину его «Краба», бывалый старлей хладнокровно испепелил из главного калибра.

А вот Ираиде пришлось худо.

Да, Матвей отважно выдвинул свой «Краб» на периферию метеорного потока, обеспечивая себе наивыгоднейшие условия стрельбы.

Да, его лазеры отыскали за полсотню жертв, распылив каждую на облака молекул оксидов кремния и железа.

Да, он использовал все возможности защитить «корову» и даже, ловко отстрелив свой радиационный щит, смог ударом

увести с траектории опаснейшее ножевидное тело длиной в добрый железнодорожный экспресс.

Но, когда на сцене появилась примадонна – выгоревшая за десятки сближений с Солнцем комета класса Люйгу – Овинского, так называемая «черная принцесса», – ему оставалось только опустить руки. И выжать до отказа обе педали заднего хода.

А что же делать, дамы и господа? Расстрелять эту чертову комету он все равно не сможет. А значит, надо уходить с ее траектории, а там – будь что будет!

– Ираида, вы видите ее?! – крикнул Матвей в эфир.

– Еще как! Поэтому официально заявляю, что завещание мое лежит в верхнем ящике комода. А комод стоит в моем кубрике на борту форта «Наблюдатель-1», – отвечала Ираида.

«Завидное хладнокровие! – искренне восхитился Матвей. – В такую минуту – и шутит... И после этого находятся люди, которые говорят, что женщины не созданы для армии!»

– Почему не стреляет Ювельев?! – спросил Пущин. Даже сквозь помехи было слышно, как он рассержен.

«В самом деле, почему? – недоумевал Матвей. – Может, ранен? А то и вовсе – того?..»

Однако с Ювельевым все было в порядке. Если верить показаниям боковых радаров Матвея, «Краб» Ювельева находился на прежней позиции и – а это Матвей уже увидел безо всяких радаров! – выстрелил в комету из главного калибра!

«Умом тронулся, что ли?» – Матвей был в недоумении.

Ювельев дал еще один залп.

В ответ на обстрел непроницаемо черная, выгоревшая головешка кометного ядра испустила две ослепительно яркие лазурные струи.

Струи мгновенно вытянулись на десятки километров, много-кратно превысив поперечник ядра кометы. Затем каждая струя разделилась на отдельные рукава, а те, в свою очередь, распались на множество нитей...

Это было эффектно. Ни дать ни взять новогодний фейерверк над морем Спокойствия!

– Ты что творишь, Ювельев?! – взвыл Пущин.

– Вы только посмотрите! Это же неквантумое вещество! – Ювельев, судя по голосу, был в экстазе.

Но на Пущина было нелегко произвести впечатление.

– Да хоть эликсир бессмертия! – зло прошипел он. – Ты должен защищать транспорт! Защищать жизни своих товарищей! А ты вместо этого устраиваешь, мать твою так, физические опыты и астрономические эксперименты!

В ответ Ювельев совершенно беспардонно отключился.

«Пять суток гауптвахты. Минимум», – бесстрастно отметил по этому поводу Матвей.

В тот же миг габаритный лидар передней полусфера разразился панической трелью и морщинистая, миллионолетняя, не-вообразимая в своей чуждости шкура кометы пронеслась на расстоянии вытянутой руки от кабины «Краба».

Корвет Матвея и комета разминулись в сантиметрах.

А вот разминуться со списанной марсианской станцией-шайбой комете было не суждено.

Оцепенев от ужаса, Матвей наблюдал, как комета прошла шайбу насквозь, без всякого видимого усилия сокрушая титан, сталь, углепластик – обшивку, элементы силового набора, переборки и палубы.

Невесомыми винтиками брызнули в стороны тысячетонные опоры реакторных соленоидов станции.

Закружились вихри ионизированного титана, сияя с нестерпимой яркостью, выжигающей сетчатку.

Вдруг среди хаоса обломков и облаков раскаленного газа мелькнула юркая серебристая мошка.

Это была машина Ювельева.

И, черт возьми, она сближалась с кометой!

«Неужели ему хватит отваги на то, чтобы попытаться сесть?

Никогда бы не заподозрил в Ювельеве пилота-виртуоза!»

Матвей наблюдал бы за этим редкостным, до краев наполненным небудничным зрелищем еще долго. Но в эфире раздался отчаянный вопль Ираиды.

– Меня зацепило! Зацепило!

– Конкретнее! – потребовал Пущин.

– Куда конкретнее? Во мне дырок больше, чем в дуршлаге!

Отказ систем стабилизации! Потеря лазерного зажигания на маршевых! Корабль не управляемся!

– Без паники, Ираида, – пробасил Пущин.

Однако Матвей сразу понял – каким-то шестым чувством почувствовал, – что по существу сказать их командиру нечего. И что Пущин сам растерян и испуган.

Не полагаясь на субъективность смелой девушки-пилота, Матвей приказал борткомпьютеру захватить «корову» как вражескую цель, просканировать ее бортсистемы и заодно выдать баллистический прогноз траектории.

Дела у лейтенанта Бек были и впрямь хуже некуда.

Двигатели транспорта были мертвы. Кислород истекал в пространство сразу через несколько пробоин. И главное – транспорт несло прямо на осмеянного только что снеговика с титановым бюстом!

Матвей принял решение мгновенно. Его «Краб» пулей ринулся вперед, пренебрегая опасностями в виде десятков метеоритов кометного арьергарда.

Хвала Пущину, сверхопытному пилоту, который безо всякой болтовни в эфире разгадал замысел Матвея и принялся ему подыгрывать, круша своими сверхмощными лазерами главного калибра настырные метеоритные орды.

Надо признать, если бы не Пущин, шансы Матвея сблизиться с «коровой», пройдя невредимым через густой поток метеоритов, были бы огорчительно малыми.

Как обычно и бывает в космосе, юпитерианский газосос разросся из крошечной шахматной фигурки в устрашающего исполина,

заслонившего Матвею полнеба, с пугающей стремительностью. В те же секунды и «корова» Ираиды из мигающей абстрактной отметки на экране радара превратилась в зримый, грубый, обшарпанный корабль, годящийся «Крабу» Матвея в дедушки.

Еще пять секунд сближения – и обе клешни «Краба» опустились на решетчатые фермы «коровы», на которых были отнесены от корпуса различные антенные и сенсорные комплексы.

Корвет Матвея обосновался над кормой «коровы». Было в этом зрелище нечто игристо зоологическое, в духе передач, которые крутят на канале «Планета зверей», когда детское время кончается, после одиннадцати...

– Ираида, не бойся, свои!

– Это ты, Матвей? – угрюмым голосом осведомилась пилотесса. – А я уж катапультироваться собралась, прижав к груди своего счастливого медведя.

– Как его, кстати, зовут? – спросил Матвей, в основном чтобы отвлечь Ираиду от мрачных мыслей.

– Он у меня без имени, – ответила она с какой-то трогательной, невоенной застенчивостью. – Но, когда надо, я его Масей зову.

– Мася, значит, – задумчиво кивнул Матвей. – Моисей то есть...

Ведя этот психиатрический в своей непринужденности разговор, Матвей, работая попеременно бортовыми и носовыми дюзами, уводил транспорт Ираиды (и заодно свой корвет) с гибельной траектории.

«Как же это нелепо – погибнуть в столкновении с похожим на злую снеговую бабу газососом, после того как удалось счастливо избежать двух убийственно плотных метеоритных роев, сопровождающих комету!» – нервничал Матвей.

Все решали считанные метры. И, как предупреждал лидар, этих-то метров – двух или трех – им остро не хватало. Правая клешня «Краба» Гумилева должна была воткнуться в обшивку верхнего блока станции, обрекая на верную гибель и его корвет, и «корову».

И тогда Матвей выстрелил. Просто выстрелил из главного калибра в голову снеговой бабы.

Лазерные лучи вырвали из нее неожиданно крупный кусок. В образовавшуюся прореху легко прошли бы и два, и три «Краба».

Не говоря уже об одном.

– Скажу тебе честно, Матвей, вначале ты показался мне юней и маменькиным сыночком. Но теперь вижу: ты парень что надо! – выкрикнула лиющаяся Ираида.

И тут, будто бы издеваясь над ними с их напряженной серьезностью, в эфир вернулся бесконечно счастливый Ювельев.

– Мужики! Мы все миллионеры! Вы слышали меня? Миллионеры! Пока вы там метеориты били, я нарыл четыре центнера неквантуемого вещества! Четыре долбаных центнера! Чистейшего, можно сказать девственного эн ка вэ!

Матвей молчал. Субординация! Высказываться надлежало старшему в группе, Пущину.

Но Пущин не торопился – нагнетал.

Наконец в эфире раздался его грозный командирский басок:

– Ну, значит так, Ювельев. Живой? Отлично. Об остальном на базе поговорим.

Первым состыковался с фортом Пущин. Его «Краб» был самым старым из всех. Не удивительно, что в ходе стыковки у него отвалился кожух хвостового лидара.

Вторым воссоединился с родной базой Ювельев.

Ну а «корова», ведомая корветом Матвея, пришла самой последней. Передав у самого форта искалеченный транспорт Ираиды дежурному буксиру-спасателю, Матвей с облегчением разжал стальные объятия и ушел на стыковку.

В ангаре к нему устремилась целая толпа: техники, медики и пилоты «дивизиона смертников», которые следили за приключениями отважной четверки по трансляции Боевой Сети.

Вопросы сыпались градом.

– Вы не ранены, Матвей Степанович? – хотел знать сержант медслужбы.

– Как самочувствие лейтенанта Бек? Реанимацию готовить?

– наседал его коллега.

– Кто первым обнаружил комету?

– А правда, что комета из неквантуемого вещества?

– Что это Пущин сегодня не в духе?

– Ну хоть бакены-то развесить успели?

Матвей был так измучен, что счел возможным не отвечать ни на один из вопросов. Но все-таки одну реплику он проигнорировать не смог.

– Как вы оцениваете поведение лейтенанта Ювельева? – спросил рыжеволосый техник (Матвей припоминал, что его зовут Федотом).

– Как я оцениваю? – переспросил Матвей, таращась на техника.

– Да, вы. Как оцениваете? – тушуясь, повторил тот.

Вместо ответа Матвей решительно раздвинул толпу и направился к подмигивающему проблесковыми маячками оружейному погрузчику, рядом с которым снимал летный комбинезон Ювельев.

Матвей шагал широко, сжав руки в кулаки и нахмурив свои густые брови.

Все в его фигуре кричало: не анекдоты он идет рассказывать и не деньги до получки занимать.

– А, Матвей, ты, – вяло пробормотал Ювельев, взявшись с заедающей застежкой на животе. – Ох и умаялся же я с этой долбаной кометой... Просто на ногах не стою... А ты, я смотрю...

Но договорить Ювельев не успел: увесистый кулак Матвея врезался в его правую скулу.

Удар был таким сильным и неожиданным, что Ювельев не смог удержать равновесие и упал на спину. К счастью для него, бурты теплоизолирующей алюминиевой фольги, которые беспризорно болтались по полу, несколько смягчили его падение.

Но Матвею показалось, что этого мало.

Ведомый скорее инстинктом, нежели разумом, он поднял деморализованного Ювельева за грудки и провел ему свой фирменный апперкот.

К чести Ювельева, тот не проронил ни звука. И даже не застонал. Хотя удар был крайне болезненным – это Матвей, боксировавший с первых классов школы, знал на собственном опыте.

«Достаточно», – сказал строгий внутренний голос.

Но Матвей не спешил уходить. Тем более что теперь их окружало плотное кольцо зрителей.

Когда дар речи вернулся к Ювельеву, тот прохрипел:

– Да что же ты делаешь, странный ты человек? Я же для всех старался! Это же деньги... Большие деньги! Эн ка вэ в тысячу восемьсот раз дороже золота!

– А жизнь? Жизнь Ираиды – она что, дешевле золота? – в ледяном бешенстве осведомился Матвей.

– Здесь не ясли... армия. Кто хочет спокойной жизни, в пилоты не идет! – утирая кровящую губу, выплюнул Ювельев.

– Вот именно что армия! Армия – это дисциплина. А деньги – деньги на гражданке зарабатывают, – твердо сказал Матвей.

– Умный ты больно... И правильный, – лицо Ювельева исказила гримаса злобы. – Посмотрим, что ты зачирикаешь, когда я на тебя рапорт по инстанции подам... За то, что ты руки тут распускаешь...

– Подавай-подавай, – раздался голос Пущина, который стоял в задних рядах, но все прекрасно слышал. – Да только никто из здесь присутствующих ни одного твоего слова не подтвердит. Каким бы оно ни было – это слово. Верно я говорю, господа?

Всеобщее мрачное молчание было красноречивей всяких заверений.

А вечером того же дня пилот первого класса, старший лейтенант Ираида Бек предложила Матвею свою дружбу.

«Вот и первые друзья появились. Приятно, конечно... Хотя зачем они мне? Я ищу смерти, и я ее найду», – думал Матвей, балансируя на грани тревожного, грозного сна и не менее грозной яви.

ЭПИЗОД 17

Враг обнаружен!

Октябрь 2468 г.
Форт «Наблюдатель-1»
Градус Забвения

Дни шли за днями, недели за неделями. В опасной суете будней немного притупилась душевная боль, неотступно терзавшая Матвея после исчезновения Анны.

Матвей и его новые товарищи из отдельного патрульного дивизиона методично засевали Градус Забвения разведывательными бакенами, посыпали десятки автоматических зондов, то и дело устраивали засады в самых глухих уголках этой грандиозной космической свалки.

Как и обещал майор Каракульджи, потери были. Потери как бы нечаянные, но оттого еще вдвое, втройне более горькие.

На глазах у Матвея метеорный дождь смел приютившийся в каньоне астероида Эврика «Краб» лейтенанта Лагина. Сам Лагин – картежник и плут – был Матвею не очень симпатичен. Хотя на фоне уволенного Ювельева даже он казался моральным исполином всегалактического масштаба...

Спустя неделю «корова», которую пилотировал капитан Шкиданский, была атакована невесть откуда взявшимся пиратским лихтером и, уже разваливаясь на куски, врезалась в двенадцатиметровое зеркало списанного орбитального телескопа «Хаббл-28».

Но самой впечатляющей стала пропажа канонерской лодки «Пу Сунлин» с пятью членами экипажа на борту.

Канлодка была выслана в район Титанового Города (брата-близнеца Железного, где состоялось боевое крещение Матвея на Градусе Забвения). Там «Пу Сунлин» занимался, как гласило полетное задание, «плановым подрывом объектов, могущих служить потенциальными убежищами экстремистских и преступных элементов». Попросту говоря, канлодка как могла портила наиболее сохранные из списанных орбитальных станций, где теоретически могли бы обосноваться пираты.

На третью сутки боевого похода канлодка «Пу Сунлин» не включилась в плановый сеанс связи.

Поначалу никто не подумал дурного. Мало ли что и почему баражлит! Мало ли какими объектами «Пу Сунлин» экранирован от спутников-ретрансляторов! Но еще через сутки полной радиотишины все-таки обеспокоились. И выслали сразу шесть «Крабов» на поиски.

Матвей был в одном из этих «Крабов». Не пилотом – стрелком-наблюдателем.

Двадцать восемь часов кряду никто из поисковиков не смыкал глаз – спасибо стимуляторам. Слушали эфир, талдычили на всех частотах «Канонерская лодка «Пу Сунлин», отзовитесь!», пялились в экраны радаров, в окуляры телескопов, до одури вглядывались в засиянную звездами черноту.

А на двадцать девятый час они «Пу Сунлин» отыскали. На вид целехонький, но с распахнутыми настежь люками шлюзов и абсолютно безлюдный.

Подумали, конечно, на пиратов.

Но внятных доказательств нападения получить не удалось. Все «черные ящики» были с корабля кем-то сняты, записи других средств объективного контроля – стерты.

«Дело ясное, что дело темное», – заключил майор Каракульджи.

Так или иначе, траур на базе по членам экипажа канонерской лодки объявили как по погибшим.

Хотя корветы типа «Краб» были рассчитаны на трех членов экипажа, а сверх того позволяли перевозить еще минимум четырех десантников, обычно боевые вылеты совершались только одним пилотом. Десантироваться было некуда и некому. А стрелок и бортинженер считались лишним балластом.

Однако бывало, что командование требовало, чтобы в «Крабе» находились минимум двое – в случае повышенной опасности нападения пиратов или особой сложности задания. И тогда Матвей летал стрелком-наблюдателем при Ираиде Бек, с которой они и впрямь подружились.

Иногда – очень редко – он рассказывал Ираиде про жизнь и учебу на Луне, про свою невесту и печаль. Но в основном они молчали, глядя вполглаза бесполковые новостные программы.

Как-то так само повелось, что очень скоро Матвея и Ираиду начали считать парой.

Ираида не уставала возмущаться этому обстоятельству: она вообще любила правду и была патологически честна.

А вот Матвей – Матвей не возмущался. Ему было все равно. После пропажи Анны девяносто процентов происходящего вокруг него оставляли его полностью равнодушным.

Через две недели после дематериализации экипажа канлодки «Пу Сунлин» в гигантскую разведесьть, сотканную тысячами бакенов и зондов «дивизиона смертников», попала муха. Очень жирная муха.

Майор Каракульджи, лично дежуривший в ту ночь на пультовой, едва не свалился со своего канареечно-желтого кресла вместе с бутылкой отменного коньяка, виноград для которого собирали исключительно на южных склонах кряжистых берегов залива Росы.

Гамлет Рамонович не поверил своим глазам.

Если только исправны инфракрасные телескопы, в Градус Забвения вошел объект, соизмеримый с крупнейшими орбитальными крепостями Объединенного Человечества!

Причем данный объект категорически не являлся орбитальной крепостью этого самого Объединенного Человечества. Просто потому, что местонахождение всех крепостей, фортов и станций было известно Боевой Сети. А значит, и майору Каракульджи оно было известно – стоило только отдать пару-тройку команд местному исинку-хранителю Сети.

Боевая Сеть совершенно недвусмысленно сообщала, что единственный крупный объект Объединенного Человечества на Градусе Забвения – форт «Наблюдатель-1».

Тот самый, на котором базируется отдельный патрульный дивизион и где находится майор Каракульджи.

Но тогда что же это за объект?!

Неужели пожаловали наконец в Солнечную систему зеленые человечки, о встрече с которыми уже шесть веков грезят научные фантасты, эзотерики и прочие жулики от гуманитарного знания?

Для проверки и уточнения личности непрошенных гостей Каракульджи выслал все исправные корветы.

Каждая машина в этом вылете тащила громоздкую antennу дальнобойного радара высокого разрешения, внешне похожую на баскетбольную корзину, сплетенную из металлических прутьев толщиной в руку.

Всем пилотам было строжайше наказано вначале охватить опознаваемый объект полукольцом, затем включить радары ровно на пять секунд и – что бы ни случилось – сразу же сматываться на предельной скорости. Не забыв, само собой, включить передающие направленные антенны на полную мощность, дабы сразу же поделиться добытой информацией с командованием.

Задание было выполнено безупречно. Стоило только «Крабам» лечь на траекторию возврата, как Каракульджи уже имел синтезированный лучшими электронными мозгами форта трехмерный портрет чужака.

И с этого портрета на майора смотрело вовсе не шкодное зеленое рыльце инопланетного ученого кузнечика с ушами-трубочками и вибриссами антенн, а бесстыжая красноносая пиратская харя.

Ибо радары корветов обнаружили посреди Градуса Забвения обветренный корпускулярными потоками пятикилометровый утес из стали и титана, напоминающий по форме лотарингский крест.

Каракульджи не потребовалось сверяться со справочной базой «Беллоны», чтобы понять: перед ним легендарный «Миститель» – мобильный пиратский форт, которому уже много раз удавалось ускользнуть из лап правосудия не иначе как чудом.

– Как видно, не суждено мне войти в историю первым послом Объединенного Человечества на встрече с залетным инопланетным караваном, – грустно пробормотал себе под нос майор.

– Но, может быть, мне гарантирован хотя бы параграф, хотя бы строчка в школьном учебнике? Как командиру, уничтожившему главное гнездовье пиратов в Солнечной системе?

Последняя мысль весенним солнышком согрела порядком заинdevевшее на Градусе Забвения самолюбие майора. И он, повернувшись к консоли высокозащищенной глобальной связи, нажал красную кнопку с золотистой цифрой «2».

Спустя положенные минуты задержки, обусловленные скоростью распространения света в вакууме, Каракульджи услышал:

– Ваш вызов принят. Вы говорите с адъютантом генерала Белова капитаном Хвощовым. Назовите свое имя, фамилию, код индивидуального доступа и вопрос, по которому вы обращаетесь...

Не прошло и трех суток, как генерал Белов лично прибыл в форт «Наблюдатель-1».

С ним на борту сверхскоростного экспериментального корвета «Касатка» явились одиннадцать офицеров оперативного

штаба. Лица у всех были усталые, опухшие с дороги, но все же целеустремленные и, прямо скажем, злые. Было видно: каждый сгорает от нетерпения украсить свой послужной список драгоценной строкой «Лично участвовал в ликвидации логова космических экстремистов, известного как мобильный форт «Мститель»».

На «Наблюдателе-1» тоже никто не смыкал глаз – мыли, подновляли, чистили, ремонтировали, а также жарили, парили и разливали.

Мыслимое ли дело! Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, «Наблюдателю-1» предстояло трансформироваться из удаленной и никому даром не нужной базы в добела накаленный центр стратегической войсковой операции!

«А где мы поселим флагманского шифровальщика?»

«Я бы лично предпочел – в оранжерее. Да нельзя, жаль. Придется, похоже, кого-то из наших выселять в кают-компанию».

«А пресс-секретарь «Беллоны» полковник Мурашко тоже прибудет?»

«Возможно, даже с супругой! Она у него офицер интендантской службы, чтобы вы знали!»

«Срочно разверните пятьдесят добавочных койко-мест в госпитале!»

«На потолок, что ли, мне их лепить?»

«На потолок, голубчик мой! На потолок и лепите! Будет надо – отключим здесь гравитацию! Не только на потолке тогда разместим, а еще и по стенам в гамаках развесим!»

«Прессу не впускать!»

«Но как?!! Закон о свободе прессы...»

«Как-как... Мне вас учить! Ну повесьте табличку «Идут ремонтные работы! Вход только в скафандрах!» или еще лучше «Стой! Фотоны высокого напряжения!» Тот, кто под такую табличку не полезет – точно журналист!»

Вся эта суeta немножко подняла Матвею настроение.

Во-первых, он был рад тому, что представится возможность снова увидеть генерала Белова, чья жизнерадостная улыбка всегда внушала Матвею уверенность в том, что никакие потери не напрасны, а завтра стоит того, чтобы ради него просыпаться.

Ну, а во-вторых – и это было для Матвея даже важнее, – появился шанс, что в деле о пропаже Анны всплынет какая-то новая, все объясняющая информация. Может быть даже, в форте «Мститель» содержат и саму Анну?

Но генерал Белов был так занят, что Матвей не отважился претендовать на его свободное время, рассудив, что обниматься и пить коньяк можно будет и по завершении операции. И, когда всех пилотов вызвали в кают-компанию на брифинг, застенчивый Матвей решил делать вид, что его знакомство с Беловым носит чисто служебный характер.

Понимающая улыбка Белова – ею он поприветствовал Матвея – свидетельствовала о том, что генерал оценил тактичность своего протеже.

Нарядный майор Каракульджи представил генерала собравшимся. Хотя, откровенно говоря, никакой необходимости в этом не было. Даже аквариумные рыбки в кают-компании – и те наверняка ведали фамилию этого человека, живой легенды Солнечной системы.

– Господа! – начал Белов. – Уверен, все вы уже знаете, зачем мы здесь. На Градусе Забвения объявился самоходный пиратский форт, печально знаменитый «Мститель». Предположительно он располагает восемнадцатью лазерными орудиями главного калибра, пятьюдесятью стволами для самообороны, двадцатью летательными аппаратами классов авиетка и корвет. Пиратов на борту тоже должно быть немало. Больше двух сотен – это уж точно. Но, главное, мы ожидаем, что на «Мстителе» содержатся пленные, захваченные пиратами в разных уголках Солнечной системы за последние месяцы.

В этом месте речи Белова сердце Матвея сжалось от боли и надежды. По кают-компании прошел шепоток: упоминание о пленных задело за живое всех собравшихся.

– Именно этим обстоятельством, – продолжал Белов, – задаются конкретные формы и методы предстоящей операции, которая будет носить, если можно так выразиться, вызывающие гуманитарный характер. Мы лишены возможности расистонить форт на молекулы, – по лицу Белова пробежала хищная тень, и он на секунду мечтательно возвел глаза к потолку, – что было бы и справедливо, и наиболее, так сказать, эргономично в военном отношении. Но нет, мы будем брать форт на абордаж! Для этого мы задействуем десантно-штурмовой батальон на катерах типа «Протазан». А подавлять оборону форта будут две флотилии корветов с борта крейсеров «Римский-Корсаков» и «Бородин». Прибытие обоих крейсеров ожидается завтра вечером...

Удивительную для кадрового офицера неорганизованность проявил старший лейтенант Пущин. Стоило только генералу потянуться к стакану с водой, как Пущин вскочил со своего кресла и выпалил:

– Господин генерал! Прошу меня простить, но какое место в этой операции отведено нашему дивизиону?! Позволю себе напомнить, что мы, в отличие от упомянутых вами флотилий, оснащенных «Скорпионами», вооружены первоклассными корветами типа «Краб», которые обладают исключительными боевыми качествами! Мы должны быть на острие удара!

«Рубака Пущин боится остаться без работы... В самом деле, вдруг после прибытия двух крейсеров ему не дадут пострелять всласть?» – усмехнулся Матвей. Впрочем, сам он всецело разделял пафос Пущина, хотя и по другой причине – своего трагического шерше-ля-фама.

Матвей заметил, что, пока Пущин говорил, лицо майора Каракульджи стало красным, как свекла. «Какое позорище! – вопили его командирские глаза. – Лейтенант перебивает генерала!»

Однако генерал, похоже, остался безмятежен. Он допил свою минералку и сказал:

– Мне нравится ваш боевой дух, лейтенант! Конечно же, я не намерен заставлять вас отсиживаться в здешней бильярдной, пока ваши коллеги с «Римского-Корсакова» будут зарабатывать себе звезды на погоны! Более того, полагаю, что без вашей помощи пилоты Второй Марсианской флотилии с «Римского-Корсакова» не смогут даже подобраться к «Мстителю». Уж больно сложна лоция Градуса Забвения. Поэтому ваши «Крабы» будут выполнять самую ответственную часть операции: они поведут наши силы сквозь астероидные рои. А затем, если того потребует обстановка, примут также и непосредственное участие в штурме. Вы испытываете моральное удовлетворение, господин лейтенант? – Белов иронично подмигнул Пущину.

– Так точно, господин генерал! Полное моральное удовлетворение! – Пущин вытянулся во фронт.

Тот брифинг продлился долго. После Белова выступил начальник разведотдела «Беллоны». За ним – два других штабных офицера.

Говорили о характеристиках пиратских вооружений. О порядке связи и взаимодействия. О том, как реагировать на различные форс-мажоры.

Выступил даже психолог, который прочитал кратенькую лекцию об особенностях психики пиратов. Матвей не特别-то внимательно слушал, но одно все же уяснил: парни они странные, слегка с приветом. Очень уж основательно промывают им мозги. Поэтому ожидать от пиратов можно практически чего угодно.

Но, хотя про «Мститель» специалисты рассказывали вещи весьма тревожные, Матвей не чувствовал страха. Напротив, его сердце наполнялось радостью: наконец-то в сереньком болоте, в которое превратилась его некогда насыщенная жизнь, произойдет хоть что-то значительное.

ЭПИЗОД 18

В виду осиного гнезда

*Октябрь 2468 г.
Окрестности форта «Мститель»
Градус Забвения*

Метеорно-пылевая обстановка была исключительно сложной даже для Градуса Забвения. На некоторых азимутах радарная видимость просела до смехотворнейших по космическим меркам расстояний в сотни километров. Аналогом подобной видимости на Луне был бы густой туман, когда не видно дальше собственного носа и когда одна авария на шоссе легко перерастает в две, пять, десять, и вот уже пробка, над которой кружат санитарные вертолеты...

В этих условиях перемещаться по Градусу Забвения без ведущих-«следопытов» было бы сущим безумием.

Только асы «дивизиона смертников» с налетом более тысячи часов в астероидно-пылевых скоплениях Градуса Забвения могли миновать все опасные объекты и гибельные ловушки, которыми изобиловали окрестности пиратского форта «Мститель», и провести через них другие корабли.

Матвей считал себя неплохим пилотом. Да и на Градусе Забвения успел освоиться. Но даже он не справился бы с задачей, если бы не Ираида. Та, восседая в артиллерийском блистере – стеклянной бронированной полубашне штурмана-стрелка, – командовала Матвею своим почти лишенным интонаций голосом ожившей статуи Афины Паллады.

– Братишка, я не я буду, если за этим белым пятном на радаре не прячется тройной осциллирующий астероид. Принимай правее на два пальца... Так... Так... Еще чуток... Достаточно! Так держать!

Вслед за Матвеевым «Крабом» его маневр послушно отрабатывали два десятка боевых единиц. А именно: все корветы второго дивизиона с борта «Римского-Корсакова» и одно из подразделений десантных катеров со штурмовым спецназом «Беллоны».

Матвей не видел и не мог видеть на радарах соседние колонны. Но он знал, что левее на полторы тысячи километров его коллеги ведут первый дивизион, а правее – третий. Ну а за тройкой «Крабов», которую вел сам несравненный майор Гамлет Рамонович Каракульджи, следовал крейсер «Римский-Корсаков» собственной персоной. Его главный калибр был призван оградить силы порядка от любых неожиданностей.

Но это было еще не все!

С противоположной стороны небесной сферы к пиратскому форту приближался крейсер «Бородин», перед которым в строю трехэтажного фронта следовали еще сорок восемь корветов Первой Венерианской флотилии имени адмирала Горшкова.

Гигантский лотарингский крест пиратского форта «Мститель» открылся Матвею в одно мгновение – словно бы кто-то поднял занавес над сценой.

Верхняя перекладина креста вся сияла огнями – самонадеянные наглецы-пираты полностью пренебрегали светомаскировкой, полагая себя полными хозяевами Градуса Забвения. Как видно, они и помыслить не могли, что кому-то по силам обнаружить их гнездо среди густых облаков космического мусора и непролазных астероидных роев.

В противоположность верхней, нижней, более длинная перекладина лотарингского креста была погружена в непроницаемый мрак. Похоже, большая часть помещений форта пиратами вовсе не использовалась – то ли в силу их недостаточной численности, то ли по причине полной изношенности матчасти в этих отсеках форта.

– Там у них, видать, теплицы с шампиньонами, – предположила по этому поводу Ираида. – Или с баклажанами.

– Это вряд ли. Судя по тепловизору, температура там, в неосвещенных помещениях, максимум ноль градусов Цельсия. Не хватит даже шампиньонам, – отвечал Матвей.

– Братишка, это шутка была, ежели что, – сказала Ираида.

– Ну тогда «ха-ха».

Матвей жадно рассматривал «Мстителя» в телескопические визиры. Благо он мог себе позволить абстрагироваться от каких-либо тактических задач. По плану операции уничтожение пиратских истребителей и прочих малых целей лежало на плечах корветов типа «Скорпион», действующих с борта крейсеров.

Они же с Ираидой на своем «Крабе» должны были ожидать возвращения победителей, чтобы вывести их обратно к «Римскому-Корсакову». И, пока передовой эшелон второго дивизиона волной перекатывался через «Краб» Матвея, он наслаждался зрелищем экстренно сыгранной боевой тревоги на форте «Мститель».

Вот разом погасли все огни верхней перекладины креста.

Вот вспыхнули две дюжины мощнейших боевых прожекторов, выхватывая из черноты космоса, задрапированной пылевыми скоплениями, корветы «Беллоны». Те засияли – опасные и стремительные.

Спустя секунду радары матвеевского «Краба» зафиксировали появление оппонентов. Пятнадцать разнокалиберных посудин габаритами от космического такси до межпланетной фуры включительно стартовали с нижней платформы форта.

Те истребители пиратов, что были поменьше, не представляли, пожалуй, совсем никакой угрозы. Но четверка «Носорогов» выпуска 2451 года, оснащенных поворотными платформами ракетных батарей «Арктур», могли серьезно потрепать десантные катера «Беллоны».

– Видала?! «Носороги»! – воскликнул Матвей, адресуясь, конечно же, Ираиде.

– Подумаешь, четыре штуки...

– Где четыре, там и восемь!

– И где твои восемь?

Матвей, даже не глядя на соответствующий экран, видел презрительную гримаску своей напарницы.

В самом деле, число «Носорогов» не только не увеличилось, но, благодаря слаженной работе корветов второго дивизиона, уполовинилось.

Уцелевшая пара «Носорогов» успела выпустить в нападающих три роя ракет, но и она исчезла в непроглядных облаках изумрудно-зеленого пара. Именно так выглядела гибель этих покрытых меркуриевой броней монстров под ударами одноразовых химических лазеров, имевшихся в тот день на вооружении у многих «Скорпионов».

– Со святыми упокой, – вздохнул Матвей, созерцая это роковое великолепие.

– Вот еще – «упокой»! Много чести этим прохвостам! – злобно выплюнула Ираида.

В боях с пиратами Ираида потеряла лучшего друга и, как предполагал Матвей, любовника, предыдущего командира «дивизиона смертников» Александра Галуа. А стало быть ей, как и Матвею, было за кого мстить.

Бой корветов Второй Марсианской флотилии с прикрытием форта «Мститель» занял не больше трех минут и закончился полным разгромом противника – что, впрочем, совершенно не удивительно. Флотилия имела внушительное количественное и подавляющее качественное превосходство.

Несколько уцелевших истребителей пытались улизнуть, но были перехвачены корветами Первой Венерианской, подоспевшими с «Бородина».

– План воплощается безупречно. Мерзавцы оказались между молотом и наковальней, – в свойственной себе равнодушной манере радовалась Ираида.

– И сейчас их начнут расплющивать, – процедил Матвей, которому всегда передавалось настроение напарницы.

В самом деле, спустя полминуты «молот» Второй Марсианской флотилии нанес удар уже непосредственно по пиратскому форту. В то время как «наковальня» Первой Венерианской застыла на месте, готовая в любой миг препятствовать любым поползновениям к бегству.

Все три дивизиона корветов Второй Марсианской открыли огонь по вскрытым технической разведкой батареям форта.

Это было незабываемое зрелище! Сотни разноцветных огненных астр и лилий распустились на фоне темно-серой брони пиратского логова. Фонтаны осколков брызнули в ледяную бездну космоса, играя в лучах прожекторов, словно стекляшки.

Неожиданно сильный внутренний взрыв прогремел на верхней галерее форта.

Вырванная с мясом, кувыркаясь, в безвоздушное пространство вылетела мощнейшая лазерная пушка. Ее тридцатиметровый ствол, перевитый трубопроводами охлаждения и соленоидами электромагнитной системы, вращался с пугающей высокой для ее массы скоростью. И этот ствол, похожий на дубинку сбрендившего великана, устремился в самую гущу боевых порядков третьего дивизиона.

Матвей с ужасом наблюдал, как один из корветов, увлекшийся изничтожением батареи, что притаилась под пилоном антенны дальней связи, не успел с маневрировать и был буквально перерублен пополам.

– Чья это была машина? – спросила бесстрастная Ираида.

– Я бортовой номер не разглядел, – соврал Матвей.

На самом деле он просто не хотел знать, кто именно погиб на борту этого корвета. Всегда успеется – после боя. А пока нельзя давать волю чувствам.

К сожалению, не все тяжелые орудия форта были подавлены сразу.

Башенная лазерно-пушечная установка на нижней платформе успела дать несколько залпов, каждый из которых отыскал свою цель. Три корвета и два десантных катера погибли, прежде чем башенная установка исчезла в вихре ракетных разрывов.

– Здесь «Князь-100»! – загрохотал в наушниках уверенный голос Сазонова. – Повторяю, «Князь-100»!

Этот циркулярный позывной Сазонова означал одно: сейчас прозвучит некий чрезвычайно важный приказ, который должны услышать все без исключения участники операции. И действительно, приказ не замедлил последовать.

– Начинайте общую высадку по варианту четыре. Повторяю: общая высадка по варианту четыре! – и, не сдержавшись, полковник эмоционально добавил:

– Пора выжечь это осиное гнездо! С Богом, ребята!

ЭПИЗОД 19

«Беллона» в гневе

*Октябрь 2468 г.
Окрестности форта «Мститель»
Градус Забвения*

Пилоты десантных катеров только и ждали приказа Сазонова.

Идеально ровный строй бронированных утюгов, каждый из которых перевозил отделение вооруженных до зубов десантников, проплыл под «Крабом» Матвея и устремился в точку, где сходились две главные перекладины лотарингского креста: вертикальная и длиннейшая горизонтальная.

Тактика использования десантных катеров предусматривала два варианта проникновения на борт штурмового объекта: жесткий и мягкий.

При мягком проникновении катер стыковался со шлюзовым узлом объекта. После чего люки шлюза либо открывались тем или иным способом, либо в них вырезали лаз плазменными автогенами. И уже в этот лаз один за другим устремлялись бравые парни из десантно-штурмового батальона «Беллоны».

Мягкое проникновение также могло осуществляться без оглядки на шлюзовые узлы, непосредственно через обшивку объекта, взрезаемую автогенами или подрываемую по контуру шнуровыми зарядами. Но в любом случае оно подразумевало достаточно нежное соединение десантного катера с объектом атаки и – что важно – сохранение родной атмосферы в том отсеке, который атаковали бойцы «Беллоны». Поскольку при таком подходе почти всегда удавалось сохранить внешнюю герметичность системы «катер-объект».

Ну а при жестком проникновении катер работал как примитивнейший консервный нож, взламывая специально приспособленным для этого литым клиновидным носом борт вражеского корабля. На профессиональном жаргоне «Беллоны» – пенетрировал его. И никакого заднего хода после этого! Когда внутри оказывался весь бак катера – как говорится, по самый полубак – попросту открывались оба носовых десантных люка и все уполномоченные лица получали возможность заработать себе орден, медаль или, на худой конец, денежную премию.

Жесткий вариант был грубым и имел очевидные минусы, но обладал он и крайне весомым плюсом: требовал значительно меньше времени. Даже большой отряд десантных катеров из нескольких десятков единиц при хорошей выучке пилотов (а она была в «Беллоне» отменной) мог осуществить практически синхронную пенетрацию ибросить бойцов внутрь атакуемого объекта за одну минуту!

Старпом Сазонов не был пушистым зайкой. И, если бы только на то была его воля, он атаковал бы «Мстителя» по жесткому варианту.

Но, как известно, на борту форта ожидались похищенные гражданские. И притом – в значительном числе. А это означало, что жесткий вариант абсолютно неприемлем, поскольку внезапная разгерметизация многих отсеков значительно понизит их шансы на выживание. Именно гражданским, как обычно, не хватит скафандров, спасательных кapsул и даже наверняка самых примитивных «дышиариков»...

Десантные катера с изумительной ловкостью облепили обшивку «Мстителя» двумя группами. Одна сосредоточилась у пилона антенны дальней связи в верхней части форта. Вторая – в центральном перекрестье лотарингского креста.

Под вмиг надувшимися полупрозрачными пузырями-

герметизаторами бодро засверкали плазменные резаки, прогрызая толстую шкуру «Мстителя».

– О-о, смотрю, резаки пошли, – недовольно проворчала Ираида. – Опять решили миндальничать с этой мразью.

– А ты бы как хотела?

– Я бы хотела так, чтобы мне через час сорок пять на базу вернуться.

– Что за срочность?

– Последний эпизод девятого сезона сериала «Космические страсти».

– Ты что, смотришь?

– А что я, не человек, что ли? – буркнула Ираида.

Ее еще подмывало спросить: «Мы дружим давним-давно, а ты самых важных вещей обо мне не знаешь?», но она воздержалась.

Тем временем первые штурмовые партии уже проникли в форт. Об этом свидетельствовал и активный радиообмен, и точечные всплески на инфракрасном пеленгаторе «Краба», которые отмечали подрывы межотсечных дверей при помощи переносных плазменных бомб.

Ираида откинулась на кресле и закрыла глаза – это Матвей видел на мониторе корабельного интеркома. Вся ее фигура, облитая медью женского летного скафандра «Куница», выражала крайнюю непричастность.

«Везет ей...» – усмехнулся Матвей.

В отличие от напарницы, Матвей был на взводе. Дыхание его участилось, давление скакнуло вверх (о чем тут же сообщил зануда-скафандр), хотелось действия – хотя бы уже какого. Всему виной было, конечно, не столько сопереживание товарищам-десантникам (можно подумать, они без него не справятся!), сколько мысли об Анне. А вдруг она где-то совсем рядом? Вдруг ей нужна помощь? Вдруг лежит сейчас за комингсом очередной межотсечной двери, прижатая стрельбой к полу?

Об этом решительно невозможно было думать, сохраняя спокойствие.

Итак, Матвею страстно хотелось знать, что же происходит на «Мстителе». И он решился нарушить сразу несколько правил «Беллоны», а заодно дисциплину радиообмена и основы воинской субординации. Отыскав в кодовой таблице частоты и позывные десантно-штурмового батальона, он настроился на чужую волну и запросил комбата Зарубина.

– «Рябина-2», «Рябина-2»! Здесь пилот отдельного патрульного дивизиона лейтенант Матвей Гумилев. Прошу ответить!

Едва ли не с полминуты (а это много, в бою – очень много!) его вызовы оставались безответными. Наконец в эфире все же зазвучал раздраженный голос комбата.

– Здесь «Рябина-2». Чего вам, лейтенант?

– Господин подполковник, простите великодушно, но мне очень нужно знать, освободили ваши орлы захваченных пиратами людей или нет?!

– Чего? – голос Зарубина из «раздраженного» явно трансформировался в «бешеный». – Вы вообще представляете себе, что происходит?! Там бойня, лейтенант! Бойня! Гражданскими и не пахнет! Зато десятки вооруженных головорезов! Баррикады в коридорах! Какие-то невскрываемые переборки из неизвестных нашим инженерам материалов! Черт знает что вообще!

– Вас понял, господин подполковник! Прошу меня простить... Но мне очень нужно слушать вашу волну... Прошу дешифровочный ключ для моего борта восемьсот четырнадцать!

– Введи два раза слово «рябина» без разделителей и проваливай из эфира, мать твою за ногу! – рявкнул Зарубин.

Матвей не стал более испытывать терпение подполковника. Он ввел ключ и жадно вслушался в разрываемый криками и грохотом боя эфир десантно-штурмового батальона.

– Семенов! Прикрышку давай! Прикрышку, быстро!

– У меня два трехсотых! У меня два трехсотых! Оставляю их в боксе на пересече... шиши... осевым коридором!

– Тебя не понял! Какой в бога мать душу бокс?! Повтори!

– Карантинный!.. шиши... бокс! Как по?!... шиши...

– Ох твою африканскую дивизию...

– Не могу понять, на что эти сволочи рассчитывают?! Честное слово, не понимаю!

– Отставить «не понимаю»!

– Здесь темно, как в заднице у еврокракена! Дайте световую гранату!

– Вперед по одному!

– Да объясните кто-нибудь Зарубину, что за диснейленд тут творится!

...И так далее.

Из переговоров Матвей вынес одно: комбат Зарубин не соврал. Пока что десантники не встретили никого, кроме отчаянно оборонояющихся пиратов. И более того, полностью отсутствует какая-либо достоверная информация о размещении на борту «Мстителя» пленных гражданских лиц (а значит, и Анны).

Вдруг в радиообмене всплыла долгожданная тема.

– Здесь Спичкин! Взяли двух пленных! Ввели вещество. Один в коме – плохо среагировал на вещество. От второго получена информация: порядка ста пятидесяти пленных находятся в обесточенных отсеках форта...

«Это нижняя часть лотарингского креста, где даже света нет!» – догадался Матвей.

А капитан Спичкин продолжал:

– Мое предложение: срочно вывести из боя и перебросить на освобождение заложников всю четвертую роту в полном составе! Готов возглавить передовой отряд лично, усилив его одним из своих отделений! Прошу утвердить решение!

«Четвертая рота... Почему четвертая рота? – в первую секунду не понял Матвей. – А-а, да там же сплошь свежие, совсем

зеленые контрактники, которыми разбавили костяк из ветеранов... Это же сонные мухи! Ясно, что в серьезном бою с пиратами толку от них мало. И именно поэтому Спичкин предлагает бросить их нянчиться с гражданскими! Но сколько они будут добираться туда, ближе к основанию креста?! Это всю четвертую роту надо вывести из боя – раз. Даже если в бою она участвует чисто номинально, все равно – собрать отделения, собрать взводы, оттянуть все это назад. Затем погрузить на борт катеров – два. Затем катера отлепятся от «Мстителя», пролетят пару километров вниз, прилепятся по новой – три... Потом снова резать обшивку, высаживать роту... Сколько на все это уйдет? Не менее четверти часа! А то и минут двадцать! Да за это время что угодно произойти может!» – Матвея распирало негодование.

– Я-то утверждаю, – пророкотал комбат Зарубин. – Но нужно еще согласие руководителя операции.

– Утверждаю. Действуйте! – прозвучал глухой голос Сазонова.

Матвей прекрасно понимал, что не меньше семи минут потребуется четвертой роте только на то, чтобы отойти к своим катерам, погрузиться на них и отчалить от верхней перекладины креста.

Семь невыносимо долгих минут, в течение которых на его тактических экранах не будет происходить ровным счетом ничего, приближающего его, Матвея, к встрече с любимой.

Но как же он ошибался!

В сотне метров от нижней галереи форта (той самой, обезображенной растрепанной бородой из обломков двухорудийной башни) в обшивке, источенной пылевой коррозией, наметились четыре просвета – каждый толщиной, как показалось Матвею, с волос.

Просветы быстро расширились и превратились в квадрат белого света.

Затем створки стартового лацпорта сложились в гармошку и из недр форта выдвинулись три рельсовых направляющих.

— Тысяча протуберанцев мне в ухо! — раздался зычный голос Ираиды, которая, как оказалось, тоже все это видела. — Что творят, ты глянь! Похоже, они намерены обстрелять наш крейсер из рельсотронного главного калибра! Кто бы мог подумать, что он у них вообще есть, у творческих импотентов!

Пока Ираида балагурила в своей неподражаемой манере, Матвей прощупал недра открывшегося портала микроволновым радаром высокого разрешения. Судя по картинке, синтезированной борткомпьютером на основании данных радара, там, в темноте, прятался достаточно крупный планетолет.

«Достаточно крупный для чего? — задал себе вопрос Матвей. И тут же ответил на него. — А для того, чтобы умчать в неизвестность материальные ценности и всех захваченных гражданских, каковые гражданские и послужат живым щитом для пиратских главарей и награбленного ими добра!»

— Нет, Ираида, нет! Это не пушки! — бледнея, сказал Матвей.

— А что же?

— Нет времени объяснять! — бросил он, подавая импульс зажигания на маршевые дюзы.

Ускорение вмяло Матвея и его напарнику в кресла.

— Что ты творишь, дворняжкин ты сын! — голос Ираиды был очень сердитым. — У нас же приказ: оставаться на месте! Чего ты вообще добиваешься?

— Я не могу спокойно смотреть на то, как результаты всей операции летят на псу под хвост только потому, что я получил приказ оставаться на месте!

— И что?

— Мы должны остановить этот планетолет! Не дать ему выскользнуть! — Матвей кричал.

— Но как?

– Я намерен обстрелять стартовые рельсы нашим главным калибром. А ты, пожалуйста, следи за малокалиберными пушками пиратов! Подавиши их огонь, если придется.

– И что тебе на месте не сидится? – проворчала Ираида. – Неужели нельзя связаться с корветами Второй Марсианской? Справятся с задачей не хуже нас!

– А вот в этом я не уверен! Лазерная пушка «Скорпиона» дает втрое большее рысканье луча, чем у нашего «Краба». Да вдобавок на «Скорпионе» она одна, а у нас их две.

– Да знаю я! Нашел кому лекции читать.

– А раз знаешь, так подумай! Вместо того чтобы точечно обработать стартовые рельсы, они запросто могут промахнуться! И тогда захваченные пиратами люди просто... вот просто испарятся!

– Ты перестраховщик, – с тяжелым вздохом заключила Ираида. – Но пусть будет по-твоему... Ясно же, что теперь к началу «Космических страстей» я точно не успею.

Проблема заключалась в том, что оголовки стартовых рельс никак не относились к числу типовых целей, на которые был запрограммирован борткомпьютер «Краба». Об их автоматическом захвате системой наведения не приходилось и мечтать.

Поэтому от Матвея потребовались воистину филигранная точность и нечеловеческое чутье, чтобы в ручном режиме прицелиться в объект, который без оптического увеличителя была не толще соломинки.

Первые залпы ушли в молоко.

Ему ничего не оставалось, кроме как форсировать сближение с «Мстителем».

«Краб» остервенело рванул вперед.

– Детекторы фиксируют радарное облучение! – испуганно выкрикнула Ираида. – Это станция орудийной наводки!

– Ну так всыпь им как следует по пеленгу!

– А и действительно! – Ираида как-то неестественно обрадовалась, будто Матвей предложил что-то из ряда вон умное и нетривиальное.

Пока под тихое жужжание высокого напряжения в генераторах плазменных пушек Ираида вращала свой блистер, наводясь на цель, Матвей продолжал охоту за оголовками стартовых рельс. Ираида открыла ураганный огонь ровно в ту секунду, когда Матвею наконец удалось разнести центральную рельсу на субмезонные обломки. А уже через секунду навсегда прервался неслышный вопль станции орудийной наводки, которую заставили замолчать кучно влепившиеся в ее подвздошье заряды плазмы, выпущенные пушками Ираиды.

– Умничка! – сказал Матвей. – Зайка!

– Но-но-но! Этих вот нежностей мне тут не надо! – оборвала его бдительная Ираида. – Своей милой будешь заек вкручивать!

При упоминании об Анне, пусть и таком непочтительном, сердце Матвея горестно сжалось.

«А ведь этим уродам, неровен час, достанет куражу стартовать и с двух рельс вместо трех, – подумал он. – А это значит, что если я прав и Анна там, на планетолете, то сейчас она, возможно, умчится от меня навсегда! Впрочем, пока я со своим «Крабом» держусь в створе стартового лацпорта, решиться на старт может только самоубийца. Ведь мой корвет впечатается ровно в пилотскую кабину стартующего планетолета, что будет означать мгновенную смерть всех участников этой зажигательной мамбы... Но любое попадание с пушек «Мстителя» почти наверняка вышвырнет мой «Краб» из створа! Счет идет на секунды!»

Матвей взялся за расстрел оголовка второй рельсы, но сияющий в свете прожекторов и сполохов боя кусок металла вел себя словно заговоренный. Пять залпов дал Матвей – и ни одного попадания!

– Да сколько можно гигаджоули переводить! Скоро прикуриТЬ не от чего будет! – Ираида не была бы собой, если бы воздержалась от этого ядовитого комментария. – Дай тангаж на пикирование сорок градусов.

– Зачем еще?

– Затем, братишка, чтобы твоя неуязвимая цель оказалась в секторе обстрела чемпионки Второй Марсианской по огневой подготовке Ираиды Михайловны Бек!

Матвей недоверчиво хмыкнул, но просьбу Ираиды исполнил.

И что же! Конечно, заряды раскаленной плазмы обладали куда меньшим проникающим действием, чем лазерные лучи главного калибра. Но зато они работали, так сказать, по площадям. И вот уже рельса, которую Ираида искупала в огне, изогнулась и стала похожа на пытливый усик садового вьюнка, тянущийся к подпорке!

– Ираида, с меня пиво. Разумеется, ящик, – прочувствованно вымолвил Матвей.

...А события того рокового дня будто бы только ждали снайперской очереди старшего лейтенанта Ираиды Бек, чтобы сорваться в бешеный галоп.

Лишившись возможности выпустить планетолет, пираты выбросили через открытый лацпорт несколько примитивных, но достаточно опасных самонаводящихся мин и привели в действие механизмы закрытия герметичных ворот лацпорта.

Ираида еще не успела перебросить огонь на приближающиеся мины, когда в эфире раздался голос командира третьего дивизиона десантных катеров майора Чорбы.

– Борт восемьсот четырнадцать! Работаете как звери! Однако прошу уйти с курса моих катеров. Имею предписание высаживать здесь четвертую десантно-штурмовую роту!

– Конечно, мы подвинемся. А с минами вы тоже сами разберетесь?

– С какими еще минами, лейтенант?

Но Матвей был лишен возможности ответить майору. Потому что все частоты перехватил – как ему и положено – старший офицер. В данном случае – Сазонов.

– Внимание всем! – тяжелый, свинцовый голос Сазонова не предвещал совсем ничего хорошего. – Прошу принять во внимание непредвиденное обстоятельство: противник начал массированную постановку динамических мин из пусковых аппаратов, замаскированных на поверхности ряда астероидов. Завесы ориентированы в плоскостях плюс-минус пять градусов от оси мира. Таким образом, они отсекают крейсеры «Римский-Корсаков» и «Бородин» от зоны проведения операции. Выводы: первый и второй дивизионы корветов должны оттянуться назад для борьбы с минными полями. Всем десантным частям приостановить продвижение и оставаться на занятых позициях вплоть до дальнейших распоряжений.

– Господин полковник! Здесь «Рябина-5»! – первым от ошеломительных новостей оправился майор Чорба и он же обратился к Сазонову с вопросом. – Прошу разъяснений! Мне высаживать четвертую роту? Или...

– Или, господин майор. Вот именно что «или»! – полковник буквально ревел от гнева. – Остаетесь на месте и ждете, пока не вернутся корветы! Лезть на рожон без должного прикрытия я вам не позволю!

– Вас понял, господин полковник, – сквозь профессиональную твердость в голосе Чорбы пробивалось чисто человеческое, слишком человеческое облегчение; ему явно не улыбалось браться на второй приступ пиратского форта, не чувствуя за спиной пушек полного дивизиона корветов.

Матвей посмотрел на экран, где под золотистым стеклом шлема серело недоуменное лицо Ираиды.

– Как тебе это? – спросила его напарница.

– Омерзительно. Других слов не нахожу. Куда смотрела разведка?

– Матвей, разведка – это мы с тобой.

Ираида была права: именно отдельному патрульному дивизиону из форта «Наблюдатель-1» надлежало знать о Градусе Забвения все и более чем все. И на вопрос «Кто недоглядел?» ответ был, увы, однозначен: «Подчиненные майора Каракульджи».

Правда, можно было рассуждать и по-другому.

Почему подчиненные майора Каракульджи проглядели какие-то там аппараты для постановки мин, замаскированные на поверхности астероидов? Да потому, что им не ставилась задача искать что-либо подобное на поверхности астероидов!

А кто должен был бы ставить им подобные задачи? Ну, разумеется, их командир, майор Каракульджи!

А значит, во всем виноват кто? Майор Каракульджи!

Но Матвею было, в сущности, наплевать на подобные тонкости. Надо будет – военные дознаватели во всем разберутся, а военные юристы выпишут кому надо бесплатные путевки на меркуриевые рудники Гипериона и ртутные рудники Меркурия...

Главное – Анна, его Анна томится где-то там, в холодных и темных недрах пиратской твердыни. Может быть, она заточена в тесной спасательной капсуле? А может, прикована наручниками к грубому алюминиевому сиденью в глухом чреве планетолета?!

При этой мысли в голове Матвея словно бы взорвалась ТФБ-800 – терраформационная водородная бомба мощностью восемьсот мегатонн.

Лейтенант Матвей Степанович Гумилев развернул «Краб» на сто восемьдесят градусов и, не обращая внимания на недоуменные вопли старшего лейтенанта Ираиды Михайловны Бек, утопил педали управления носовыми дюзами до упора. Дюзы

изрыгнули фонтаны зеленого пламени. «Краб» с обманчивой плавностью пополз кормой вперед ровно туда, где еще две минуты назад чернел отвор лацпорта.

– Что тытворишь?! – заверещала Ираида.
– Ты должна меня понять. Если не я – значит никто.
– Что «я»? Что «никто»? Что «понять»?
– Там, на планетолете, Анна! Моя невеста! Я не смогу жить, если еще раз потеряю ее!

– Да ты сейчас угробишь и нас, и свою невесту!
– Спокойно, сестренка.

– Ну хрен с тобой, братишка. В своих мемуарах я посвящу этому эпизоду целую главу. И назову ее «Матвей-черт-бы-побрал-его-женитьбу»!

Но Матвей уже не слушал напарницу. Он полностью сосредоточился на группе камер кормового обзора и показаниях так называемого «парковочного» лазерного дальномера (то есть лидара), старательно отсчитывающего расстояние до преграды с точностью до ангстремов.

Матвей угадывал момент.

Стоит ему подать зажигание на маршевые секундой раньше – и прожечь их плазмой подходящую дыру в обшивке «Мстителя» не получится. Стоит подать зажигание секундой позже – и тогда маршевые, работая по сути как гигантский плазмомет, испепелят не только гигантский кус обшивки «Мстителя», но и, быть может, содержимое ангара, то есть планетолет с Анной на борту.

– Господи, помоги! – выдохнул Матвей и, перекрестившись, надавил на кнопку «МАРШ ПУСК». После чего, мысленно считая до пяти, неспешно двинул рукоять управления маршевыми двигателями вперед до упора.

Разразившись беззвучным ором, маршевые двигатели обрушили на «Мститель» семь столбов испепеляющего пламени, которое было жарче Солнца.

В сплошной засветке от испаряющегося металла Матвей не увидел ничего. Но ответ о правильно угаданном моменте был дан ему самим кораблем.

Бронированная туша, продолжая все еще двигаться, зацепила и потянула за собой листы брони, размякшей от чудовищной температуры. Те, растягиваясь словно тесто, смягчили удар «Краба» об ажурное переплетение вспомогательных стартовых конструкций и батарею носовых антенн планетолета.

– Ну ты даешь! – ахнула Ираида. В ее голосе слышалось не-поддельное восхищение. – Вот это по-мужски!

– А теперь слушай внимательно, сестричка, – сказал Матвей твердым голосом. – Я, конечно, младше тебя по званию и приказывать тебе не могу. Но я тебя очень прошу: оставайся на месте и ни при каких обстоятельствах не покидай корабль. Если дела пойдут плохо и я уйду со связи больше чем на полчаса, бери на себя управление и улетай.

– Я обещаю, так и будет, – спокойно сказала Ираида и, помолчав, добавила:

– Удачи тебе, женишок!

ЭПИЗОД 20

На «Мстителе»

*Октябрь 2468 г.
Форт «Мститель»
Градус Забвения*

Корветы «Краб» недаром считались самыми совершенными боевыми машинами бригады «Беллона».

Если на «Скорпионах» боевой экзоскелет «Богатырь» мог служить только балластом, то «Крабы» располагали его новейшей модификацией, интегрированной в боевые системы корабля.

Высвободившись из объятий пилотского кресла, Матвей вскрыл специальный лаз в нише под приборной панелью и, инстинктивно набрав в легкие побольше воздуху, как это делают ныряльщики, скользнул ногами вперед, подняв руки над головой.

Вспомогательный агрегат «Гардеробщик» подхватил его тело, затянутое в терmostатическое трико, и буквально впечатал в недра скафандра «Богатырь».

Через несколько секунд завершилась калибровка телепатических каналов скафандра под альфа-ритмы Матвеевского мозга и он ощутил как границы его тела раздвинулись: зрение приобрело семь дополнительных режимов, а вместо сердца зарокотал пламенный мотор килотонной мощности.

Каждая рука Матвея теперь заканчивалась огневым комбайном «Сенеж». И уже одно это не обещало врагам лейтенанта Гумилева ничего хорошего.

Огневой комбайн «Сенеж» превращал своего обладателя из обычного штурмового пехотинца двадцать пятого века в ша-

гающий дредноут, сравнимый по огневой мощи с корветом. Да-да! И это совершенно неудивительно! Ведь «Сенежи» являлись частью огневого комплекса главного калибра корвета «Краб»!

Матвей подал на себя свои ставшие трехметровыми руки, выпростав «Сенежи» из кожухов главного калибра «Краба», точно ладони из варежек.

Затем носовые ворота «Краба» разошлись, и Матвей шагнул вперед – навстречу засеянной звездами и вспышками двигателей черноте. Ведь влетал-то его корвет кормой вперед!

Оттолкнувшись ногами – каждая теперь весила центнер – от искореженного настила палубы, Матвей прыгнул вверх, одновременно разворачиваясь вокруг своей оси.

Его разум, стократно усиленный вычислительными мощностями скафандра «Богатырь», за полсекунды переработал и разложил по полочкам терабит входящей информации.

Конечно же, в первую очередь он вычленил данные обо всех человекоподобных целях, находящихся в ангаре, а также за всеми ближайшими переборками. Но маячило где-то на периферии этого информационного потока еще что-то грозное, что-то куда более опасное, чем просто координаты вооруженных человекоподобных целей.

Матвей еще не понимал – что. Но ощущал, что скоро поймет. Вот только расправится с пиратами, которых он вычислил совсем немного – семь человек.

Главным козырем Матвея служила внезапность. Противник был ошеломлен, и эти бесценные мгновения требовалось использовать на всю катушку.

Первым делом он засыпал дальнюю стену ангара осветительными гранатами. И, удвоив тягу на спинных двигателях, ринулся вперед.

За ним тянулся с борта «Краба» армированный кабель боепитания, позволяющий получать энергию непосредственно от

реактора корвета. Благодаря этому Матвей мог работать своими огневыми комбайнами сколь угодно расточительно, не беспокоясь о том, что в самый важный момент закончится энергия.

Оба комбайна «Сенеж» Матвей направил вниз. И, пролетая над шершавой, исцарапанной микрометеоритами спиной до-потопного пиратского планетолета, резал ее двумя тугими ионными лучами.

Броня поддавалась неохотно, плюясь шариками раскаленного металла и шипя как разъяренная гюрза. Однако, отрегулировав мощность «Сенежей», Матвей за пять секунд довершил начатое – в броне планетолета появился квадратный лаз с пышущими малиновым жаром краями.

Чтобы громадный кус брони, провалившись внутрь, не убил там ненароком кого-то из невинных людей, Матвей вовремя подхватил его пневмоприсоской на правом каблуке.

Система контроля пропульсоров негодующе заверещала: мол, как это можно меня, такую ценную, так вот насиовать! Но Матвей успел избавиться от непосильной ноши, ловко взбрыкнув.

«Вот Ираиде, небось, смешно там – смотреть на этакую клоунаду», – подумал Матвей, представив себе, как комично он выглядит со стороны.

Он не ошибся. Ираида не смогла удержаться от комментария.

– Если бы кое-кто заранее сказал мне, что надо дырку в броне проделать, я бы проделала. Быстро и дешево. При помощи плазменной пушки.

– На трехмесячных курсах настоящих героев меня учили рассчитывать только на себя, – с мрачным сарказмом ответил Матвей.

Он опустился внутрь планетолета и практически нос к носу столкнулся с двумя ошеломленными пиратами в шикарных скафандрах «Александрия».

О том, что это именно пираты, свидетельствовали яркие личные эмблемы, нанесенные на их кевларовые кирасы. На груди первого скалил зубы дородный шахматный конь. У второго – ярилась росомаха.

«Принадлежат к разным кланам, причем враждующим, а это значит...» – машинально отметил Матвей.

Додумать мысль до конца он не успел. Потому что «шахматист» вскинул руку, в которой серебристо блеснул автомат.

Матвей выстрелил первым, позабыв уменьшить мощность «Сенежа». Последствия были самыми чудовищными: внешне представительные, но не особенно прочные скафандры «Александрия» не выдержали огненного ада и лопнули, брызнув дымящимся человеческим мясом.

«Ого!» – подумал Матвей и прикрутил мощность стрельбы. Ему не хотелось выглядеть карикатурным садистом.

Матвей двинулся по верхней палубе планетолета в направлении кормы.

По обе стороны от него тянулись ряды сгруппированных по три пассажирских кресел-капсул.

К сожалению, пустых.

Через десяток шагов салон перегораживала герметичная переборка. Дверь в ней была задраена. Но для такого молодца, как Матвей, не составило труда ее выломать вместе с куском переборки – благодаря сервоусилителям скафандра.

В соседнем отсеке оказалось неожиданно многолюдно.

Матвея обстреляли сразу из трех точек, причем карбидвольфрамовые бронебойные пули основательно подпортили ему и брюшную плиту, и левый наплечник.

К счастью, «Богатырь» сберег нежную плоть своего хозяина – сотни осколков бронебойных сердечников брызнули во все стороны.

Бронескафандр был так хорош, что скомпенсировал и громадный импульс, переданный пулями. Вместо того чтобы за-

валиться на спину, Матвей даже немного качнулся вперед от работы спинных пропульсоров.

Четверти секунды хватило ему для того, чтобы сориентироваться и открыть огонь на поражение.

Тroe стрелков с автоматами «Голконда», представлявших основную угрозу, были уничтожены первыми.

Затем пришел черед пирата в легком голубом скафандре техника-ремонтника. Матвей снес ему голову быстрее, чем сообразил, что в руках у того не оружие, а многоцелевая пила.

Еще двое техников, в таких же скафандрах, успели улизнуть – они нырнули в неприметный люк, частично скрытый от Матвея весьма странным объектом.

Больше всего этот объект был похож на исполинский цветок лотоса, выполненный безумным скульптором-гигантоманом из цельного куска горного хрусталия. Однако это была не скульптура – к основанию лотоса вели множественные разноцветные провода. Они уходили на нижнюю палубу через грубо, наспех прорезанные отверстия.

«Что это может быть? – недоумевал Матвей. – Ведь наверняка не офисное украшение. И не световая установка для дискотеки. Неужели снова оружие?! Генератор какого-то поля? Единственное, в чем можно быть уверенным, так это в том, что передо мной нечто в высшей степени вредоносное...»

За хрустальным лотосом, по другую сторону от люка, Матвей заметил какое-то движение. Однако ему хватило благородства не стрелять сразу.

Да-да, это был человек. Еще один техник-ремонтник, почему-то не последовавший за своими товарищами в люк – как видно, он побоялся преодолеть расстояние, отделявшее его от спасительного лаза.

Человек сидел на корточках, с детсадовской беззащитностью закрыв голову руками.

Матвей подошел к нему и, не сводя с него пыщущих жаром стволов «Сенежа», включил внешний динамик скафандра.

– Кто ты? – спросил Матвей.

– Я?.. Я... Алекс.

– Ты пират?

– Как и все здесь.

– Я лейтенант бригады «Беллона». Я здесь для того, чтобы убивать таких, как ты!

– Но я ничего не сделал! Я работаю по контракту! – взмолился Алекс.

– Для меня нет разницы.

– Что вы от меня хотите? Я сделаю все что угодно! Я скажу все что угодно! Только не надо жечь меня живьем!

– Где ваши пленные?

– Какие пленные?

– Люди, которых вы захватываете то там, то здесь. Женщины, мужчины... Особенно женщины! – перед мысленным взором Матвея встало печальное лицо Анны.

– Возвращенные, что ли? Ты имеешь в виду их?

– Я не знаю, как вы это называете. Мне некогда разбираться. Меня больше других интересуют люди с борта кораблей «Капитан Юрий Речников» и «Ассоль»!

– Да откуда мне знать такие подробности?! Я никто и звать меня никак! Я только знаю, что все возвращенные два дня назад были отправлены прочь с Градуса Забвения. Хозяин сказал, что пришла пора их преображения...

– Преображения? – брезгливо поморщился Матвей. Ему почудилось в этом что-то особо гадкое и опасное.

– Да. Но я в это не особо вникаю... Вы не подумайте...

– Хоть кто-нибудь из возвращенных остался здесь, на «Мстителе»?

– Это должен знать Консильер.

– Кто это?

– Так называется центральный компьютер «Мстителя».

– Да вы хоть что-нибудь зовете по-нормальному? «Возвращенные»... «преобразование»... «Консильер»... Сектанты, в рот вам дышло! – выругался Матвей. – Как получить доступ к вашему Консильеру?

– Через любой терминал. Да вот хоть через мой. Но там все запаролено. И я не понимаю, как вы...

Но Матвей уже не слушал Алекса.

Выхватив из рук пирата коробочку стандартного переносного интерфейса, Матвей в одно движение подключил к ее разъему Исинку.

– Поищи Анну Петровскую, – скомандовал он.

– Система защищена паролем, – сказала Исинка.

– Так взломай пароль.

– Ты даешь мне право совершить это насилиственное действие?

– Даю, – сказал Матвей, пряча улыбку.

– Пароль взломан, – констатировала Исинка. Казалось, ей вообще не потребовалось времени! – Я начала сквозной поиск по видеоархивам. Отсутствие сбалансированных бинарных деревьев в сортировке осложняет поиск. Прогноз по результатам – восемнадцать минут пятьдесят четыре секунды!

– Отлично, милая. Ищи как следует! Да и я сидеть сложа руки не буду.

Матвей обернулся к оцепеневшему от страха Алексу.

– Где вы содержали возвращенных раньше?

– Содержали... Кажется, в блоке Зета, – сказал тот довольно неуверенно.

– Как туда добраться?

– Это пятью палубами выше. Но учтите, наши парни вряд ли позволят вам там разгуливать...

– Это мы еще посмотрим, – пообещал Матвей, отдавая приказ «Богатырю» набрать как можно больше энергии с борта «Краба». – Кстати, с самого начала хотел тебя спросить... Ты же техник, да?

– Д-да...

– Что это за штуки, похожие на стеклянные цветы?

– Это? Это... Да это же... Агрегаты... Такие агрегаты... Которые... – мямлил Алекс, стремительно бледнея.

– Ты можешь выражаться яснее? У меня времени нет!

– Ну это... Они... Как бы... Это же понятно... – Алекс совершил руками какие-то несуразные движения, намекающие на необходимость срочно подсказать ему недостающие слова.

– Да скажи ты хоть название, и я оставлю тебя в покое! – сердито потребовал Матвей.

Но вместо ответа... Алекс, широко раскинув руки, упал на спину и вырубился.

Если бы Матвея не инструктировали при подготовке операции офицеры из штаба Белова, он мог бы принять это за инсульт, обморок или начало эпилептического припадка. Но опытный глаз офицера сразу же приметил характерное подергивание мимических мышц около глаз. Оно недвусмысленно свидетельствовало о том, что психика Алекса находится в состоянии насильтственной гипноблокады. Пиратские мозгоправы сделали так, что при одной попытке выболтать важную тайну Алекс впадал в транс, подобный кататонии.

«Эх, черт... Ну да ладно... На обратном пути прихвачу его на борт «Краба». Нашим спецам все эти гипноблокады на один зуб. Сам не узнает, как выболтает все!»

Увы, увы. Матвею еще предстояло узнать, что «позже» подчас означает «никогда».

ЭПИЗОД 21

Последний бой сомнамбулы

*Октябрь 2468 г.
Форт «Мститель»
Градус Забвения*

Поиски Анны выдались очень бурными.

Палубой выше Матвей застрелил четверых.

Конечно, не будь Исинки, результат скорее всего был бы полностью обратным: кто-то из этих четверых застрелил бы Матвея. Однако Исинка заблаговременно снабжала Матвея информацией о пиратских засадах, считывая информацию с видеокамер, которыми питались электронные мозги Консилььера.

«Ох и могуч же древний искусственный интеллект на службе у отечественных сил правопорядка!» – ухмыльнулся Матвей, отправляя динамическую мину-волчок за поворот коридора, где притаились два огнеметчика в сферических экзоскелетах.

Увы, палуб было еще три, а мин-волчков у Матвея осталось только две.

Поэтому ловкий прием с уничтожением противников за пределами прямой видимости ему удалось провернуть еще только два раза.

На четвертой палубе Матвею наверняка пришлось бы попотеть. А может, и сложить свою буйну головушку. Если бы там оказался хоть один нормально вооруженный пират. Но, на его счастье, людей там не было.

Вместо них – клетки и громадные, вместительные аквариумы.

Ох и диковинный там был собран зверинец! Ни одного привычного обитателя зоопарков вроде оленя, тигра или бегемота, не говоря уже о бурундуках и шиншиллах. Разве только морские черепахи и игуаны напоминали о биосфере Земли. Остальные же являлись либо автохтонными инопланетными монстрами, либо плодами генной ретроинженерии.

Из «инопланетян» Матвей признал еврокракена, марсианского водяного червя и открытый пять лет назад – то есть по научным меркам буквально вчера – энцеладский криптовольвокс. Еще полдюжины видов также были «европейцами», то есть принадлежали, наряду с кракеном, к относительно развитому биоценозу подводных вулканов Европы, спутника Юпитера. Но Матвей, нешибко сильный в экзобиологии, затруднялся сколь-нибудь точно определить эти сплетения шевелящихся нитей, выглядывающих из-под полусферических, треугольных, ромбовидных панцирей цвета свежепролитой крови с прожилками синего кобальта.

Что же касается исчадий экстраполярной генной инженерии, их тоже было немало. В аквариумах и клетках содержались: пышные кембрийские трилобиты, ихтиозавры юрского периода и какие-то неопознаваемые ракообразные, похожие на двухметровых мокриц. Тоже определенно какая-то земная палеофауна, актуально жившая этак пятьдесят миллионов лет назад...

«Странная коллекция... Эх, поймать бы дежурного по этому зоопарку и допросить с пристрастием!»

Впрочем, времени изучать богатый пиратский бестиарий пусть даже и с компетентным гидом у него не было. Гумилев поспешил дальше, наверх.

Что ж, вот и она, искомая пятая палуба.

– Дошли! – тяжело выдохнул Матвей.

Техник Алекс не соврал по крайней мере в одном: здесь недавно что-то размещалось. И это «что-то» в самом деле носило имя «блок Зета», как свидетельствовали грубые трафаретные надписи на полу.

Судя по ряду признаков – патрубки канализации и системы климат-контроля, брошенный насос для надувной палатки – «блоком Зета» действительно назывался лагерь для временного содержания людей. Такие лагеря на основе герметизируемых надувных палаток-контейнеров широко использовались в ходе колонизации небесных тел Солнечной системы.

Но теперь лагерь был полностью свернут. Все надувные бараки – ликвидированы. И совершенно невозможно было понять, кто именно жил в этих эфемерных домах – сами пираты, их пленные или анархисты-экстремалы из сочувствующих сект, которых немало еще осталось на свете.

«Кажется, я опять опоздал, – Матвей испытал прилив горького разочарования. – Впрочем, рано отчаиваться. Поглядим, что найдет Исинка».

Стоило ему подумать об Исинке, как он услышал ее голос. Но говорила она вовсе не об Анне.

– Лейтенант Гумилев! Как показывает перехват радиообмена, производимый пиратской крепостью, тебя безуспешно вызывает старший лейтенант Бек.

– Ираида? – переспросил Матвей.

– Да.

– Есть ли возможность использовать системы связи форта для контакта с моей напарницей?

– Можно попробовать, – отвечала Исинка. И через некоторое время сказала:

– Связь установлена. Переключись на шестой канал и говори!

Матвей последовал совету Исинки.

– Ираида! Сестренка! Что ты там хотела мне сказать? Здесь Матвей Гумилев!

– Ты жив, мать моя черная дыра... – голос Ираиды звучал устало и сурово. Будто за те минуты, что они не виделись, в жизни напарницы Матвея случилось сразу несколько крупных неприятностей. – Ты где вообще?

– Пятая палуба. Ишу Анну. Результат нулевой!

– Ты бы лучше возвращался. Да поживее!

– Что за срочность? И где, кстати, четвертая рота?

– Не будет никакой четвертой роты, братишко! Похоже, нам здесь очень сильно прищемили хвост!

– Прищемили хвост? – повторил Матвей недоверчиво.

– Это мягко говоря! – Ираида явно заводилась. – «Римский-Корсаков» имеет столько подрывов на минах, что вообще вышел из боя! «Бородин» чувствует себя лучше, но полностью блокирован минными полями и лишен возможности влиять на события! А сам пиратский форт, похоже, вовсе не то, чем мы его считали!

– Как прикажешь тебя понимать?

– Пока не ясно! В эфире творится черт знает что! Наши корветы несут тяжелые потери!

– А что Сазонов?

Но ответа на этот вопрос Матвей так и не дождался.

Канал номер шесть утонул в белом шуме.

Матвей собрался запросить у Исинки другую схему связи, когда бескрайний потолок пятой палубы, усаженный красными звездочками аварийного освещения, превратился в бушующий океан пламени.

Жесткая, как бронеплита, ударная волна сбила Матвея с ног и впечатала в межотсечную дверь.

Если бы не «Богатырь», который привычно смягчил удар, Матвея определенно не было бы в живых.

В ту же секунду из гигантской прорехи посыпались десантники в полосатых экзоскелетах «Тигр».

Вместе с ними грохнулись под три десятка яйцевидных транспортных капсул. Такие используются на Луне в транспортных электромагнитных пушках для заброски на орбиту дорогой заводской продукции вроде гелия-3.

По всем признакам, десантникам повезло меньше, чем Матвею. Почти все были контужены или ранены, а один был убит наповал транспортной капсулой, смявшей его грудную клетку вместе с кирасой экзоскелета в кровавый бутерброд.

Впрочем, и Матвею, к сожалению, не удалось отделаться легким испугом.

Он обнаружил, что один из его «Сенежей» теперь можно просто выбросить. Вторая лазерно-корпускулярная пушка была вроде как исправна. Но два из трех высоковольтных разъемов питания требовали незамедлительного вмешательства. Ну а течи, открывшиеся в кислородных баллонах, система регенерации залатает разве что к утру – когда он, Матвей, уже часов семь будет мертв от удушья...

Стоило ему осознать это, как одного из десантников, распластанного на полу, прошила взвизгнувшая плотоядным металлом черная змея.

Оторопевший Матвей не успел даже выругаться, когда из плотных клубов горячего дыма и металлической пыли снизошел... Тысяча еврокракенов! Это был универсальный экзоскелет-проходчик АА-класса с дополнительными манипуляторами для ремонтных работ в открытом космосе! А по-просту говоря – семитонный механический паук, внутри которого, за полуметровой броней, удобно устроился кто-то из пиратов!

В качестве неотразимого оружия громоздкая тварь использовала три манипулятора с метровыми бурами. Следующим ударом она прикончила еще одного десантника, насквозь пробив ему шлем в двух местах.

Его товарищ, зажимавший левой рукой рваную дыру в боку скафандра, выхватил пистолет и несколько раз выстрелил.

Увы, эти пули разве что оцарапали бронированную тушу паука-проходчика.

Ответный огонь паука – а в качестве пистолета тот использу-

зовал плазменный траншеекопатель – выжег в груди бедолаги дыру размером с волейбольный мяч.

Матвею даже показалось, что он услышал исполненный предсмертной муки рев несчастного. Хотя, конечно, с точки зрения физиологии это было совершенно невероятно...

Счет времени шел буквально на доли секунды.

Адреналиновый смерч промчался по телу Матвея и сообщил его движениям невероятную стремительность.

Мгновенно сбросив с левой руки искалеченный «Сенеж», он принял спешно восстанавливать энергоснабжение уцелевшего огневого комбайна на правой руке.

Он очень нервничал. А дело требовало точности. Один разъем ему удалось подключить сразу же. Зато другой, непослушный, никак не хотел надежно защелкиваться в гнезде.

К несчастью, оператор паука уже заметил Матвея. И в качестве своеобразного приветствия обдал его звездным жаром плазменного траншеекопателя.

Матвей выругался – хотя скафандр «Богатырь» смог пережить этот огненный душ, температура под его оболочкой сразу же подскочила до сорока восьми.

Матвея спасла безрассудная отвага одного из десантников.

Тот, подхватив внушительный обломок пиллерса – стального профиля, на котором некогда держалось палубное покрытие, – бросился вперед и, ударив со всего маху, пробил охладительный кожух плазменного бура.

Жидкость-охладитель брызнула во все стороны, шипя и дымясь. Пар заполнил помещение до самой дыры в потолке.

Внимание оператора паука переключилось на храбреца, и Матвей наконец-то смог завершить ремонтные манипуляции над «Сенежем».

В ту же секунду, подхватив десантника с пиллерсом двумя вспомогательными манипуляторами, паук бросился вперед, нацеливаясь в грудь Матвея всеми тремя бурами.

Матвей выстрелил.

Два встречных удара невероятной силы – квантово-энергетический и механический – прянули навстречу друг другу как копья средневековых рыцарей на турнире.

Бам!

Бур пробил «Богатырь» Матвея в районе голени и раздробил бронеботинок.

Еще один бур по касательной прошел вдоль его правого бока, но не смог совладать с армирующим плетением карбидтанталовых проволок и ушел в переборку.

А третий попал под лазерный луч «Сенежа» и, слетев с креплений, пронесся, бешено вращаясь, над головой Матвея, чтобы навеки увязнуть в многослойной теплоизоляции капитальной переборки.

Матвей даже не успел отследить, достиг ли его выстрел цели, когда перебросил ствол «Сенежа» чуть правее и выстрелил вновь.

Полуметровая броня, отделяющая оператора паука от внешнего мира, издала звук, вибрирующий на вынимающей душу низкой ноте. Вслед за чем разродилась струями расплавленного металла.

Каждая такая струя имела скорость межпланетного метеорита и сама по себе была опасней иного боевого лазера. Эти жидкые стержни тоже нашли свою добычу. Один перерубил две механические конечности паука. Другой – оторвал цельную бронеплиту по сварным швам, третий смял словно бумагу гузно мерзкой механический твари – там находился кубрик для отдыха экипажа...

Паук, однако же, продолжал двигаться по инерции вперед. В его гидравлике еще хватило давления, чтобы в последний раз ударить буром. Однако не было уже всесокрушающей мощи. Неотразимое вибросверло ударило Матвея точно в голову, в лобную бронепластину шлема! Но пробития не добилось.

В тот миг Матвей пообещал себе, что непременно найдет конструктора экзоброни «Богатырь» и поблагодарит его за его труд.

«Ящик шампанского – это самое меньшее! Да не какого-нибудь французского, а настоящего, полноценного китайского!»

Прицелившись точно в пламенеющую малиновым трещину в панцире паука, Матвей выстрелил в третий раз.

Энергии, переданной его лазером внутренностям бронекабины, хватило бы на то, чтобы испарить отельный бассейн. Поэтому не удивительно, что и бедолага-пират, и вся начинка паука мгновенно превратились в пар, давление которого рывком раскрыло бронекабину изнутри – как раскрывается навстречу Солнцу бутон цветка в ускоренной съемке.

Паук тут же рухнул на палубу и застыл недвижимо.

– Праздник души, – сказал Матвей. – Именины сердца.

Кроме Матвея в живых осталось еще четверо десантников.

– Эй, ты, в «Богатыре», кто таков будешь? – спросил тот самый отважный десантник, что навернул механоида обломком пиллерса. Он стоял на четвереньках и, отчаянно жужжа сервоприводами, пытался подняться.

– Я пилот Второй Марсианской. Лейтенант Гумилев.

– А я лейтенант Выхин из первой десантно-штурмовой роты. Наверное, мы знаем друг друга в лицо. Но сейчас это неважно.

Матвей кивнул. Действительно неважно. А что важно? Важно – это Анна. Важно – это пленные.

– Скажите, лейтенант, вы хоть одного гражданского видели здесь? Ну, кроме пиратов?

Выхин задумался. За него ответил десантник, приковылявший из-за груды грузовых капсул.

– Несколько женщин видели. Даже симпатичных, – меланхолично заметил он. – Не очень понятно, гражданские они или пиратки. По крайней мере, оружия при них не было.

– И что с ними?! – вскинулся Матвей.

– Сдали взводу зачистки. Чтобы те разобрались, что к чему, – сказал десантник.

– Я думаю, этих женщин на десантные катера отправили. По стандартной процедуре, – включился в разговор третий десантник. – Я сержант Христич, если что.

– Скажите, лейтенант, там еще какие-нибудь гражданские ожидались? Может, вы слышали что-нибудь? Я хочу сказать, в эфире.

Однако лейтенант Выхин вместо ответа предупредительно выставил вперед ладонь. Что на языке жестов могло означать только две вещи: «звонит жена» и «начальство на проводе».

Да и Матвея тоже вызывали.

– Братишка, мать твою! Ты почему на связь не выходишь? – Ираида была взволнована. Да что там взволнована! Невозмутимая Ираида была в истерике! – Тут страшные вещи!

– Какие именно? – бесстрастно осведомился Матвей.

– Надо улетать! Срочно! Получен категорический приказ на общее отступление к крейсеру «Римский-Корсаков»!

– Это еще почему?

– Долбаный «Мститель» оказался ловушкой! Он – совсем не то, что мы думали сначала!

– А конечно же, большой органный зал Луноградской филармонии?

– Лучшая шутка месяца! – змеей зашипела Ираида. – «Мститель» – не монолит, а целая эскадра крейсеров! Их состыковали вместе, а потом умело замаскировали при помощи ложной обшивки и декоративных отсеков. Кто мог ожидать от шайки преступников такой изобретательности?!

«Да ладно «изобретательности»! Главное, откуда производственные мощности и технологии?! Для таких-то изысков», – подумал Матвей, но промолчал, чтобы не усугублять.

– Тебя понял, сестренка, – сказал он успокаивающим голосом. – Напоминаю свою просьбу: если меня не будет в течение пятнадцати минут, принимай управление корветом и дуй домой под всеми парусами!

– Что значит «если»? Что значит «не будет»? – осведомилась Ираида подчеркнуто сухо.

– Конец связи, сестренка, – с этими словами Матвей отключился. Тем более что его внимания домогалась всезнающая Исинка.

– Я нашла Анну Петровскую в видеоархиве форта, – сказала она. – Но это материалы месячной давности.

– Давай на голограмму!

– Это технически невозможно. Проектор скафандра поврежден.

– Тогда давай на экран! – потребовал Матвей, но, оглянувшись по сторонам, все же решил, что сейчас не время быть неблагородным. – Точнее, на экран – это потом. А сейчас скажи, есть ли более свежие данные?

– Нет.

– А какие-нибудь данные, имеющие сходство с данными об Анне? – Матвей помнил, что Исинка хотя и умная, но все же не по-человечески умная машинка.

– Возможно, какое-либо отношение к Анне имеет скопление невооруженных людей в зале, похожем на зал для игры в волейбол.

– Где этот зал?

– Зал, похожий на зал для игры в волейбол, находится в верхней части форта, в зоне ответственности второй десантно-штурмовой роты.

– Можешь дать на экран?

– Да.

На экране возникла невеселая картинка. Плохо освещенный спортзал с частично стершейся разметкой секторовброса и штрафных зон. Столбы со скобами (для волейбольной сетки?), длинные скамейки, на которых сидят люди в одинаковых аквамариновых комбинезонах.

Люди не кажутся напуганными. Но и радостными тоже не кажутся. Лиц большинства не видно, потому что камера установлена где-то под потолком.

– Ты можешь опознать среди присутствующих Анну?

– Нет.

– А девушку, похожую на Анну?

– Я вижу две фигуры, на четырнадцать и восемнадцать процентов скоррелированные с доступными мне эталонами Анны Петровской.

«Четырнадцать процентов... Восемнадцать процентов... Не густо, – с досадой подумал Матвей, до боли закусывая губу. – С другой стороны... Что же, значит, придется бороться за эти восемнадцать процентов!»

– Спасибо Исинка. Ищи дальше, – сказал Матвей и дал умной машинке «отбой».

Когда он обернулся к десантникам, все они уже стояли рядом с ним. В их позах читались напряжение и тревога.

– Что произошло? – спросил Матвей.

Ответил лейтенант Выхин.

– Получили приказ немедленно отходить. Но наш родной катерок, похоже, накрылся... По крайней мере, на запросы не отвечает. Другие штатные посудины нашей роты уже уходят на всех парах к «Римскому-Корсакову»... Я глотку себе ссадил, пытаясь кого-нибудь вызвать из соседних рот. Там тоже все или набиты битком, или не отвечают, или вообще невесть чем заняты...

– Тогда пройдемся со мной наверх. Там, похоже, гражданские заперты в спортивном зале. Подберем их – и отступим на катера второй роты.

– Категорически нет, – в голосе лейтенанта зазвенела неожиданная сталь.

– Не понял?

– Ты много чего не понял, лейтенант. Или не хочешь понять. Катера второй роты тоже ушли. Поэтому мы покинем форт на твоем корвете. Он же у тебя на месте пока? Или как? – вкрадчиво спросил Выхин.

Матвей приметил, что тот говорит с ним... как со шпионом или дезертиром! С каким-то настороженным вниманием! «Один неосторожный жест – и может выстрелить. Весь на нервах!»

Словно бы невзначай лейтенант навел на Матвея ствол своего гранатомета.

В руках его товарищей тоже были отнюдь не букеты ромашек. Поэтому Матвей отвечал спокойно и рассудительно.

– Мой корвет типа «Краб» находится совсем рядом. И я почту за честь убраться отсюда в вашем обществе, господа. Но только прежде я должен сходить в тот спортзал, где пираты держат гражданских. Там, возможно, находится моя невеста.

Но тон Выхина оставался ледяным.

– Лейтенант, ты по-прежнему не понимаешь. Операции конец. Да и самому форту конец. Прямо сейчас он разделяется на несколько автономных кораблей. Нет никакой уверенности в том, что твой спортзал, если только он действительно существует, не летит сейчас к Плутону со скоростью курьерского планетолета!

– Но я должен это проверить!

– А мы – мы должны умереть? Только потому, что ты должен проверить? Так, лейтенант?

Все это время в грудь Матвею смотрело только жерло гранатомета Выхина. Но после этих слов трое его подчиненных тоже направили на него стволы своих автоматов.

«Они не уступят. Что бы я ни говорил».

Матвей, конечно, полагал для себя абсолютно неприемлемым убивать десантников. Но ведь недаром же он был чемпионом факультета по самбо-космо!

Увести гранатомет Выхина в сторону при помощи импульса плечевого пропульсивного движителя... Затем подсечкой сбить с ног крепыша слева от Выхина... И одновременно с этим ударом правой руки с огневым комбайном завалить на спину десантника справа!

Что делать с четвертым, Матвей еще не понял, но знал: стоит ввязаться в рукопашную – и инстинкты поведут его сами!

Он уже почти решился на силовой вариант разрешения ситуации, когда пол вдруг резко прыгнул вверх, а затем ушел вбок.

По палубе прокатилась волна чудовищных колебаний, которые впору было бы назвать землетрясением, если б только все они находились на Земле.

Один из десантников, не удержав равновесия, упал.

Выхин вскрикнул и едва не выронил гранатомет.

С завораживающей сознание катастрофической стремительностью воздух, наполнивший отсек, ринулся прочь через пробоину в потолке.

Грузовые капсулы, не говоря уже о более мелких и легких предметах, устремились туда же, подхваченные вихрем.

Беспощадный циклон вышвырнул бы в космос и десантников, и Матвея. Но всех их спасла безотказная автоматика. Система аварийного удержания включила мощнейшие электромагниты в коленных и локтевых сочленениях скафандров, а система пространственной ориентации подала команду на пропульсоры. Все они – бывшие уже на полпути к пробоине – попадали вниз.

С полной уверенностью можно было констатировать, что над их головой нет больше никакой шестой палубы. Равно как и прочих. Подниматься дальше, в район спортзала, было совершенно невозможно. Ибо – некуда.

Они явно находились на одной из границ, по которым форт «Мститель» разделился на отдельные самоходные части.

– Ваша взяла, дес-сантники, – проворчал Матвей, ощущая, как рот его наполняется соленой теплой кровью.

Посадка в «Краб» заняла считанные секунды. Стоило Выхину – он шел последним – залезть в транспортный отсек, как Ираида (а в кресле пилота теперь восседала она) дала тягу на днищевые и маршевые дюзы.

«Краб» покачнулся и приподнялся, выламывая пару искалеченных носовых антенн пиратского планетолета.

Затем мимо узких иллюминаторов транспортного отсека, похожих на положенные набок бойницы, пронеслись тучи мелкого мусора, поднятого реактивными струями, и Матвей понял: они летят.

Поскольку времени выгонять Ираиду из пилотского кресла не было, он довольствовался местом в одной из пассажирских капсул транспортного отсека.

Чтобы вписаться в габариты, ему пришлось расстаться с правым огневым комбайном, а также с большей частью навесного бронирования скафандра «Богатырь».

И теперь Матвей напоминал какое-то небрежно перелинявшее насекомое – где-то как у взрослой особи, где-то как у личинки, а здесь так и вообще редкая мутация в виде рогов с копытами.

– Говорит борт восемьсот четырнадцать! Вызываю «Римский-Корсаков»! Покинула форт «Мститель», вывожу четверых бойцов второй десантно-штурмовой. Прошу дать координаты точки randevu!

Ответа не было. Ираида повторяла вызов вновь и вновь, но ею пренебрегали.

– Как думаешь, братишка, – спросила Гумилева Ираида. – Неужели все так плохо?

– Думаю, очень, – отвечал Матвей. – А еще я думаю, – с этими словами Матвей покинул пассажирскую капсулу, – что именно потому, что все так плохо, кто-то должен находиться в артиллерийском блистере.

Превозмогая постоянное ускорение в два «же» – двигатели работали непрерывно, быстро разгоняя «Краб», – Матвей пересек транспортный отсек в направлении кормы и полез по скоб-трапу на верхнюю палубу. Вскоре он был уже на рабочем месте оператора оборонительных вооружений – там, где раньше сидела Ираида.

Ступни Матвея опустились на педали грубой наводки. Пер-

чатки скафандра «Богатырь» легли на рукояти систем прецизионного наведения, а в затылочный разъем скафандра воткнулся верткий кабель-змея шины обмена данными.

Стоило скафандрю синхронизироваться с борткомпьютером «Краба», и привычный материальный мир исчез, полностью вытесненный синтезированной виртуальной реальностью.

В космосе бушевало яростное сражение.

Корветы «Скорпион» вели шквальный огонь в направлении чего-то, что находилось за спиной Матвея. Ему стоило едва заметно подать левую ногу вперед (башня «Краба» развернулась на сто восемьдесят градусов) и задняя полусфера, поменявшись местами с передней, явила ему весь ужас того рокового дня.

– Святые угодники, – прошептал Матвей.

От лотарингского креста форта «Мститель» не осталось и следа. Теперь каждая из его перекладин преобразилась и жила собственной насыщенной жизнью!

При этом нижняя часть вертикальной стойки креста, которую только успел посетить Матвей, была, похоже, по большому счету балластной. Разлученная с прочими конструкциями форта, она теперь неспешно дрейфовала через безвоздушное пространство, но ее внешний вид не претерпел зримых изменений.

А вот прочие элементы креста полностью трансформировались.

К мусору, наводняющему Градус Забвения, теперь прибавились еще сотни листов обшивки, силовых и крепежных деталей – все, что составляло фальшивую внешнюю сущность «Мстителя».

Что же до его подлинного, внутреннего наполнения...

Подсвеченные надирным Солнцем, к Матвею приближались пять акулообразных гигантов. Они не были обычными кораблями из бронеплит и титана. Что-то принципиально новое, невиданное в своей стремительной хищности и эстетике являли собой новоявленные пиратские крейсеры.

На носу ближайшего корабля серебрились огромные буквы: ВОЛЬНЫЙ.

«Кто произвел их?! И главное – где?!» – Матвей был нескованно удивлен.

Он мог бы часами рассматривать эти диковинные корабли в максимальном увеличении, дивясь цветам и фактуре обшивки, роднящим их то ли с ископаемыми динозаврами, то ли и вовсе с исполинскими растениями кайнозойской эры. Но...

– В нас едва не попали ракетой, мать твоя черная дыра! – закричала Ираида. – Матвей, ты что там, заснул?

Только тут Матвей заметил множество тонких красных линий, складывающихся в ромбы.

Это были маркеры угрожающих целей. В данном случае – самонаводящихся ракет, выпущенных пиратами.

– Не переживай. Сейчас покажу этим недоделанным, кто тут космический начальник!

С этими словами Матвей последовательно отдал голосовые приказы: «иерархия целей», «снять с предохранителя!», «плазма низкая!»

С последними словами он захватил в паутину зеленых коллиматорных колец ближайшую ракету и нажал разом на обе гашетки.

Плотная очередь плазменных зарядов, а также поток снарядов из пары кинетических пушек ринулись к ракете. В мгновение ока они переработали ее в рой крошечных осколков и молекул металлического пара. Та же участь постигла вторую ракету, третью, четвертую.

Увы, огневая производительность пиратских ракетных батарей на порядок превосходила возможности одинокого «Краба». Будь с ним в одном строю остальные машины «дивизиона смертников», они, быть может, выпутились бы...

Но не сейчас.

– Нижняя полусфера! – крикнула Ираида и перевернула «Краб», чтобы предоставить возможность Матвею обстрелять рой ракет, приближающийся к ним строго со стороны Солнца.

Ослепительный огонь родного светила, к слову сказать, был

полностью отфильтрован, так что Матвея он не слепил. Однако по этой же причине чувствительность сенсоров была тысячекратно занижена и захват целей был неустойчивым...

Матвею пришлось открыть огонь в режиме конического заполнения, который на сленге пилотов «Беллоны» назывался попросту «лейкой».

Он щедро заливал пространство раскаленной плазмой и тысячами снарядов, не считаясь с предупредительным пищаньем зуммера перегрева стволов.

Он стремился совершить невозможное – выиграть войну одного против всех.

– Ты сегодня в ударе, братишка, – сказала Ираида одобриительно.

– Умирать – так с музыкой! – ухмыльнулся Матвей.

В тот миг, когда закончились снаряды в рукавах подачи и роторный укладчик, скуля раненой собакой, торопливо набивал их вторым боекомплектом, когда лопнули от жара зеркала в казенниках плазменных пушек, Матвей вдруг увидел их – ракеты.

С фотографической точностью запечатлелись они на сетчатке его глаз.

Утыканые патрубками маневровых дюз, выкрашенные матовой маскировочной краской сфериоиды, догоняющие «Краб» неспешно, но неотвратимо, они показались ему живыми – так жадно блестели глазки их сенсоров самонаведения!

В следующий миг компьютеры ракет в стомиллионный раз пересчитали задачу оптимизации по встрече с жертвой и, получив наконец-то понравившееся им решение, отдали команду на подрыв боевых частей.

Боевые части лопнули как бешеные огурцы, выбросив потоки поражающих элементов, каждый из которых имел вид остро заточенного рутений-осмиеевого карандаша длиной в метр.

Этот смертельный град обрушился на корвет, накрыв его от носа до кормового люка.

Все четверо десантников были убиты – поражающие элементы и вторичные осколки прошли транспортный отсек насеквъз.

Несколько сверхтврдых карандашей перебили «Крабу» хребет, раздробив на куски оба осевых стрингера. И, поскольку Ираида за секунду до этого дала асимметричный импульс на бортовые дюзы, надеясь энергичным поперечным маневром уйти от ракет, «Краб» немедленно разорвало надвое.

Смерть пилота Ираиды Бек была быстрой и легкой.

Вот ее вместе с пилотским креслом и любимым плюшевым медведем Масей вышвыривает в открытый космос. Вот кресло, вращаясь вокруг своей оси, несется прочь от носовой части «Краба». Вот расцветает на полнеба чудовищный взрыв (это на последнем такте пульсации термоядерного реактора очередной наперсток ДТ-топлива превратился в небольшую хиросиму).

Ираиду распылило на молекулы быстрее, чем Матвей успел осознать, что все кончено и для него самого.

Осмиевые карандаши и череда вторичных взрывов вырвали блистер и Матвея вместе с ним из спины «Краба». А излучение от термоядерного взрыва, испепелившего Ираиду, сорвало со скафандра Матвея слой радиационной и тепловой защиты. Теперь его ожидала долгая мучительная смерть от солнечной радиации и перегрева.

Но ангел-хранитель Матвея распорядился иначе: осколки изрешетили кислородные баллоны «Богатыря».

Через минуту лейтенант Матвей Гумилев скончался от удушья.

Еще некоторое время в его наушниках бормотал низкий голос Сазонова:

– Борт восемьсот четырнадцать! Доложите обстановку! Что у вас там происходит? Борт восемьсот четырнадцать!

Но некому было доложить обстановку. Все были мертвы. Да и борта восемьсот четырнадцать больше не существовало.

ЭПИЗОД 22

Максим, звездный борец

*Октябрь 2468 г.
Крейсер «Вольный»
Где-то между Градусом Забвения и Троянцами Юпитера*

Он проснулся поздновато – за полдень.

Точнее, у него было такое чувство – «уже за полдень, я заспался». Который именно час, он не знал: часы в его индивидуальном санитарном боксе отсутствовали.

На жемчужно-белом столике рядом с ним стоял букетик желтых, с оранжевой искрой, гвоздик. Он любил запах этих цветов – свежий, пряный, бодрящий.

Все его тело, от темени до ступней, было налито какой-то странной тяжестью. Особенно тяжелой казалась голова.

Он приподнял голову на подушке и повертел ею. Да, очень тяжелая. И болит.

Затем он попробовал подняться. Но – не смог. Не было сил.

Чтобы как-то развлечь себя, он принялся рассматривать комнату. Справа – лечебно-диагностический комбайн с многочисленными дисплеями, датчиками, манипуляторами.

Слева – тумбочка с цветами и книгой. «Сказки разных народов» – написано на книге.

Прямо напротив его стерильного лежбища – дверь. На стене рядом с дверью – экран визора. Он попросил визор включиться, но тот проигнорировал все его просьбы.

А пульта дистанционного управления нигде не было...

«Врачи считают, что мне нельзя волноваться», – всплыло откуда-то из глубин его сознания.

Поначалу он не мог понять, его это мысль или чужая. Но, с другой стороны, каким образом в его голове могут очутиться чужие мысли? Чушь это, вот что!

Он поднес к лицу свою правую руку. Чистая. С коротко остриженными ногтями. Затем выпростал из-под термоодеяла ногу в пижаме. Покрутил ступней. Это движение доставило ему неожиданно много радости.

«Я жив. Я пережил тяжелый бой с силами так называемого Объединенного Человечества... Стадо агрессивных баранов, ведомое к пропасти хитрыми плутократами!» – он почувствовал, как при мысли об этом бое в его душе закипают презрение и желание сражаться.

Вдруг дверь распахнулась. На пороге санитарного бокса появилась прелестная рыжеволосая девушка лет двадцати пяти. На ней был белый халат, небрежно наброшенный поверх обтягивающей униформы стильного темно-оливкового цвета.

Щеки девушки были румяными, а губы блестящими, чувственными.

«Какая красотка!» – восхитился он.

Девушка подошла к его кровати. Угодливый искин медицинского бокса немедленно вырастил для нее из пола стул с низкой спинкой.

Гостья села, элегантно оправив халат.

– С возвращением, Максим! – девушка приветливо улыбнулась.

– Меня зовут Максим? – на мгновение это имя показалось ему чужим. Но лишь на мгновение. – Ах да, конечно!

– Мое имя Соня. Раньше мы с тобой не виделись. Я служила в секторе Троянцев Юпитера. Но теперь меня перевели сюда, на крейсер «Вольный». До того как я присоединилась к звездным борцам, я училась на психолога, даже получила степень. И теперь наши общие боевые соратники и лично Товарищ Альфа уполномочили меня проверить, как проходит твоя реабилитация после ранений, полученных в том бою.

«Ах да! Я же катапультировался из горящего челнока на границе атмосферы Титана, когда мы напоролись на засаду ищеек «Беллоны»...»

Однако смотреть на красивую рыжеволосую девушку было гораздо приятнее, чем вспоминать о той схватке. Кажется, в ней погибла его напарница... Если, конечно, у него когда-либо была напарница... В руках у Сони появился пульт дистанционного управления визором, висящим напротив кровати. Теперь девушка сидела к нему вполоборота, и он мог наслаждаться графической чистотой ее профиля.

– Посмотри на экран, Максим. Я проведу с тобой стандартный психологический тест, который покажет, восстановились ли твоя память и навыки ассоциативного и логического мышления! Ты не против?

– Очень даже «за»! – он нажал на сенсор справа от подушки, и кровать превратилась в удобное анатомическое кресло.

На экране возник знаменитый на всю Солнечную систему единственный и неповторимый силуэт ночной Новой Москвы – он напоминал кисейный шарф, развевающийся на южном ветру в руках у танцовщицы.

– Где это, ты помнишь?

– Разумеется. Это столица Луны, город Новая Москва, – он невольно заулыбался.

Он чувствовал: с этим местом у него связаны какие-то крайне приятные воспоминания. Но какие именно? Он не успел впустить их в сознание, потому что его вниманием опять за владела рыжеволосая девушка.

– Посмотри на этого человека, – сказала Соня.

На экране возникло лицо пятидесятилетнего мужчины крупным планом. Скуластое, тонкогубое, волевое лицо.

На мужчине была фуражка с высокой тульей. На кокарде эмблема Космофлота, на погонах одна очень крупная звезда – стало быть, генерал-майор. А золотой значок с двуострой секирой

в ореоле распластанных ястребиных крыльев на правой стороне груди говорил о том, что его владелец служит в ненавистной каждому возвращенному бригаде «Беллона».

– Ты знаешь, как его зовут? – спросила Соня.

– Да, это наш враг... Генерал... Белов, – фамилия генерал-майора далась ему с усилием. Виски просто-таки ломило. Но он гордился тем, что все-таки вспомнил ее. И не предстал перед обаятельной собеседницей этаким контуженным маразматиком.

– Ты когда-нибудь встречался с генералом Беловым? – спросила Соня.

– Разумеется, нет!

– Почему «разумеется»?

– Если бы я с ним встречался, я убил бы его! Он ответил бы мне за все, что он сделал с моими товарищами!

Соня многозначительно кивнула. Ответ ей понравился. И она была уверена, что ее начальник, товарищ Дементьев (до пробуждения – Прусаков), тоже оценит его положительно. Мысль об этом наполняла ее сердце сдержаным ликованьем.

Следующий вопрос был совсем ерундовый – на экране возникла исполненная неподдельного чувства картина: два тарбозавра драконят жирного рогатого ящера. Ящер пронзительно орет, но деморализован и убегать не пробует.

– Когда и где происходит эта сцена? – спросила Соня, лукаво косясь на раненого.

– В павильоне «Мезозой», в Городе Знаний, что на Марсе. Нету жели в Солнечной системе найдется хотя бы один мальчик, которого в школе не возили туда на экскурсию?

– Ну, справедливости ради, девочек туда тоже возили! – за-смеялась Соня.

Он тоже улыбнулся. Ему было приятно, что у них с Соней возникло взаимопонимание.

– А теперь вот такая красавица... Ты знаешь ее?

На экране появилась молодая аристократка лет двадцати.

Фотография была постановочной, а вовсе не случайной, репортажной. Девушка сидела в плетеном кресле, стоящем на белой террасе, за ее плечом виднелось седое море в белых барашках волн.

На девушке было синее платье с полумесяцем кружевного воротничка и длинное, до пояса жемчужное ожерелье. Лицо ее – строгое и печальное – следовало признать совершенно безукоризненным с точки зрения любых канонов красоты. Такое лицо можно увидеть и на картине времен Возрождения, и в немом фильме далекого двадцатого века, и в ближайшем мультимаркете, где прекрасная незнакомка будет покупать новую узелочку для своего непослушного любимца, жеребца с какой-нибудь несусветной кличкой.

– Сама грация, – впечатленно произнес он.

– Ты знаешь, как зовут эту девушку?

– Понятия не имею! К превеликому сожалению, – какая-то непонятная, обжигающе сильная печаль слепым осьминогом шевельнулась в илистой глубине его души, но он прогнал ее прочь и добавил:

– У меня никогда не было возможности сходиться накоротке с девушками из высшего общества! Я парень простой, моя мать – портниха, отец – вакуумный литейщик... Но я бы, конечно, был не против! И, кстати, как ее зовут?

– Анна Петровская, – отчетливо произнесла Соня, закладывая за ушко беглый локон цвета начищенной меди.

Он мысленно покатал услышанное имя на языке и наконец вынес свое суждение:

– Анна... Анна – невыразительное имя для такой фифы. Вот если бы Ангелина... Или, допустим, Ада...

Соня сверкнула счастливой улыбкой и выключила визор.

Август 2009 – январь 2010

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

Александр Зорич — псевдоним писательского tandem'a Дмитрия Гордевского и Яны Боцман.

Оба соавтора родились в 1973 году в Харькове. Имеют по два высших образования: математическое и философское. Оба — кандидаты философских наук, до осени 2004 года — доценты философского факультета Харьковского университета.

Пишут в соавторстве и публикуются с 1991 года.

Александр Зорич — один из ведущих отечественных бестселлеристов, самый востребованный сценарист компьютерных игр в России и лауреат многочисленных литературных премий. Его перу принадлежат 21 роман (в том числе «Время — московское!», «Беглый огонь», «Карл, герцог», «Люби и властвуй»), 11 сценариев для компьютерных игр (среди них хиты «В тылу врага», «Черные бушлаты», «Завтра война», «Фактор К»), более 50 рассказов и повестей.

Александр Зорич — автор самой масштабной российской космической эпопеи «Завтра война», чью феноменальную популярность признают даже злейшие враги писателя.

15 ВОПРОСОВ О «СОМНАМБУЛЕ»

1. В вашей модели будущего действительно отсутствуют США и Евросоюз? Или это ошибочное впечатление?

Действительно отсутствуют. Во вселенной «Сомнамбулы» нет разделения человечества на страны и военные союзы. До падения государственных границ, в течение XXI-XXII веков, ведущая роль в освоении космоса будет принадлежать России и Китаю. США и Евросоюз не смогут застолбить за собой крупных участков лунной поверхности при помощи постройки постоянных баз и купольных городов, из-за чего все новые названия на Луне будут либо русскими, либо китайскими.

2. Почему действие книги происходит именно в 2468 году, то есть в XXV веке? Это авторский волонтиаризм или следствие каких-либо научных прогнозов?

Это вполне научная оценка ситуации, хотя и обильно сдобренная чисто жизненным оптимизмом. Мы исходим из того, что у России и Китая примерно 100 лет уйдет на овладение термоядерной энергией (без которой вообще невозможно построить будущее, описанное в «Сомнамбуле»). Далее, еще 200 лет потребуется для создания атмосферы и гидросферы Луны. То есть полноеterraформирование нашей ближайшей соседки завершится не ранее 2300 года.

Далее, еще 150 лет будет осуществляться terraформирование Марса до того состояния, когда на нем наконец зацветут яблони и начнется производство местного кальвадоса.

В итоге, суммируя эти оценочные цифры, мы получаем те самые 2460-е годы, когда растет, мужает и сражается Матвей Гумилев.

3. Так что же все-таки случилось с Анной? Она осталась в живых?

Анна жива. Однако ее роль в дальнейших событиях – один из самых волнующих секретов нашего цикла. Не в наших интересах раскрывать этот секрет раньше времени. Так что ждите продолжения романа «Сомнамбула»!

4. Что означает название книги? Кто – сомнамбула?

С точки зрения той Силы, о которой Прусаков упоминает в их последнем разговоре с Матвеем Гумилевым, сомнамбулой является каждый гражданин Объединенного Человечества. Потому что существование обычного человека неполноценно, это своего рода сон наяву. «Пробуждение» же происходит толь-

ко после того, как человек попадает в руки пиратов — то есть в распоряжение той самой загадочной Силы.

Таким образом, сомнамбула — главный герой романа, Матвей Гумилев.

5. Почему изображенный на обложке Лев не появляется на страницах романа? Какова вообще роль фирменных предметов сериала «Этногенез» в XXV веке?

Роль предметов весьма значительна. В первой книге они остались за кадром по той причине, что Матвей Гумилев еще не находится на том уровне осознания, который делает возможным знакомство с предметами.

Некоторые предметы нужны для пробуждения и воспитания сомнамбул. Ряд других предметов задействован в ключевых технологиях, которые позволяют строить пиратские крейсера последнего поколения за пределами планет, контролируемых Объединенным Человечеством.

Что же касается предмета «Лев», то ему суждено сыграть ключевую роль не только в судьбе Матвея Гумилева, но и всей человеческой цивилизации.

Все это читатели узнают из книг «Сомнамбула 2» и «Сомнамбула 3».

6. Как следует понимать финал книги? Как был воскрешен Матвей Гумилев, и почему он превратился в Максима?

Внимательный читатель предыдущих книг проекта «Этногенез» может заподозрить, что в воскрешении Матвея Гумилева был задействован какой-то предмет — например, Ящерка.

Однако не будем забывать, что действие «Сомнамбулы» происходит в далеком будущем. Воскрешение человека в течение часа-двух после остановки сердца в двадцать пятом веке может стать относительно распространенной процедурой, которая возможна при наличии хорошего медицинского оборудования. Особенно когда не ставится задача полностью восстановить память воскрешаемого (а ведь память может быть полностью утрачена при разрушении клеток мозга из-за прекращения подачи кислорода).

Но в нашем случае такая задача — сохранение памяти — как раз не стояла. Матвею Гумилеву, как понял читатель, записали новую личность — личность «звездного борца» Максима — поверх стертой старой. В то время как разрушенные клетки мозга бывшего Матвея Гумилева могли быть заменены новыми при помощи нанотехнологий и клонирования.

7. Подразумевается ли какая-либо связь между «Сомнамбулой» и вашей знаменитой космической сагой «Завтра война»?

Нет. Вселенная «Завтра войны» (Сфера Великорасы) заметно отличается от мира «Сомнамбулы». Достаточно напомнить, что к 2468 году в Сфере Великорасы заселено множество планет в других системах, существует враждебная сверхдержава Конкордия и установлен контакт с инопланетянами-чоругами. Все подобные достижения для мира «Сомнамбулы» являются достаточно отдаленной перспективой. Зато в мире «Сомнамбулы» тераформированы Луна и Марс.

Однако между этими циклами есть и ряд концептуальных сходств – например, вера в счастливое будущее России.

8. Вы используете термины «Исинка» и «исинк» как хорошо известные читателю. Скажите, где можно прочесть об их возникновении поподробнее?

Исинк, что означает «искусственный интеллект», впервые появляется в другом произведении из проекта «Этногенез» – романе «Маруся 2. Таежный квест». Там же, в «Таежном квесте», сказано, что Маруся Гумилева перенастроила исинк так, чтобы он говорил женским голосом, и назвала его Исинкой.

Таким образом, Исинка «Сомнамбулы» - это сверхэрудированная и сверхсложная программа с возможностями самообучения, фактически обладающая собственной личностью и бывшая очевидицей событий всех минувших веков, начиная с двадцатого. Ее материальным носителем служит небольшая сверхпрочная коробочка с различными коннекторами. Этую коробочку можно подключать к различным компьютерным сетям, к экзоскелетам и космическим кораблям.

Также в мире XXV века существует множество других искусственных интеллектов. Которые, возможно, и не являются столь же совершенными, как Исинка, но их тоже можно считать полноценными синтетическими личностями.

9. Как следует понимать преобразование пиратского форта «Мститель» в эскадру мощных крейсеров?

Это действительно загадочное событие, которое невозможно объяснить при помощи информации, которой располагают в ходе романа Матвей Гумилев и наши читатели. Особенно удивляет то, что пираты смогли создать корабли, которые разительно отличаются от тех, что строятся Объединенным Человечеством на больших корпоративных верфях, и в то же время не уступают им по боевым характеристикам.

Читателю следует заподозрить, что так называемые «пираты» являются куда более мощной организацией, чем принято считать, и располагают возмож-

ностями к ведению полномасштабных войн с Объединенным Человечеством. Поэтому шокирующие события романа «Сомнамбула 2» для самых проницательных читателей, возможно, не станут столь уж шокирующими.

10. Следует ли понимать, что Прусаков все-таки пережил гибель терраформирующего корабля «Амур» и прохождение солнечного протуберанца?

Именно так и следует понимать. Не исключено, что это удалось Прусакову благодаря загадочной «голубой крови», которая упомянута на первых страницах «Сомнамбулы». Заметим, что преподаватели и кадеты Академии располагают предельно упрощенными представлениями о голубой крови. В действительности ее цвет обусловлен отнюдь не только приемом «стимулирующих агрессивность препаратов».

11. Зорича часто называют «ведущим экспертом по космосу среди фантастов». Подобное титулование ко многому обязывает. Действительно: крепка ли научная составляющая романа «Сомнамбула» и насколько достоверны описанные в нем космические коллизии?

Да, мы берем на себя смелость утверждать, что «Сомнамбула» – это весьма достоверная книга. Описанные в ней реалии не входят в противоречие с современной наукой. Все химические элементы и вещества, упомянутые в книге, действительно обладают теми свойствами, которые им приписаны. Юпитер, его спутники и атмосфера описаны на основании новейших данных, полученных от космических аппаратов. Это относится и к реконструкции атмосферных эффектов, наблюдаемых из города Хэйхэ.

Все космические аппараты в романе движутся по теоретически правильным траекториям. Длительности перелетов между различными небесными телами взаимно согласованы. В общем, если сейчас вообще возможна «научная фантастика», то перед вами именно научная фантастика.

12. А что, действительно можно снять с Венеры лишнюю атмосферу так, как описано в книге?

Возможность устранения атмосферы Венеры при помощи спровоцированного выброса солнечного вещества является нашей авторской гипотезой, которая, однако, не противоречит футурологическим прогнозам по терраформированию планет Солнечной системы.

13. Скажите, какими свойствами обладает НКВ – неквантуемое вещество? Это ваше собственное изобретение?

Разумеется, НКВ - это наше собственное изобретение – так же как и, например, полюбившийся читателям люксоген из вселенной цикла «Завтра война».

НКВ, как следует из его названия, не квантуется. По крайней мере, в привычном смысле слова. Это означает, что если в любых привычных веществах можно обнаружить атомы, которые делятся на протоны, нейтроны и электроны, то неквантуемое вещество не позволяет столь легко обнаружить «кирпичики», из которых оно построено.

Поверхность любой порции НКВ мгновенно покрывается тончайшим слоем с нетрехмерной метрикой. Происходит своего рода закукивание в инородное многомерное пространство, где в двух «лишних» измерениях будто бы «законсервированы» сильнейшие гравитационные силы.

Это свойство НКВ в будущем научились использовать для взрывной выработки мощных гравитационных воздействий. Также, по мнению ряда ученых, неквантуемое вещество делает в перспективе возможным создание машины времени, поскольку каждая порция НКВ существует как бы одновременно во всех мгновениях прошлого и будущего.

14. А что, действительно возможен летающий город в атмосфере Юпитера?

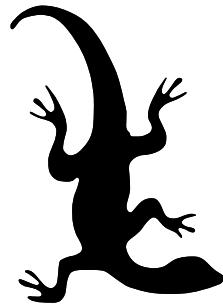
Да, потому что атмосфера Юпитера имеет очень высокую плотность. А это значит, что, по закону Архимеда, баллоны сравнительно умеренных объемов смогут удерживать в атмосфере Юпитера весьма массивные конструкции.

Разумеется, мощная радиация, которая исходит из недр Юпитера, обещает такому городу ряд технических проблем. Но жилую зону Хэйхэ смогли экранировать при помощи емкостей с водой. Вода принимает на себя поток радиации, за счет чего в ней начинают вырабатываться дейтерий и тритий. Их отбирают и используют как топливо для космических кораблей.

15. Пообещайте, что красавица и умница Анна Петровская вернется к нам на страницах следующей книги цикла?

Мы обещаем. И сами с нетерпением этого ждем!

Полина Волошина
при участии Евгения Кулькова

Маруся

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Паника

1

Вам знакомо чувство внезапной паники, которое возникает из ниоткуда, без видимых причин? Буквально за мгновение оно сводит вас с ума, разгоняет сердце до 240 ударов в минуту — кажется, будто оно сейчас взорвется. В голове туман, мороз по коже — и тут же жар и ужас, сковывающий, и в то же время заставляющий бежать?

Панические атаки — главное психическое заболевание XXI века — еще сто лет назад не рассматривалось всерьез. Симптомы списывали на что угодно, только не на болезнь. Могли даже назвать симулянтом и лгуном, что вряд ли прибавляло оптимизма. Но, к счастью, однажды человечество признало — болезнь есть. И значит, ее необходимо лечить. На тот момент с этими ощущениями, так или иначе, сталкивался каждый десятый — и постепенно круг жертв становился шире, болезнь поражала всех без разбора, как гром среди ясного неба.

Маруся стояла в центре огромного зала, заполненного людьми, где все куда-то торопились — кто на самолет, а кто с самолета на стоянки такси, рентомобилей, вертолетов и сверхскоростных поездов. Они бежали, задрав головы на табло, которые были размещены по всему зданию и призывали повернуть налево, или подняться на крышу четвертого корпуса, перекусить в кафе «Укроп и Петрушка», заплатить налоги или обратиться в кабинет срочной психологической помощи. На запястье Маруси была наклеена практически невидимая полоска прозрачного силикона — пластырь с миллионом тончайших иголок, через которые под кожу непрерывно вводился стопадреналин — препарат, блокирующий выброс адреналина, главного виновника панических атак. Пластырь не работал. Скорее всего, потому, что Маруся, как всегда, пропустила момент, когда его

надо было сменить на новый. Маруся даже потерла его пальцем, словно пыталась выдавить остаток лекарства, как из тюбика, но пластырь не действовал, а паника подступала все сильнее, застревала пульсирующим комком в горле, мешала дышать.

— Девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь...
— Маруся принялась отсчитывать сотню в обратном порядке, как учили папа, — надо было сконцентрироваться на чем-то и переключить внимание, пока состояние не стабилизируется...
— Девяносто шесть...

Паническая атака продолжается всего несколько минут, но за это время человек переживает такой ужас, что... некоторые несчастные умудрялись прыгнуть под поезд или с двухсотого этажа, лишь бы прекратить пытку.

Девяносто пять, девяносто четыре...

Атаки могут преследовать вас всю жизнь, случаться по несколько раз в неделю, но привыкнуть к ним невозможно. Их можно только принять как регулярную онлайн-конференцию родителей со школьными учителями. Да, вы можете ждать атаку, знать о ней, быть готовым, и все равно — каждый раз она будет нападать на вас внезапно. И именно в тот момент, когда вы на минуту расслабитесь и отвлечетесь на изучение шоколадных батончиков в витрине магазина, на просмотр новостей или на болтовню по коммуникатору.

Девяносто три...

Маруся старалась не смотреть на людей, она просто быстро шагала, глядя в пол, который был весь исчерчен разметкой, как автомагистраль. И дублировал сообщения с табло и панелями: предложение опробовать новый поезд — до центра за 8 минут (после того, как в Москве запустили вертолеты, администрации железных дорог пришлось несладко, и теперь они из кожи вон лезли, чтобы оттеснить конкурентов). Юридическая контора «Моменталь» (заключение и расторжение браков в течение 20 минут прямо в аэропорту), коктейль «Возрождение» (столовые клетки с ванильным вкусом и пышной пенкой — дураки не переведутся никогда), «стопадреналин» пролонгированного действия... Маруся проследила взглядом, куда указывала стрелка, и свернула в аптеку.

— Новые легкие — это легко! — обнадеживала силиконовая

девица у входа и вдыхала кондиционированный воздух полной грудью огромного размера. Лет двадцать назад такие куклы продавались в специализированных магазинах, пока кому-то не пришла в голову мысль заменить ими промо-девушек. Вставить звуковой файл и моторчик, заставляющий расправляться пластмассовую грудную клетку, оказалось дешевле, чем нанимать живых студенток, в принципе, таких же безмозглых, но требующих все большую и большую зарплату.

— Стопадреналин! — выпалила Маруся, облокачиваясь на прилавок и протягивая персональный жетон.

Удивительно, но в аэропортах еще остались аптеки с настоящими фармацевтами. Говорят, Министерство здравоохранения «потеряло немало здоровья» на войне с Госкорпорацией «Ростехно», которая энергично лоббировала замену всех продавцов на автоматы.

— Извините, но ваш счет заблокирован...

Фармацевт напоминал настоящую доисторическую реликвию, словно подчеркивая проблему исчезающего вида — древний старишок в белом пластиковом халате, больше похожем на мешок для мусора.

— Заблокирован?

Старик погрузил жетон в считающее устройство и отрицательно замотал головой.

— Возможно, у вас закончились средства...

Средства были, в этом Маруся не сомневалась, но почему жетон не сработал? Оттого, что лекарство оказалось недоступным, паника только усилилась. Маруся почувствовала, как на глаза навернулись слезы, ком в горле разросся, причиняя ощущимую боль.

— Пожалуйста, мне очень нужно...

— Вы можете воспользоваться кабинетом срочной психологической поддержки.

— Мне не нужна поддержка, мне нужен пластырь!

— Извините, но ваш счет заблокирован...

Зачем надо было оставлять живых продавцов, если, по сути, они ничем не отличались от бездушных автоматов.

— Мне очень плохо, пожалуйста. Я вам дам часы, это настоящее...

— Кабинет срочной психологической поддержки находится...

Маруся резко развернулась и выбежала из аптеки, случайно задев куклу у дверей. Девица упала силиконовым лицом в пол, но самоотверженно продолжала работать: после каждого вдоха ее голова приподнималась и бессмысленно тыкалась носом в кафель, упрямо твердя: «Легко, легко, легко...»

Бежать!

Эта мысль возникла в голове, как вспышка. Главное — не оборачиваться. До конца зала, не заходить в лифт! Почему? Не заходить! Значит, по ступеням вниз, на первый уровень, там по коридору в гостиничный сектор, бесконечная стойка ресепшина, за ней отделение связи, лестница вниз в кинотеатр или направо по коридору — магазины.

Вниз!

Маруся ни на секунду не задумывалась куда бежать — думали ноги. Сейчас они управляли движением. Кабинет срочной психологической поддержки — смешно, он будто сам выбежал навстречу. Мимо! 36 кинозалов. Дальше! Туалеты, санчасть, магазины — Маруся внезапно оказалась на этаж выше, чертова планировка; и снова лестница вниз.

Этот высокий седой человек, который сейчас стоял к Маруся спиной, человек, который бежал за ней и которого она догнала первой, — чего он хотел? Маруся точно запомнила его лицо, невероятно бледное, с яркими голубыми прожилками на висках и на шее, прозрачный... Лицо? Но ведь она никогда не видела его раньше. Какая-то доля секунды — и седой обернулся, но Маруся уже бежала назад. Опасность. Этот человек представлял для нее опасность и в здании он был не один. Купить билет и спрятаться в кинозале? Жетон не работает. Позвать на помощь? И как объяснить? Позвонить? Маруся нашупала в кармане куртки коммуникатор и нажала на кнопку.

— Ваш номер заблокирован...

Маруся нажала кнопку еще и еще...

— Обратитесь в службу поддержки, либо...

Вниз, через два пролета стоянка рентомобилей. Садишься в любой, вместо ключа зажигания и документов — все тот же жетон. Кнопка старта и красная мигающая надпись.

ИЗВИНИТЕ, ВАШИ ПРАВА ЗАБЛОКИРОВАНЫ.

Не оборачиваться. Не смотреть в зеркало заднего вида, потому что он уже там. Не паниковать и не думать. Просто бежать. До конца зала, там около ста выездов, перепрыгнуть шлагбаум и вверх по резиновой ленте на первый уровень, оттуда лифт вниз, лифт и без вариантов — большой светлый зал сверхскоростных поездов, турникет и служба безопасности.

Персональный жетон. Персональный жетон — ваше все. Удостоверение личности. Водительские права, банковский счет, медицинская карта, страховой полис, ключ зажигания, ключи от дома, доступ в компьютерную систему... Билет на поезд, в конце концов!

ИЗВИНИТЕ, ВАШ СЧЕТ ЗАБЛОКИРОВАН.

Какой-то идиот придумал сделать на турникетах звуковое оповещение заблокированных пользователей. Эти штуки начинали реветь как сирены и разве что не хватали тебя в свои цепкие объятия.

— Позвольте ваш жетон?

Служба безопасности должна реагировать на подобные происшествия. Заблокированный пользователь — это не просто человек без билета, он преступник. Непонятно, что вообще надо совершить, чтобы тебя заблокировали — убить президента? Маруся никого не убивала, и, кроме того, очень не хотела, чтобы убили ее, поэтому она преодолела препятствие так же, как шлагбаум... а теперь со всех ног к поездам... ослушаться службу безопасности — паршивая история даже для дочери дипломата. Обратный отсчет от десяти. Девять, восемь, семь, шесть — не больше трех шагов до двери поезда. Пять, четыре, три, заряд электрошока между лопаток и — лицом в пол. Как та силиконовая кукла.

Маруся сидела в небольшом кабинете с зеркальными стенами и пыталась сконцентрироваться и сообразить, что тут вообще происходит. Мысли разбегались, а все внимание уходило на изучение перламутрово-белых ботинок капитана службы безопасности.

— Гумилева Мария Андреевна... Так?
Маруся очнулась и наконец-то оторвала взгляд от капитанской обуви.

— Две тысячи пятого года рождения... Пятнадцать лет?
— Четырнадцать.

Капитан пробежался пальцами по сенсорному экрану и открыл файл с таблицей прилетов и отлетов. Яркое излучение монитора высвечивало лицо офицера: его глаза были прозрачными, словно стеклянные шарики.

— Цель вашего визита в Москву?
— Я здесь живу.
— Вы здесь живете... — повторил капитан. — А в Сочи?
— Бабушка.

Сильнее всего болело правое плечо, как будто весь удар пршелся именно на него. Наверно, как-то неудачно подвернула руку, когда падала.

— И что вы там делали? В Сочи?
— Отдыхала. Сейчас ведь летние каникулы.
— А почему вернулись?

Эти прозрачные существа, похожие на людей, но не люди, кто они? Привидения? Призраки? Смешно... сейчас собственный страх казался фантазией, и в то же время можно было поклясться, что они были, и даже сейчас, в эту минуту, они есть и они есть где-то рядом, за этой стеной, смотрят на нее. Маруся чувствовала...

— Почему вы вернулись в Москву?
— Хотела отметить день рождения с друзьями.

Капитан сверил информацию с данными на компьютере и слабо кивнул. На мониторе замигало входящее сообщение — клик и очередная таблица. Правда, скорее это было похоже на кассовый чек, в котором четко отражалось, когда и где Маруся пользовалась жетоном. Вот она вышла из дома в Сочи, оплатила такси, купила сок, прошла регистрацию, купила кофе и булочку, купила журнал, купила резиновую уточку (о боже!), скачала музыку... Ничего криминального, если не считать уточки. Села в самолет, прилетела, прошла регистрацию... Жетон отражал каждый шаг — сканеры считывали информацию, даже когда он просто лежал в кармане или в сумке.

В 2012 году правительство пыталось ввести закон об обязательном вживлении микрочипа: тот же жетон, но размером с букашку, однако идея не прошла — люди оказались морально не готовы к такому вмешательству в свои организмы. После скандальных дискуссий решено было отказаться от принудительной «вакцинации». Пришлось вернуть привычный жетон, но с некоторым усовершенствованием — теперь на нем был сенсор, который определял «хозяина» по ДНК, так, чтобы никто чужой не смог воспользоваться твоим кодом, плюс, при утере, жетон можно было восстановить в любой точке любого города — вас просто идентифицировали и выдавали новый.

— Ваш идентификационный код был заблокирован в десять часов тридцать восемь минут. Попытайтесь вспомнить, что в этот момент происходило?

— Я прилетела...

— Так...

— И у меня закончился пластырь.

Капитан достал из кармана бумажную салфетку и промокнул лицо.

— Вы хотите сказать, что используете лекарственный препарат, чтобы не волноваться, и что вы часто испытываете гнев.

— Я так не сказала.

— Но это так?

— Ну, я, конечно, злюсь...

— Это как-то связано? Ваше состояние и вспышки гнева. Вы испытываете гнев в момент волнения?

— Я...

— Если в момент прилета действие вашего пластыря закончилось, и вы забеспокоились, могло ли это спровоцировать агрессию с вашей стороны?

— Что?

Казалось, будто офицер подводит к чему-то, к какому-то выводу, цепляется за слова и увязывает их в одну логическую цепочку...

— Вы пытались оказать сопротивление службе безопасности...

— Ничего я не оказывала!

— Тогда почему вы убегали?

Маруся не нашлась, что ответить. От службы безопасности она убегала по инерции, без какой-либо причины. Но попробуй это объясни.

— Вы заходили в аптеку?

— Да.

— В какое время это произошло?

— Не помню...

— Хорошо. Что было дальше?

— Я не смогла оплатить покупку...

— Дальше?

— Вышла из аптеки.

— Куда вы побежали, когда вышли из аптеки?

— Я...

— Почему вы стали убегать?

Вопросы стали сыпаться с такой скоростью, что Маруся не успевала подумать, прежде чем ответить.

— Не знаю.

— Почему вы убегали?

— Показалось, что за мной кто-то следит.

— Вы заметили что-то странное, что вас напугало?

— Нет... Ничего не заметила. Просто побежала.

— Вы сказали, что вам показалось, будто за вами кто-то следит.

— Ну да. У меня была паническая атака, я же говорю... — Маруся снова протянула руку с пластырем, — закончился пластырь и у меня, видимо, был выброс адреналина или чего-то там, мне стало плохо, я очень занервничала и мне показалось, что за мной кто-то следит — я не знаю, почему мне так показалось. И потом мне показалось, что там был какой-то человек с прозрачной кожей...

Капитан развернулся и посмотрел Марусе в глаза.

— Нам придется провести анализ крови на наличие наркотических веществ.

Маруся кивнула. Безумие какое-то вся эта история. Адреналин, пластырь, страх... Оправдываться было бесполезно — все оправдания звучали бредом и вызывали еще большие подозрения. Маруся вспомнила сцену из какого-то старого фильма, который они с папой смотрели в прошлом году — там обви-

няемый сказал, что будет хранить молчание, пока не приедет его адвокат. У Маруси не было адвоката, но зато был папа. Так и сказать? Но тогда это подтвердит, что Маруся в чем-то виновата, а ведь она ничего плохого не сделала... Уж лучше отвечать на все вопросы — скорее всего это недоразумение вскоре разрешится и ее отпустят.

— Опишите подробно, что вы делали в аптеке.

— Я шла, увидела указатель, зашла в аптеку. Там был старик, который отказался продавать мне пластырь, потому что у меня был заблокирован счет, и я не могла оплатить покупку. Я стала просить его дать мне пластырь в обмен на часы, потому что мне правда было очень плохо, и я была готова на все, что угодно...

— Даже на убийство?

Маруся улыбнулась. На мгновение она почувствовала себя в безопасности — если капитан шутит, значит все не так страшно. Но потом она посмотрела в его глаза и радость улетучилась.

— Мы восстановили время по камерам слежения. Сразу после вашего ухода был обнаружен труп фармацевта...

— Что?!

— И единственное, что нас интересует, это способ, которым вы смогли сжечь человека за несколько минут практически дотла...

3

Камера находилась на нулевом уровне, там же, где располагалась стоянка рентомобилей, вход в метро и дешевые отели. Сейчас, в спокойном состоянии, если это состояние можно было назвать спокойным, Маруся наконец-то обратила внимание на новый дизайн подземного этажа — имитирующее асфальт напольное покрытие, по обе стороны настоящие уличные фонари с теплым оранжевым светом, деревья в кадках, газоны и шум прибоя из невидимых динамиков. Расслабляющая атмосфера, будто прогуливаешься по набережной, если не считать наручников и пару конвоиров.

— Мы связались с вашим отцом...

Фальшивые дорожные знаки указывали направление движения, места для парковки, ограничивали скорость. На перекрестках торчали фальшивые светофоры.

— Через пару минут к вам придет психолог и задаст несколько вопросов...

Напротив подземного мотеля обосновался корейский ресторан с табличкой «Место для выгула собак», и Маруся вспомнила, как они с классом летали в Сеул прошлой весной, и как она сломала мизинец, поскользнувшись в бассейне.

— Вы слышите меня?

Вот вам четырнадцать лет. Вы только что вернулись с отдыха, где прекрасно провели время с друзьями. Ваша кожа все еще соленая от морской воды, потому что этим утром вы плавали, и кажется, что волосы на затылке не просохли, и вы немножко влюблены... И вот вы сидите на допросе и вас обвиняют в убийстве. Заставляют снять одежду. Потрошат сумку. Берут кровь. Вкалывают успокоительное. Вот вас ведут в камеру и задают дурацкие вопросы. Конечно, Маруся слышала, но отвечать не хотелось, поэтому за нее ответил кто-то другой.

— Оставь ее в покое.

Маруся почувствовала невыносимую усталость, будто она не спала неделю или даже больше, шум прибоя убаюкивал, кондиционеры гнали воздух, глаза слипались

— В камере есть коммуникатор для внутренней связи. В случае необходимости вы можете связаться с нами.

Маруся опустилась на кровать и моментально уснула. Интерьер аэропортовой тюрьмы она оценить не успела, но, судя по звуку, там была работающая телевизионная панель.

4

— Беги!

Маруся перевернулась на спину и открыла глаза.

— Сейчас же! Срочно! На другой конец света, под землю, на Луну, куда угодно. Ты не представляешь, на что способны эти люди...

Маруся обернулась на звук. На экране телевизионной панели мокрое от пота лицо таращило глаза и умоляло бежать кого-то — кого, не видно было:

— Твоя смерть — это еще не самое страшное, что может с тобой случиться...

Пульт на прикроватном столике, значит, телевизионная панель старая и голосового управления у нее нет. Тянуться лень, но слушать этот бред казалось еще невыносимее. Маруся переключила канал.

— Поистине бесценна...

Теперь на экране появилась лысая говорящая голова, прикрепленная к плечам в полосатой рубашке. Внизу бегущей строкой проносилось известие о похищении Сикстинской Мадонны из дрезденского музея.

— Мы пока не можем объяснить, каким образом грабителям удалось...

Маруся услышала шаги за дверью, бросила пульт и притворилась спящей. Меньше всего ей хотелось отвечать на вопросы.

— Мария?

Женский голос. Очень мягкий, почти нежный. Маруся услышала, как дверь закрылась, потом осторожные шаги мимо кровати, к изголовью, потом замолчала телевизионная панель.

— Вы слышите меня?

Маруся приоткрыла один глаз. Перед ее кроватью стояла женщина в форме, видимо, тот самый психолог, который собирался прийти через пару часов. Бывают такие женщины, чью половую принадлежность можно определить только по голосу. Высокая, худая, с короткой стрижкой. Ни грамма косметики, тонкие черты лица и какая-то странная сухость, будто ее прогнали через вакуумную машину, и та откачала из нее всю жидкость. Даже кожа на ее лице выглядела словно пересушенная бумага. Маруся задумалась о том, что будет, если такую женщину бросить в бассейн? Сколько литров воды она впитает, и до каких размеров увеличится? Возможно, тогда у нее появились бы и грудь, и губы, и...

— Как вы себя чувствуете?

Маруся села и дотянулась голыми ступнями до холодного пола.

Женщина придинула ей тапочки. Как мило.

— Вас что-нибудь беспокоит?

— Да.

Женщина пододвинула кресло и села напротив. В ее взгляде было столько трепета и заботы, что хотелось сразу же довериться и поделиться самым сокровенным.

- И что же?
- Как грабителям удалось похитить Сикстинскую Мадонну?
- Какую мадонну? — женщина-губка нахмурилась, и ее высокий лоб превратился в гофрированную рисовую бумагу.
- Сикстинскую. У нее ведь столько степеней защиты...
- Женщина-губка замолчала. Забота и трепет в ее глазах сменились на ледяное спокойствие.
- На вашем месте я бы думала о том, сколько степеней защиты у вас.
- Ничего приятного в ее голосе уже не было.
- Как вы определили, что я заходила в аптеку?
- По камере слежения.
- Значит, камера показала, как я выходила из аптеки и что именно там происходило.
- Казалось, будто именно этого вопроса она и ждала.
- Запись стерта.
- С какого момента?
- С момента, как вы туда зашли.
- Маруся сунула ноги в тапки.
- И вы думаете, что это я ее стерла? Убила и стерла? За несколько минут?
- Мария, вас пока никто ни в чем не обвиняет... — сморгнувшись впалые щеки женщины-губки. Видимо, таким образом она улыбалась. — Мы вообще не считаем вас причастной...
- Поэтому посадили в тюрьму?
- Это не тюрьма.
- Маруся осмотрела комнату. Больше похоже на отель, только вот замки — снаружи.
- Папа приехал?
- Он скоро подойдет.
- А кормить здесь будут?
- Женщина-губка открыла папку и пробежалась глазами по тексту, сделав вид, что не услышала вопроса.
- Мы не смогли установить причину, почему ваш жетон оказался заблокирован...
- Может быть, он просто сломался.
- Жетоны блокируются только в случае, если человек представляет собой опасность, думаю, вы знаете об этом...

— Я...

— Таким образом, можно парализовать свободу передвижения...

— Это я уже заметила...

— И облегчить поимку преступника.

— Я не преступник!

Женщина-губка резко захлопнула папку.

— Тем не менее вы понимаете, что попытки побега бессмысленны.

— Но я не собираюсь никуда бежать.

— Единственная организация, которая может заблокировать идентификационный жетон, это госбезопасность, мы связались с ними, и они подтвердили, что ваши права были аннулированы... Но по какому-то странному стечению обстоятельств вашего дела не нашли, и мы думаем...

Маруся отвернулась и стала смотреть в стену. Идентификационный жетон, госбезопасность, аннулированы, бессмысленны, парализованы — все, что говорила эта женщина, смешалось в одну большую кучу непонятных слов. Было совершенно очевидно, что произошла ошибка, и совершенно неочевидно, как доказать, что ты здесь ни при чем.

— Отложим это. Сейчас я хочу выяснить, что именно произошло в аэропорту. Вы выбежали из аптеки крайне испуганной, и согласитесь, это подтверждает...

— Что это подтверждает?

Маруся снова включилась в диалог, но теперь «сущеная психологичка» вызывала у нее чувство, близкое к ненависти.

— В вашей крови высокое содержание адреналина.

— У меня была паника.

— Это могло быть вызвано сильным переживанием...

— Видите пластырь? Я налепила его два дня назад. Если я налепила его задолго до того, как это случилось, значит, я знаю, что выбросы адреналина случаются у меня НЕ по причине сильного переживания, а потому, что они случаются!

— Да. Но это не отменяет вероятности того, что выброс адреналина случился по причине сильного переживания.

Маруся закрыла лицо руками. В домике. Закрылась от всего и от этой мутной тетки тоже.

— Сейчас мы проведем тест вашей мозговой активности. Допустим... допустим, в аптеке произошло страшное убийство, и Маруся его увидела. Допустим, на ее глазах человека сожгли заживо, потом стерли запись видеокамеры, потом... Кто были эти люди с прозрачной кожей и почему они за ней следили? Почему заблокировали жетон? Почему это все происходит? Почему не появляется папа? И почему тут такой холодный пол?

— Это не больно. Просто ложитесь и закройте глаза. Я прилеплю маленький датчик и задам несколько вопросов.

Неприятный писк заставил ее заткнуться. Женщина-губка встала со стула и открыла дверь. Потом она вышла, а вместо нее зашел капитан в белых ботинках и папа.

Папа сразу же с порога подмигнул. Это внушало надежду на скорое освобождение, поэтому Маруся подмигнула ему тоже, чтобы показать, что она в порядке и не стоит волноваться.

— Ты как?

Маруся улыбнулась.

— Мы восстановили запись видеокамеры из магазина напротив. При развороте она захватывает кусок аптеки...

Папа выдержал паузу и посмотрел на капитана, будто ожидая от него продолжения рассказа, но капитан молчал, наступившись, словно кто-то серьезно его обидел.

— Ну, в общем, видно, что когда ты ушла, аптекарь был еще жив.

— А они не могли восстановить эту запись раньше?

— Ну, тогда бы им некого было задерживать.

— Я уже объяснял... — наконец-то вступил в разговор капитан, — что сегодня были повышенные меры безопасности. Вы сами видели, что...

— Что видел? Толпы фанатов?

Маруся вспомнила, что в зале ожидания и правда толпились какие-то странные люди с плакатами, но в тот момент ей было не до них, потому что за ней гнались еще более странные люди...

— У нас было распоряжение...

— Я не понимаю, как моя дочь связана с вашим распоряжением.

— Каждый раз, когда он появляется на людях, творится нечто очень... очень сложное. А тут еще этот труп.

Маруся переводила взгляд с папы на капитана и пыталась понять, о чем идет речь, но по обрывкам фраз понять было невозможно.

— А кто прилетел?

Офицер вздохнул и перевел взгляд на Марусю.

— Нестор.

— Нестор?! Экстрасенс? И что, он так просто летает обычными самолетами? В смысле... вот так со всеми?

— Это была какая-то акция...

— Черт с ним, с Нестором, — прервал разговор папа. — Вы задержали мою dochь, не имея на то никаких оснований.

— Но у нее был заблокирован жетон!

— С жетоном я разберусь, — сухо отрезал папа и обернулся к Марусе. — Пойдем, заберем твои вещи...

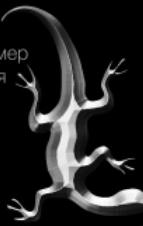
Маруся встала и, как в детстве, взяла папу за руку. Больше всего ей сейчас хотелось обнять его и расплакаться, но в четырнадцать лет девочки не плачут. Ну, или им так кажется...

Содержание

ЭПИЗОД 1 Последний звонок	5
ЭПИЗОД 2 Позор «Триумфа»	14
ЭПИЗОД 3 Космическая крепость «Слава»	26
ЭПИЗОД 4 Тяжелый день конвоя МЮ-17	37
ЭПИЗОД 5 Летающий город Хэйхэ	46
ЭПИЗОД 6 Мальчик с пьяными голубями	55
ЭПИЗОД 7 Два корвета, лазерный бур и «Серны»	63
ЭПИЗОД 8 Спасение яхты «Ассоль»	77
ЭПИЗОД 9 Секреты «черных ящиков»	84
ЭПИЗОД 10 Анна и ее совершенства	93
ЭПИЗОД 11 Петровские	108

ЭПИЗОД 12 Мозговой штурм	119
ЭПИЗОД 13 «Уют-5», космический человейник	130
ЭПИЗОД 14 Божественное тело	137
ЭПИЗОД 15 Семнадцать мгновений истины	152
ЭПИЗОД 16 Черная принцесса	166
ЭПИЗОД 17 Враг обнаружен!	184
ЭПИЗОД 18 В виду осиного гнезда	193
ЭПИЗОД 19 «Беллона» в гневе	199
ЭПИЗОД 20 На «Мстителе»	213
ЭПИЗОД 21 Последний бой сомнамбулы	221
ЭПИЗОД 22 Максим, звездный борец	239

Номер
Имя

351 44 313

Маруся²

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва. Солянка, дом 1
Тайга. Река Ада
Саламандра
Бессмертие
www.ethnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Миллиардер

Имя

Андрей

Отчество

Львович

Фамилия

Гумилев

Время действия

2008 год н.э.

Возраст

35 лет

Адрес

Москва, Жуковка

Локация

Арктика. Атомный ледокол «Россия»

Предмет

Отсутствует

Дар

Интуиция

Сайт

www.ethnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимировская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская плошадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская плошадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская плошадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятницы», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Александр Зорич

СОМНАМБУЛА

Книга первая

Звезда по имени Солнце

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Анна Ерошко

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 29.01.10 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32